

Под созвездием «КЕДРА»

Литературный альманах

Администрация города Советский
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Межпоселенческая библиотека Советского района»

*Под созвездием
«Кедра»*

Литературный альманах

Советский
2017

84(2Рос=Рус)6

П44

Под созвездием «Кедра»: литературный альманах. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2017. – 200 с.

Редактор: В. Волковец

Составитель: Г. Беловол

Редакционная группа: Н. Шабалина, М. Галимова,
Е. Надымова

Дизайн-верстка: А. Шамова

Седьмой сборник поэзии, художественной и документальной прозы «Под созвездием «Кедра»» стоит из произведений литераторов, оставивших в разные годы заметный след в культурной жизни Советского района и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. В издание включены также стихотворения, рассказы начинающих авторов.

Альманах адресован любителям чтения, учителям словесности, композиторам и исполнителям, краеведам.

Дорогие земляки!

У вас в руках литературный альманах «Под созвездием «Кедра», он посвящен 55-ой годовщине со дня образования города Советский.

В сборнике представлено творчество наших земляков, живших и ныне живущих в Советском. Свое отношение к людям, событиям, истории края авторы альманаха выражают через стихи и рассказы, очерки и воспоминания. Это книга о нашем прошлом и настоящем. Она поведает, как строили город, о чем мечтали первопроходцы, она сохранит эту память для наших потомков.

Искренняя, бескорыстная любовь к родному краю, мудрость и великодушие людей всех национальностей, связавших свою судьбу с маленьким поселком, выросшим благодаря их трудолюбию и стойкому характеру в современный город. Благодаря этим качествам живет и будет жить Советский.

Поздравляю всех горожан с 55-летним юбилеем нашей малой Родины. Желаю успехов и процветания! Пусть добрые, хорошие книги будут надежными и верными спутниками жизни, а литературный альманах «Под созвездием «Кедра» учит любви и уважению к природе, людям, формирует гордость за родной край.

Александр Жуков,
глава города Советский

*Борис
КАРТАШОВ*

Там, где не было следов...

Газета «Ленинская трибуна» в марте 1963 г. писала: «Глубокой ночью в феврале 1962 года небольшой отряд строителей добрался до будущей станции Картопья. Тайга разведчиков встретила хмуро. Бушевала пурга, стонали от ветра вековые сосны. С трудом строители построили шалаш. А утром с шумом упала первая сосна. Началась закладка поселка, который сегодня носит название Советский. Через месяц в сосновом бору стояло уже 9 домов...»

А спустя 35 лет, 1-го января 1997-го года, Советскуму был присвоен статус города районного значения.

Поселок Советский оставил городу в наследство все, чем располагал: четыре общеобразовательных школы, одну музыкальную, одну вечернюю, одну спортивную. Кроме того, детские сады, районную больницу, библиотеку взрослую и детскую, профтехучилище, пару филиалов высших учебных заведений, плюс четыре банка, почту и телеграф. А также учреждения культуры, социальной защиты населения, спорта, районную газету «Путь Октября» и телевидение «Радуга».

Важнейшая особенность экономико-географического

положения Советского – близость к Уральскому индустриальному региону, с которым город связывает железная дорога Ивдель-Обь. Она дала жизнь леспромхозам, рабочим поселкам, городам Советский, Югорск, явилась толчком к разработке и освоению месторождений нефти и газа.

Сегодня эту железнодорожную трассу можно увидеть на всех картах России: она пролегает тонкой черной ниточкой от Ивделя на северо-восток до Приобья. Десять лет мужества – 380 километров железнодорожного полотна, сотни людских судеб, для которых проведенный отрезок жизни в этих местах – стали своеобразным БАМом.

1 ноября 1966 года была принята в постоянную эксплуатацию станция Картопья, позже переименованная в Верхнекондинскую. Вдоль дороги стали появляться населенные пункты: поселки Пионерский, Таежный, Комсомольский и Советский. Первооткрыватели и первопроходчики шли на север одновременно с железнодорожниками и строителями.

Один из ветеранов Советского строительно-монтажного управления Михаил Иванович Мельников оставил такие воспоминания о том времени: «... снежным днем 25-го марта 1962-го года наша бригада плотников высадилась на свежую песчаную насыпь с табличкой «Станция Верхнекондинская». Здесь еще ничего не было. Домики, правда, – один рубленый да один щитовой – стояли, да и то в них еще не жили люди: жили в вагончиках.

А кругом, куда ни погляди – тайга... Командовал – где улице начинаться – первый архитектор поселка по фамилии Чуфырин. Самой первой улице дали имя Лесная. В рабочее время собирали для будущего леспромхоза щитовые привозные дома – 4-х и 6-квартирные, а по окончании трудового дня строили жилье для себя. Благо лес, стройматериал, был тогда деше-

Поз созвездием "Кедра"

вым. Поначалу было сложно. Бывало и такое, что по три дня не ели хлеба. И суп приходилось есть со сладким печеньем...»

Железная дорога пошла дальше, к Приобью, а вот станции Верхнекондинская со временем суждено было стать железнодорожным узлом. Здесь построили локомотивное и вагонное депо, подразделения вспомогательных служб: ПЧ, ЭЧ, ШЧ и НГЧ, последнее активно занялось возведением жилого микрорайона для работников железной дороги и их семей, а также школы (ныне это школа № 4), детских садов, больницы, столовой, бани и других учреждений, необходимых для полноценного существования транспортной отрасли.

«Самолет снизился на небольшую поляну... глухо стукнул о землю, и машина, подпрыгивая на неровностях, побежала по снежному полю, остановилась.

— Прошу выходить, — скомандовал пилот и в шутку добавил, — с новосельем! Так вспоминает этот полет один из основателей поселка В. Невидим.

В 1963 году приземлился первый самолет на «советской земле». И только спустя пять лет был образован Советский аэропорт. Пассажирские рейсы осуществлялись с грунтовой взлетно-посадочной полосы самолетами Ан-2. Нефтяников обслуживали вертолеты. В 1985 году началось строительство взлетно-посадочной полосы с искусственным покрытием. Сегодня аэровокзал включает в себя двухэтажное здание для комфорtnого обслуживания пассажиров и семиэтажное здание для авиационного персонала. Установлено новое метеорологическое оборудование и оборудование для управления воздушным движением. Аэропорт Советский обслуживает население Советского района, г. Югорска, предприятия и организации нефтегазового комплекса, находящиеся на территории Тюменской области.

Еще совсем недавно в поселок Коммунистический из Советского можно было доехать только по зимнику. Сейчас наш город связан со всеми поселками района дорогами круглогодового действия.

Кстати, «зимник» – это автомобильная дорога, эксплуатация которой возможна только в зимних условиях, при минусовой температуре. Для устройства зимника снег уплотняют и разгребают грейдерами или бульдозерами, на реках намораживают ледовые переправы. Зимник может также проходить непосредственно по замёрзшему льду рек и озёр. Они широко распространены в районах Крайнего Севера, в болотистых регионах, в районах, где отсутствуют мосты через многочисленные ручьи и реки и в других труднодоступных местах.

Но вернемся в Советский. Основу его экономики, как уже говорилось выше, составляла лесозаготовительная отрасль. Район по праву считался главной лесосырьевой базой Ханты-Мансийского автономного округа. Её достойным представителем был Советский леспромхоз, переименованный позднее в Советский ЛПК. В середине 70-х дал первую продукцию и Советский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат. В течение нескольких лет промышленной заготовкой древесины, а также изготовлением изделий из сосны, березы и древесины других пород занимался даже Советский лесхоз. Здесь же производилась заготовка и переработка дикоросов: грибов, ягод, орехов.

Уже тогда экономика района стремилась переориентировать лесной комплекс с традиционной заготовки древесины на выпуск готовой, конкурентоспособной продукции. Схема реализации этой задачи выглядела так: предприятие само рубит лес, само его перерабатывает, то есть выпускает пиломатериал, заготовки для мебельного производства, готовую продукцию – что и

Поз созвездием "Кедра"

было сделано. Так, например, в середине 90-х заработал мебельный цех – новое подразделение открытого акционерного общества «Советсклес». Его продукция пользовалась хорошим спросом у населения. Потому что была экологически чистой, сравнительно недорогой и при желании заказчика изготавливалась по индивидуальным проектам.

К сожалению, о многих начинаниях советских лесопромышленников и деревообрабочих сегодня приходится говорить в прошедшем времени. Но и забывать об этом мы не имеем права.

Здесь уже упоминался Советский ЛДК – лесопильно-деревообрабатывающий комбинат. Это было предприятие, в котором все – от хлыста до щепы шло в переработку. На комбинате работало финское оборудование по производству древесно-стружечных плит. Плита шла на экспорт, как бы мы сказали сейчас, в страны ближнего и дальнего зарубежья. А кроме того и на ЛДК был организован выпуск мебели – мебельных стенок «Слава» и «Москвичка».

Советский ЛДК просуществовал, увы, не очень долго – в конце 80-х сгорел главный цех – по выпуску древесно-стружечных плит, на этом практически закончилась история предприятия.

Вскоре начались кардинальные перемены в стране, которые не самым благоприятным образом отразились на лесной промышленности в целом и на советской земле в частности. Середина 90-х, как и время появления города Советского были не самыми благоприятными для демографии. А как иначе, если у советчан на тот момент пропала уверенность в завтрашнем дне: начались перебои с получением заработной платы, предприятия лихорадило.

Именно тогда в наш обиход вошло слово «бартер». Не буду напрягать вашу память вопросом, что такое

этот бартер. Слава Богу, оно, кажется, покинуло наш лексикон. Потому что бартер – это обмен готовой продукции, тех же пиломатериалов, на товары народного потребления вместо продажи за деньги. Этими товарами в итоге предприятия расплачивались со своими работниками.

Но тяжелые времена на этом не закончились. Кризис в отрасли привел к тому, что прекратил свое существование «Советсклес», а также совместное предприятие «Кремень»: оно занималось лесопилением, разделкой древесины, шпалопилением и выпуском шпона. Мало кто сейчас знает, что это однослойная, не клееная фанера, используемая в облицовке мебели из древесностружечных плит.

Попытки возродить предприятия лесной отрасли в Советском предпринимались впоследствии не раз. Но пока говорить о том, что все они были успешными, рано. Например фирма «Карсикко Лес», появившаяся несколько лет назад на месте нижнего склада бывшего «Советсклеса», очень быстро обанкротилась. В сложной экономической ситуации оказалось и предприятие «Юграплит», занявшее промплощадку Советского ЛДК.

До недавнего времени на территории нашего города располагались также подразделения нефтяной компании «Лукойл», крупное дорожно-строительное управление СУ-881, которому было доверено строить федеральную трассу Ханты-Мансийск – Таежный до границы со Свердловской областью, энергетическая организация мехколонна-152 и ряд других предприятий, которые внесли свой заметный вклад в экономическое развитие целого региона в прошлые годы.

Но как бы то ни было, Советский сохранил многое из того, что своими руками, своей энергией, профессионализмом построили, организовали, создавали в раз-

Поз созвездием "Кедра"

ное время жители города. Работают Советский лесхоз и авиационная база охраны лесов, пожарная часть и отдел Министерства внутренних дел по Советскому району, районный военкомат, а также суд и прокуратура. То есть, город сохранил все атрибуты районного центра и, надеемся, не растеряет их впредь.

Широко представлена служба социальной защиты населения. Это и центр реабилитации детей с ограниченными физическими возможностями «Солнышко», и окружной дом-интернат для одиноких и инвалидов «Дарина», и комплексный центр помощи «Ирида». Введены в строй новый бассейн, спортивные комплексы, ледовый дворец. Появились торговые центры. Не утратили своих позиций районное здравоохранение, включая развивающуюся аптечную сеть, управление образования. Появился городской парк отдыха: здесь к услугам посетителей различные аттракционы, колесо обозрения. В парке регулярно проводятся праздничные и развлекательные мероприятия.

В городе работает Советский профессиональный колледж, кузница современных, востребованных рабочих кадров, филиалы высших учебных заведений. Юношам и девушкам, без пяти минут выпускникам школы, наверное, уже известно, местные филиалы каких вузов, ждут вас в качестве абитуриентов. Это МИГКУ – Московский Институт Государственного и корпоративного управления, РГСУ – филиал Российского Государственного социального университета, Архангельский Международный институт управления.

На строительном фронте города за последние 10-15 лет произошли заметные перемены. Советское СМУ, главный застройщик города, в силу ряда причин перестало быть флагманом отрасли. Сейчас в Советском работает несколько, в том числе заезжих и частных строительных компаний. А вот что здесь не измени-

лось, так потребность в их услугах. Облик Советского меняется буквально на глазах. Улицы Ленина, Гагарина, Калинина, Зои Космодемьянской, Советская, микрорайон ПМК избавляются от старых деревяшек столь быстро, что иной раз ловишь себя на мысли: а куда я попал?...

Когда-то торговый центр «Гранд» вызывал споры: зачем его строили вдали от городской черты. И вот, пожалуйста, – город сам приединился к «Гранду» новыми микрорайонами частной застройки. Появляются новые улицы за «Нефтяником». Если гражданское и индивидуальное жилищное строительство и дальше пойдет такими темпами, то скоро перед городской мэрией встанет вопрос: куда Советскому расти дальше?

Конечно, в этом экскурсе в историю нашего молодого города я упомянул далеко не все предприятия и организации, без которых любой населенный пункт с большой натяжкой можно назвать городом, но есть в Советском три учреждения, делающие нашу и вашу малую Родину отличной от других городов. Речь идет о государственном заповеднике «Малая Сосьва», Верхнекондинском бобровом заказнике и природном парке «Кондинские озера» им. Л. Ф. Сташкевича. Столь мощный экологический, природоохранный, историко-культурный центр вы не найдете ни в одном другом муниципальном образовании Югры. Благодаря присутствию заповедника, заказника и природного парка удалось смягчить, а зачастую и не допустить отрицательного воздействия антропогенного фактора на окружающую среду.

Юбилей города – это праздник, напоминающий нам о связи времен, которая не должна прерываться. Сегодня наш юбиляр – крупный районный центр. Он полон сил, энергии и головокружительных планов. Ему есть, чем гордится, есть, что показать гостям. Об этом убеди-

Поз созвездием "Кедра"

тельно свидетельствуют факты из жизни Советского.

В тоже время в истории нашего Отечества немало примеров истинного героизма и отваги, которые проявляли первопроходцы. Это они принимали на себя тяготы и лишения необжитых мест, форс-мажорных обстоятельств, нового строительства. Именно поэтому у жителей Советского к этим людям отношение особенное. Ведь их самоотверженная работа началась еще до основания района.

Надеюсь, что вы, уважаемые молодые советчане, сохраните и приумножите добрые традиции, заложенные вашими отцами и дедами, многие из которых впервые ступили на эту землю более полувека назад.

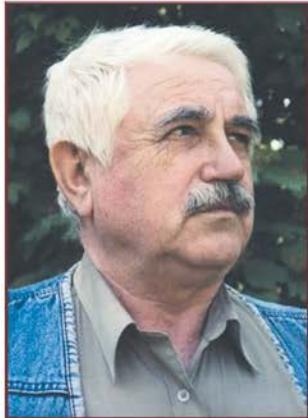
Они оставили вам город, в имени которого, в его домах и улицах живет память о времени – стремительном, горячем, наполненном не только работой в лесу, на стройке, за баранкой автомобиля, но и литературным, музыкальным, художественным творчеством. Они мечтами о том, что город, красивый и уютный, будет. И он есть! Теперь дело за вами, ребята. Каким Советский встретит следующие юбилеи, зависит только от вас.

Помнят кедры

Владимир
ФОМИЧЕВ

Арантур

— Это кто ж такой здоровый
Сквозь тайгу ломил, как лось?
— Знаем, знаем Фомичева:
Сих красот привычный гость, —

Отвечают зорьке кедры.
А Смоленщина, Москва —
То есть я, не домоседный, —
Здесь во власти колдовства.

Бог мой, как забывается сердце.
С озером вступив в контакт!
Так всегда, когда мы вместе,
Дух воды, утиный кряк.

С другом «Вихрем» плоскодонкой
Бороздим глухую синь.
Начеку блесна, двустволка —
Древних дел не спит инстинкт.

Круглосуточной ухою
Закормить готов костер.

И заказника покоем
Наслаждается бобер.

Срок отличный, чувств избыток,
Арантур, как море, – мощь!
Мир без битв и паразитов,
Я без них ну лось точь-в-точь.

Тайга – мое место работы,
Где полной хозяйкой – страда.
Общаюсь с талантом народа,
С громадной душою труда.

Я их трансформирую в строки,
Как чистую совесть в добро.
Союзную зеркалом стройку
Мое отражает перо.

Всему лишь начало – вот первым
Не жившей лежневкой иду.
В грядущее Родины веру
Лечу – к лесорубов труду.

Лесная промышленность, высшей
Ты в kraе любовью цветешь.
Москва и Париж тебя слышат,
А чудо твое – молодежь!

Я думаю, ей лишь по силам
Нетронутый Север, как фронт.
Надежда мы, крепость России –
Таежники – наш легион.

Дважды рожденный

Навек я с тобой, мой Советский район,
Как с отчим, где в люльке качался.
Во Всходском я лучшею мамой рожден,
В таежном делам, что мой фатум, начало.

Европа и Азия – хата и марь.
Уроки в лаптишках и гром фельетона,
Буренка и собственной лиры фонарь,
Покос и печатная поступь района.

Я дважды рожденный – дышать и моргать,
Поднявшись, как заново, – «пишущим зубром».
Так зал меня босс, Мухаметшин Марат.
Да все мы в газете писали не скоро!

Я разных профессий в Европе хлебнул,
Но в Азии главной упился – бессрочной.
В Союз журналистов из леса шагнул,
В писательский с книгой – Советского дочкой.

Земная дорога – крестьянский мой род
Да ныне голгофская литература.
Я взором в грядущем, мне в бурях оплот –
Рождений два края с народной культурой.

Таежные поэты

С божьей искрой столько вас,
С сердцем пламенным в поселках!
Трассой Ивдель-Обь Пегас
Пролетает по сторонке.

И, пожалуйста, – стихи
На моем столе: «Печатай!»
Ни ха-ха и ни хи-хи –
С дарований ароматом.

«Литстраницу» по земле
В странствованье отправляю.
Душ небесный свет пять лет
Местных Бернсов посылаю.

И откуда в ливне дел
Откровения от бога?
Видно, подвига удел –
Красотою влечь глубокой.

Да еще сама тайга:
Чем не прелесть – «Незнакомка»?..
Так поэзией богат
Почты час в моей «районке»!

Цивилизацией сытый, вступил я
В запах болот, ароматы тайги.
Успокоеньем в делянах поют бензопилы,
Иезуиты мои не корежат мозги.

Стало мне легче без вас, хитрословных,
В чувствах простых день мой, как на войне.
Ясно, что гибельных пропасть условий –
Только ведь Севера честность важнее втройне.

Смертного долг исполняют дни юности,
Девушки, парни здоровы, сильны.
Жить хорошо, лишь когда не халтурны
Мысли, дела и твои, и страны.

Поз созвездием "Кедра"

Руководящая роль в бытии не уставы –
Встреча с нежданным приветом в очах:
Ты, прояснившись лицом, крепче станешь...
Сестры мои – речки Эсска и Ах.

Я в краю сокровенном туземец,
Сплю в обнимку с туманом – рыбак.
Горд, что отныне я спаян со всеми,
Чье великое имя в веках – сибиряк.

Песня первопоселенцев

Стоят боры сосновые
На Севере, в Приобье.
А в них поселки новые –
Под окнами сугробы.

Со всей страны мы прибыли,
Здесь первопоселенцы.
Места обжили гибкие,
Им подарив младенцев.

Все вместе мы – таежники,
Все вместе северяне.
Характеры надежные –
Фундамент начинаний.

В самих себе уверены
Хозяева в ремеслах.
Храним в сердцах творение
Района с первых просек.

Друг, Советский район –
Сам Советский Союз.

Он свободой силен,
Ясный взгляд тоже он
И женьшень вечных Муз.

Как с рожденья пошло,
Так осталось сейчас.
От улыбок светло,
Честный труд на табло,
Веселит также глаз.

Честь, и совесть, и лад
Наставляют на ум.
В душу мудро глядят,
Взять за руку спешат:
«Погости, милый кум».

Техник и инженер,
Всякий мастер – как хлеб.
Вслед идущим пример.
Где вы, мэр, пэр и сэр –
Мнимой славы прицеп?

Да, советская кровь
В зауральских – не крот.
«Я» любого – любовь,
Что зовет вновь и вновь
Вспомнить этот народ.

Первая половина 1970-х – лето 2017-го
Советский район Тюменской области – г. Москва

*Владимир
ВОЛКОВЕЦ*

Директор муравейника

Даниле отцовы штаны перешли так, что накладной карман оказался ровно на груди. Он этому очень обрадовался. И когда его брали в лес, он спешил одеть именно их. В карман можно складывать разные разности. С прошлого лета в нем отыскался оранжевый кольцеватый сердолик, найденный на песчаной осыпи. И Данила посмотрел через него на солнце. Красиво!

Еще когда Данила был не очень большим, дед взял его в свой очередной обход-прогулку по сосновому бору и берегу реки. Они остановились возле большого муравейника, расположившегося между двух вековых сосен. Кто-то набросал в него бутылки и банки из-под тушеники. Данила сразу же стал очищать муравейник от мусора. Дед одобрил его порыв и, похлопав по плечу, объявил: «Я назначаю тебя директором муравейника».

С тех пор Данила первым делом бежал к муравейнику. Если даже рядом видел кусок газеты или конфетную обертку, подбирал и складывал в пакет. Однажды по весне медведь до основания разворотил муравейник в поисках сладкой поживы. Ну, думает Данила, теперь муравьи обидятся – не сберег ты нас! – и уйдут отсюда на другое, более безопасное место. Однако муравьи разбежались по

тысячам своих тропинок по сосняку, и каждый вернулся с хвойной иголкой. И снова стал расти муравьиный дом. А Данила мимоходом помогал им, то веточку, то пригоршню хвои подбросит – всё не надо им самим тащить.

Большой вырос муравейник. Одна беда, рыбаки не жалуют его, вечно всякий мусор бросают или оставляют возле. Вот и нынче, подошли они с дедом к муравейнику, а прямо в сердце – сломанное удилище с мотком лески торчит. От досады, что ли, воткнул неудачник?

– Не порядок, – сказал дед и с укоризной посмотрел на внука, будто Данила не доглядел. За всем разве усмостишь.

Когда они вернулись домой, Данила взял лист ватмана и написал на нем красным и синим фломастерами: «Граждане! Не бросайте мусор в муравейник! Штраф сто рублей!» И, подумав, подписал: «Директор муравейника».

Кирилка

Светлой памяти
Кирилла Андреевича Дунаева

Жизнь прошлая

Когда-то Кирилка вдвоем с женой Полиной и дочкой, взявшись за руки, едва обхватывали этот трехсотлетний кедр. Дерево помнит родителей, бабушку и деда, и прадедов Кирилки, даже тех, кто стал мифом и сказками, услышанными в детстве. Мать родила Кирилку возле этих узловато выпуклых корней, прямо у тропы, по которой шла с пайвой брусники. «Семьдесят лет назад... Для меня – жизнь, а дереву – с ширину ладонилистых колец. И внука переживет...», – подумал он.

Кирилка присел на рыжую подстилку возле кедра и долго вглядывался в густоту длиннохвояных ветвей, в просветы листвы и облаков, и еще дальше – в свою ро-

Поз созвездием "Кедра"

довую память. Сотни лет его предки манси жили на этой лесной северной земле, рыбачили, охотились на пернатую дичь, промышляли пушного зверя и не ведали, и не хотели знать другие жизни.

В 50-60-х годах сюда пришли солдаты, стали рубить просеку для железной дороги Ивдель-Обь, а когда дорогу пустили, понаехали дровосеки-промышленники, развернули лесоперерабатывающее производство, погнали зверье в глубь Югорской земли, на север, затем и нефтедобытчики застаскали по тайге на вездеходах – неспокойно стало и тревожно. Люди добрались и до его родового поместья. Что стало бы с ним, неизвестно, если бы ученые в долгой борьбе не отвоевали у лесопромышленников этот клочок дикой природы и не организовали заповедник. С тех пор работники заповедника частенько заезживали в гости к нему, расспрашивали о зверье и рыбе, птице и ягоде, кедровых шишках и грибах, привозили продукты, книги и газеты, потом поставили приемник, а позднее телевизор и радио. Сразу же Кирила приняли на работу егерем, выдали форму с фуражкой школьного размера ввиду его щуплого роста.

Службу по охране границ он нес особо ревностно, обо всех нарушениях сразу же докладывал по рации в заповедник, был расчетлив и хитер в отслеживании браконьеров. Ни на какие уговоры – проявить милость – не соглашался, даже предлагаемая ими водка и приличные деньги не смущали. Как-то в городе, куда он раз в год да наведывался, к нему лукаво пристал высокопоставленный чиновник: нельзя ли пару соболей... жене на шапку. Кирилка, чтоб сразу отшить «охотника», брякнул: можно, однако взамен карабин давай. У того аж щека задерглась: нет, не такой уж Кирилка простодырый, каким выглядит в компании, – далеким от проблем цивилизации.

Средства телерадиовещания рассказывали о событиях в мире, размышляли о судьбах людей и природы и не-

много обучили его самостоятельно мыслить. Когда приехал к нему журналист из местной газеты, расспрашивал о его жизни, Кирилка заученными, навязанными телевизором фразами сетовал, что природу надо беречь, птиц и зверей в тайге стало мало, а в реках – рыбы. Как жить? Много стало браконьеров, стреляют ради забавы – столько, что унести не могут, ловят рыбу для продажи – такого он не понимал. В его лабазе припасы были только на зиму – вяленая рыба и мясо. Без нужды не бил дичь и оленя, а медведя, вообще обходил, старался не встречаться с хозяином тайги. Газетчик бесхитростно намекнул, мол, не угостишь ли рыбой собственного посоля. Кирилка охотно вытащил из ямы-скрона в земле язя вчерашнего улова, смыл соль и траву, нарезал кусками на дощатом столе. Но от нее так пахнуло тухледой, что бедный журналист не рад был угощению, отказался: не привык он есть рыбу с «душком». Поспешил примкнуть к сотрудникам заповедника, которые разогревали на костре перловку с тушенкой и заваривали «купеческий» чай.

Сотрудники заповедника иногда к Кирилке привозили раненых птиц и зверей, он их заботливо выхаживал, а потом выпускал на волю. Правда, орлана-белохвоста с перебитым, а в последствии ампутированным крылом, пришлось отдать в зоопарк, в диких условиях он бы не выжил. Для подобных пациентов даже соорудил небольшой вольер. В нем побывали и медвежата, и лисенок, и лосенок. Жаль, что они так привязываются к нему, что становятся чуть ли не ручными. Убегут в тайгу, а потом еще долго к нему наведываются за угощением: рыбой, куском хлеба, охапкой сена.

Жизнь настоящая

С возвышения, на котором царственно стоял древний кедр, Кирилка оглядел небольшое свое подворье: приземистая изба, где наряду с современными вещами,

Поэзия созвездием "Кедра"

имелись изделия из бересты и бисера, меха; лабаз, небольшие грядки с картошкой, луком; летняя печь и кухонька, где чистили рыбу, готовили незамысловатую снедь. Каждая вещь, всякое место было одухотворено временем и памятью.

Внезапно в груди что-то толкнулось и заныло: ему показалось, сейчас выйдет жена Полина и позовет к столу, будто дымком жареной рыбы пахнуло...

Весной, в апреле похоронил Жалко. Одиноко. И ни рыбалка, ни охота не забили горечи от потери человека, с которым прожил около полувека.

Она была женой его старшего брата, по пьянке утонувшего в реке. С тех пор они с Полиной жили вместе, привыкли друг к другу. Их дочь закончила в поселке десятилетку, поступила в пединститут, а сейчас учится в райцентре. На летние каникулы приезжала с внуком, который попервости почти не выходил из избы, хныкал при виде сонма оводов, комарья и москитов. Внук привез ему в подарок книгу Еремея Айпина «Богоматерь в кровавых снегах», не знал он, что его дед Кирилка совсем не умеет читать. Книгу, поблагодарив, взял у внука, деловито посмотрел картинки и положил на видное место на полку.

Не скоро привык к тайге и реке внук, но зато, когда поймал первого чебака на удочку, оттащить от реки его было невозможно. Дед натягивал ему на крючок червяка и забрасывал в небольшую заводь, отдавал удочку внуку. Клевало почти тут же. Внук орал, не в силах вытащить из воды подъяззка, бежал от берега, вытягивая рыбину на берег. Дед был тут как тут. Отцеплял от крючка улов и пллюхал в пластмассовое ведерко. У счастливого внука – сопли до подбородка и радости полные штаны. Да и самому Кирилке было отрадно смотреть на этого живого увлеченного ребенка. Сам входил в азарт и кричал на внука, когда тот мешкал с подсечкой или

рыба сривалась – от досады морщился и по-детски топал ногой. Чуть позже он повел внука на болото за морошкой, собирать не собирали, немного поели медово-оранжевую ягоду, мошка лютовала, провалились между кочками, начерпали воды в сапоги и вернулись. Обратно внука большую часть пути дед нес на закорках, уснул он, намаялся.

Всю тайгу с глухими распадками, озерками, болотами и беломошными борами, где бывал, Кирилка ощущал своим местожительством, знал гнездовья и токовища, рыбные заводи, где в зимнюю стужу стоит рыба – можно чуть ли не руками вытаскивать из замора, – где какого зверя место. Единственно, что он старался обходить – низкий заболоченный кривоватый ельник, ершисто наступившийся над железистым ручьем. Варьеш – называл он эту гиблую падь. Не лежала никогда душа к нему, он подсознательно ощущал немое отталкивание. И не мог ничем это объяснить. Даже близко проходя, чувствовал тягостно смутную тревогу в груди и спешил отойти по дальше. Но как назло деревья будто шли за ним, затем бежали, цеплялись ветками, хватались корнями, вплетались во внутренности, лезли в глаза, рот и уши... И он кричал... И просыпался от ужаса. Этот кошмар ему снился часто, особенно, когда случалось намаянно задремать на закате.

Жизнь будущая

Он никогда себя не ставил выше таежных обитателей, ходил по тропам, распутывал следы, разговаривал с деревьями, птицами, белкой и бурундуком, подмечал изменения, сразу чувствовал, если на его территорию забредал посторонний зверь или охотник.

Однажды они с собакой нашли в тайге перепуганного от долгого плутания по тайге молодого охотника, правда, без ружья. Тот опух от укусов комарья и еле ше-

Поз созвездием "Кедра"

велил губами. Кирилка понял, что парень оступился и подвихнул стопу, она здорово заплыла, оглядев ее, еле снова в сапог поместили. На костерке вскипятил чай, добавил туда сосновой хвои да еще какой-то травы из мешочка на поясе. Соорудил волокушу из березок. Но парень отказался от этого транспорта, сам, опираясь на маленького Кирилку, пошел. Часа через три, с перебышками, они добрались до лесовозной дороги, благо леспромхоз спешил вывезти остаток хлыстов с деляны, которую вырубил вблизи заповедника, машины ходили часто. Остановил лесовоз и шофер, расспросив, что к чему, паренька заташил в кабину, увез в больницу. До нее не меньше ста верст.

Что с ним стало, отбило ли охоту бродить по тайге, до сих пор не знает Кирилка. Забыл о нем и ни у кого не интересовался. Только когда в очередной раз приехали работники заповедника к нему и неожиданно спросили: «Не ты ли нашего практиканта из тайги вытащил? Пошел прогуляться, видите ли, ни пожрать с собой не взял, ни воды, ни ножа. Мол, в тайге все есть, добуду. Навыка-то нет, а гонору молодого хоть отбавляй. Вот и заблудился. Не ты?» Кирилка уклончиво ответил, что встретил какого-то человека, проводил до дороги, а потом на лесовозе его увезли. Кто такой, не знает.

Директор заповедника вытащил из рюкзака солдатскую фляжку, энергично побулькал: «Просил тебе передать в знак благодарности. Армянский коньяк. Пользуйся как лекарством от простуды или для поднятия настроения. Держи!» Кирилка как всегда поначалу смущенно отказывался, потом все же открутил пробку и попробовал на вкус крепкий напиток. Сморщился, а через минуту повеселел и рассказал, где нашел заблудшего практиканта, вывел на дорогу и посадил на попутный КрАЗ:

— Шибко слабый, лицо опухло от мошкарь — глаз не видно, то ли мужик, то ли баба. Сейчас бы увидеть, не

узнал бы его. Привычки нет у него, потому и заблудился, городской парнишка видать.

В последние годы Кирилка почти не охотился, глаза потускнели, да и в руках появилась дрожь. Когда припасы подходили к концу, он связывался с заповедником, и ему привозили по реке на моторке муку, чай, сахар, консервы, крупу, батарейки для приемника, топливо для электростанции, внук обязательно от себя деду передавал несколько плиток шоколада.

На старости лет почему-то Кирилка полюбил это детское лакомство. Брал с собой в лес и на реку, тянул удовольствие с чаем. А жена его, раз попробовав, больше не притрагивалась, мол, зубы болят и болотом пахнет. Сладкое она, вообще, не любила. Хотя зубов совсем не было. Варенье никогда не готовила, ягоды ела свежими или морожеными – долго катала во рту по деснам, разжевывала, обсасывала, потом сгусток зерен и кожицы выплевывала. Она так долго жила вместе с ним вдалеке от города и людей, что понимала его без слов: по походке – удачная ли охота, по выражению глаз – о чем думает. Заговорил с собаками, значит, чем-то недоволен. Может, росомаха набедокурила, а собаки прозевали; может, сами собаки разрыли схрон-яму с рыбой, куда он ее складывал после проверки сетей, переложив травой; может, мешок с кедровыми орехами, подвешенный в лабазе, бурундук обнаружил и стал его опустошать. Пока не поймаешь этого воришку на силок или мышеловку, не отступится.

Он поднялся с земли, обошел древний кедр, прислонился к нему, будто напитываясь силой на дорогу. Надо спуститься к избе, еще раз посмотреть, все ли вещи собрал. Через час-два приедет директор заповедника с молодым егерем, увезут его в город. Одному здесь трудно. Годы свое берут.

Снова медленно опустился на травяной бугорок под деревом. Он понимал, что больше сюда уже не вернется.

Поз созвездием "Кедра"

Точнее, он отсюда уже никогда не уедет. Он душой на-всегда растворился в темнохвойной тайге, в облаках, сбиваемых теплым ветром в грозовую тучу; в постройках, сооруженных своими руками, в медленном течении реки с перебегающей рябью, в крике пестрой кедровки, во всем, что успел напоследок схватить в острый охотничий приступ и оставить в своей памяти перед последней дорогой.

Он разлуки со всем этим не переживет.

2005 г.

Счастливое негодование

Трижды со мной случалась неприятная ситуация, связанная с тихой охотой, но, правда, с разными людьми. Приедем в лес за грибами, разбежимся в разные стороны по сосняку. Мой напарник, побродив по лесу, наполнив корзину, выходил на шоссе, ловил попутку и благополучно уезжал в город, домой, никаким образом не предупредив меня.

Что мне делать?

Я жду возле машины, бибикаю, аукаю, ору, бегаю встревоженно по лесу, спрашиваю всех встречных: не видели ли вы, не встречали ли вы? Где же мой грибник? Может, попал в беду? Заблудился? Сердечный приступ? В лесу всякое может случиться! А у него ни еды, ни спичек, да и одежонка так себе. Снова накручиваю круги по сосняку, ору до хрипоты. Напрасно.

В конце концов, отчаявшись, решаюсь ехать к нему домой, рассказать родным и близким о случившемся, позвать на помощь.

И трижды мои пропавшие приятели-грибники сидели дома и с удовольствием потягивали чаёк, не догадываясь о моих мучениях-страданиях. Как я должен после увиденного поступить? Да никак. Радость от счастливого исхода мгновенно растворяла негодование.

Стрекозы

Шелестящей, цепкой стаей, наверно, со всего озера на меня налетели стрекозы. Садились на голову, плечи, руки, прозрачно трепеща радужными крыльшками, хватались за волосы, выгибая тонкие хвосты. Я уже пожалел, что заранее разделся, собираясь искупаться.

А сначала даже обрадовался такой радушной встрече, но стрекоз становилось всё больше и больше. И стал неохотно отмахиваться от них. Странно, жена шла рядом, но её стрекозы не трогали. На берегу к стрекозам добавились комары и оводы. Свежим ветром немного отнесло насекомых, но ненадолго. Что их во мне раздражало или наоборот привлекало?

Я понесся к озеру, слыша за спиной множественное шелестение крыл. Они будто меня подхватили и далеко пронесли от берега, прежде чем я с головой вошел в воду. Секунд пять-десять сидел под водой.

Вынырнул – никаких стрекоз над головой. Они мирно кружились над кувшинками, гонялись друг за дружкой, сверкая изумрудными окулярами. И никакого дела им не было до меня.

Ночные дожди

Слышишь сквозь сон капельно-лиственый плеск тополей, рябин и черемух, иногда ленивое ворчанье гроз, немо и мгновенно ослепляющих углы комнаты, и не можешь проснуться. Зато утром зажмурившись от блескучего солнца, глубоко и восторженно наполняя легкие свежим воздухом еще без вкуса и запаха. Потом, когда солнце нагреет сочную тишину и начнет испаряться серебристая пыльца с зонтиков укропа и султанов моркови, и капли с капустных раскинутых листьев закатятся под бок кочана, а мокрые одуванчи-

Поз созвездием "Кедра"

ки обсохнув, рассеют по обочинам свои парашютики, душно запахнет сырой земной растительностью.

В такую погоду вылазят из-под прелой листвы маслята и сыроежки. И сходить бы за первыми грибами, да сдерживает обилие насекомых. И намажешься от них запашистой жидкостью, все равно, висит, зудит перед носом едва проглядное мельтешенье.

Чуть привыкнув к запаху мази, начнут лезть в глаза, уши, за шиворот, кусать до волдырей. И тут уж не до грибов, не до таежных красот – беги на открытое место, где ветер отгонит назойливый гнус, и снова прыскай гель на руки, лицо, шею, одежду. И радость превращается в мученье.

И всё же едем, облезжая мутные лужи, пересекая глинистые ручьи, к высоким ягелевым борам или к березово-ольховым чащам.

Взгляни, как светится бисерной сыростью хвоя. Коснись, и дымчатой свежестью обрызнет щеки. Хорошо! А как же комары? – да их уже не замечаешь.

Внук

Знание – это припоминание, по мнению древних, и что прошлое – хорошо забытое будущее.

Мой внук на первом году жизни смотрел на меня настолько ясно, осознанно и даже иронично, что мне становилось немного не по себе, словно он знал обо мне и вообще о мире, в котором появился, всё.

Казалось, вот чуть-чуть внимания, сопротяжения и какого-то сокровенного усилия, и он мне поведает, точнее, навеет каким-то чудом та-ко-е...

Но через месяц-три он все забыл. Взгляд его уже был не потусторонним, а реальным, здешним. Мне пришлось с нуля обучать его тому, что он, на мой взгляд, еще недавно знал и понимал.

Лесная лужа

В сосновом бору дождь, теплый, грибной, парной. На рыжей дороге хвойно-войлочный покров выдавили шляпы маслят и моховиков, по опушкам вылезли боровики, а на песчаных выворотах клоунские колпаки мухоморов.

Удлинилась лужа на лесной дороге. В ней плавают иголки и шишки. Когда лужа немного убудет, по краю аккуратно расположатся они ресничной окаёмкой. Вода чистая-чистая. Так и хочется склониться над ней и напиться, отдувая хвою и золотистую шелуху. Я даже внутренней памятью ощущаю ее вкус прохладнокисловатый, со смольянной терпкостью.

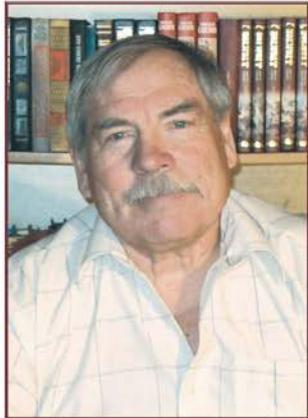
В детстве я без боязни утолял жажду из лесной лужины, не боясь стать козленком. А сейчас опасаюсь. Вместе с дождем на землю падает много разной отравы. Вокруг Земли кружат тысячи летательных аппаратов, чуть пониже – реактивных самолетов, еще ниже – турбовинтовых, а над самой землей – винтовых самолетов и вертолетов. Но сами грибники и ягодники более всего преуспели в загаживании природы. Даже говорить не хочется, что можно обнаружить в лесу в большом разнообразии.

И в миллионный раз хочется повторить известное: «Есть такое твердое правило: встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету».

Мы же или еще не проснулись, или планету не считаем своей.

Поз созвездием "Кедра"

*Александр
ГУБАНОВ*

Сын

В папу – косолапый, в маму он – упрямый,
маленький дятлёнок, мой сынок.

Беленький-белёсый, и не скор на слёзы,
Если бьёт по пальцам молоток.

Он идет по жизни, как по сказке.
Он Колумб; он вышел открывать.
Мир – огромен,
Одноцветны – краски.
Каравеллой кренится кровать.

Все мы начинали от порога,
только всё же нас ждала земля.
Сын растёт... и где его дорога?
на каких орбитах пролегла?

И придется с мамой нам на старости
на луну поглядывать вприщур:
то ли он сейчас на море Ясности,
то ли вышел к океану Бурь?

А пока, то хмурится и плачет,
то зальётся звонким бубенцом

Мишка. Миха.
Маленький мой мальчик.
...Пусть растёт весёлым огольцом...

Стихи на моё 25-летие

(сатирические, юмористические, сердечные, умственные и мечтательные – каждого вида по 1)

I. (в котором трудно понять,
где – я, а где – лошадь)

Удивительно – хочется плакать.
И, пожалуй, ещё заплачу,
и стану похож на старую
 сентиментальную клячу.

Этак вот – губы развесив,
щеки от слез раскисли, –
буду копаться в месиве
вязких овсяных мыслей.

Вспомню, что в возрасте этом
все мои братья покорно
однажды, засушливым летом
отправятся на живодёрню,

Что люди – не Буцефалы,
но всё ж таки четверть века
это уже немало,
даже для человека,

И что – по себе замечаю –
люди часто не видят
тоскливой и отчаянной
чуткой лошадьей обиды....

Поз созвездием "Кедра"

...А я не боюсь быть клячей...
Но-о, мои старые ноги!
Радость моя и удача –
Сдохнуть – так уж в дороге!

*II (из которого видно, что автор
был вовсе не клячей, а неудачником)*

Двадцать пять мне,
а будто – двадцать,
всё мне хочется спорить и драться,
и стихи писать в толстой тетрадке,
и влюбляться, и бегать на б....ки.

Двадцать пять мне,
и лоб лысеет.
В этом возрасте все умнеют,
Степеняются¹, плодятся, машиняются...
Черт возьми, уж и шея морщинится.

Двадцать пять мне.
А что я видел?
Только радости? Только обиды?
Неужели рождаться стоило,
Чтоб хлебать это пресное пойло?

Двадцать пять мне.
И сын подрастает.
Я всё жду – может, снег растает?
Может, всё это сон – и сын, и
В редких волосах белый иней?

Двадцать пять мне.
А будто – двадцать,

¹ Имеется в виду научная степень (прим. автора)

Наша жизнь – не сплошное ли б....во?
Только, кажется, встал на ноги –
Ан пора подбивать итоги...
Двадцать пять мне....

*III. (в котором автор уже
не придуривается, а говорит правду)*

Люблю я всякую домашнюю живность.

Кошка,
выгнув спину, и от удовольствия прищурив глаза,
трётся о мою ногу.
Я почешу у неё за ухом.

Когда я иду по улице,
меня окружают собаки.
И, вытянув шеи, носятся друг за другом.
У меня есть для них ласковое слово.

Я
открываю двери сарая,
и теплым, навозным паром охватывает мое лицо.
А корова,
неуклюже подогнув передние ноги,
поднимается навстречу мне,
протягивая к моим рукам мягкие, шершавые губы,
пахнущие молоком.
Она знает, что я принёс ей
охапку душистого сена.

Куры,
со всех ног, прихлопывая крыльями,
сбегаются на мой зов.
Это для них сквозь мои пальцы льется золотой
дождь зерна.

Поз созвездием "Кедра"

Любит меня всякая домашняя живность.
И только встречаясь с людьми,
я чувствую себя растерянным:
у меня нет ничего для них.
И мне нечего им сказать.

IV.

Когда засыпает город,
сонно ворочаясь улицами
и дремотно оскаливая
желтые зубы домов, —

Сердце его — как молот
в огромной и гулкой кузнице
бьёт по глухой наковальне
наших больных голов.

Тогда Человеку не спится.
И выпиты все таблетки.
И ночь желтоглазой коброй
дыханье его стережёт...

И сердце его — как птица
в тесной и темной клетке
колотится в жесткие рёбра...
...Долго ли птица живет..?

*V. (моя читательница несомненно поймет,
что здесь вымысел, и что — истина)*

Сегодня — праздник у меня.
И утром на базаре
куплю я теста. А вина
дадут соседи даром.

Помнят кедры

Я испеку большой пирог.
Поставлю двадцать пять свечей.
Коврами застелю порог
и созвову гостей.

Когда «Фиттяско» подадут,
и я скажу – пора!
Двенадцать девушки войдут,
стройны, как чинара.

Они пройдут передо мной,
касаясь глаз моих
прохладной смуглой рукой, –
Я поцелую их.

И вдруг ударят зурначи,
и из немых дверей
войдут двенадцать арачи –
отчаянных парней.

Навстречу им как тамада
с улыбкой поднимусь,
и руку каждому подам,
и с каждым обнимусь....

Эгей, зурна, звени, зурна,
иль мало подано вина?
сухого, доброго вина?
Эге-э-эй, звени, зурна.

Шумит весёлый хоровод,
но грусть мою не спрятать:
ведь каждый гость – это мой год,
и сам я – двадцать пятый.

Эгей, зурна, звени, зурна,
пирог из чистого зерна,

Поз созвездием "Кедра"

из солнцем литого зерна,
Эге-э-эй, звени, зурна...
Когда Зубатый перевал
проглотит лунный диск,
я выйду за глухой дувал
под старый тамариск:

Эгей, зурна, ну как, зурна?
пусть даже не было зерна,
пусть вовсе не было вина,
глядишь, — и ночь не так черна,
глядишь, — и жизнь не так скверна,
Эге-э-эй, зурна....

Реки – из берегов.
Сосны шумят, как дети...
Тающий шорох шагов
Слышу на тихой планете.
Что-то уходит прочь,
Что никогда не вернется.
Тянется вечная ночь,
Вечная мука без солнца.
Все, что любилось, – ушло,
Все, что держало, – порвется.
Есть только вечное зло –
Дьявол в глаза мне смеется.
Господи, вера слаба.
Сердце молитвы не помнит,
Стынет углами изба,
Кто ее жизнью наполнит?
Вот он, извечный предел.
Остановись на пороге...
Страшно – а вдруг не успел?
Вдруг опоздал – о Боге?

Станислав ЮРЧЕНКО

Вокзал

Армейский лейтенант, слуга Отечества,
гордец с пушком поросшою губой,
я рассуждал о судьбах человечества,
наивной упиваясь правотой.

В вагонной суете беспечной юности,
о собственном величии трубя,
вершил вокруг нелепости и глупости,
кляня за невоспитанность себя.

Житейских аксиом непонимание
листал, как прошлогодний календарь,
и снова торопился на свидание
в манящую, загадочную даль,
с какой-то осторожностью напрасною
смотрел в ночную мглу во все глаза.

Встречал, как старый друг, теплом и ласкою
знакомый Верхнекондинский вокзал.

Рождённый у реки дорогой трудною,
от Ивделя проложенной к Оби,

Поз созвездием "Кедра"

повис вокзал серёжкой изумрудною
на струнах рельс разбуженной тайги.

Он мне дарил огонь любви восторженной,
взволнованного встречей сердца стук
и пустотой грядущей растревоженный
девичий взгляд в предчувствии разлук,
спасал в минуты горького отчаяния
и укрывал от грозовых дождей,
одаривал улыбками случайнymi
простых, но замечательных людей.

Издалека приметен темной зеленью
брюсчатых стен и голым пустырём
щебёнкою и гравием застеленном
под тусклым, одиноким фонарём.

Он представлялся точкою искомою
в пути,
а неказистый, темный зал
был мне тюрьмой до чёртиков знакомою,
когда попутный поезд ожидал.

Здесь персонажи обитали разные:
кто казни, кто помилованья ждал.
Он всех терпел, работая, не празднуя,
и, как в узде, на привязи держал.

Я с ним сроднился, словно арестованный,
слагал стихи и с кем-то пил вино,
сушил шинель у печки жестью скованной.
Но как же это было всё давно!

Лишь память навсегда хранит мгновения,
как сгусток чувств оставленных в душе,

Помнят кедры

где проступают сквозь туман забвения
те образы, нетленные уже.

Притих вокзал до будущей оказии,
ждёт с терпеливой стойкостью гостей,
приютом необузданной фантазии
и странных человеческих страстей.

01.02.2016 г.

Послевоенные мальчики.
Мамы грозили нам пальчиком:
мол, хулиганить не смей!
А мы росли инородными,
от постулатов свободными
в поисках новых идей.

Вроде бы все – для Отечества!
Только свобода не лечится,
как скарлатина и корь.
Вот и метался непризнанный,
раньше сидевший на привязи,
сех разруху и боль.

Веру менял на безверие,
наглую ложь на доверие,
не опасаясь углов.
Било суровое времечко
то по щекам, то по темечку,
не оставляя следов.

Женщин любил и они меня,
но не всерьёз. Даже имени
попусту не вспоминал.
Время платило болезнями,

Поз созвездием "Кедра"

мимо текло бесполезное
и приближало финал.

Как мне с такою натурою
с новым свыкаться и шкурою
чувствовать все виражи.
Жизнь, просвистевшая пулею,
тычет мне смачною дулею:
на-ка вот, что заслужил!
Грустно, но что тут поделаешь,
краской не выкрасишь белою
время, в котором чудил.
Крученый, верченый, взбученный
и ничему не наученный,
так и живу без удил.

02.02.2017 г.

Февраль

Я не привык, здесь всё вокруг иное.
За окнами ползёт седая хмарь.
Трясёт козлиной редкой бородою
сырой и неприветливый февраль.

Там далеко, откуда я приехал,
снега чисты, сугробы глубоки,
и звонкое, как лёд трескучий, эхо
дробится над излучиной реки.

Под лапами присевшей низко ели,
что старится над берегом крутым,
в костре ночном печально угли тлеют,
струится в голубое небо дым.

До слёз неповторимая картина:
костёр притухший, мятый котелок,

Помнят кедры

на первый взгляд, всё дико и пустынно.
Но сколько здесь проторено дорог!

А сколько песен славных здесь пропето,
и как привычно радовал улов
морозною зимой и жарким летом,
что в полной мере не хватает слов.

Вдруг возникают в памяти усталой
события и даты, только тронь:
вернутся все, кого уже не стало,
и я раздую заново огонь.

На этот круг людей с одной планеты
гляджу, как сквозь туманное стекло,
и пусть февраль так далеко от лета,
становится спокойно и тепло.

А здесь противный дождь и грязь обочин,
и тянет даже засветло ко сну.
Я не привык.
Я очень озабочен.
Но все-таки до солнца дотяну.

02.02.2017 г

Рискует каждый, кто живёт,
и кто молчит, и кто поёт,
и трезвенник, и тот, кто пьёт,
кто бьёт жену, и кто не бьёт.

Рискует в тот счастливый миг,
когда рождается на свет,
но даже самый первый крик
первоначина многих бед.

Поз созвездием "Кедра"

Крик вскоре станет словом, а
вполне обычные слова
разят совсем не хуже стрел
тех, кто укрыться не успел.

Потом рождается строка
совсем несмелая пока,
потом письмо, потом донос,
и всё вокруг – наперекос.

Крушатся судьбы и дела,
сужается до точки круг,
и в сердце, где любовь жила,
вдруг просыпается испуг.

Но риск – святое дело, и,
отбросив принципы свои,
субъект линчует совесть, то,
что жмёт, как старое пальто.

Чего лишился – не болит,
ну, может быть, когда-нибудь,
а за плечом уже сопит
готовый запросто рискнуть.

Как всё запутано вокруг,
где враг – не враг, и друг – не друг,
где соревнуются в борьбе
не раз простившие себе.

Фантом прискорбный наших дней,
где часто заменяет честь
мировоззрение свиней:
подольше жить, послаже есть.

Помнят кедры

А человеку заслужить
достойный век непросто, ведь
в попытках жизнь свою продлить
он всё же может умереть.

04.02.2017 г.

Отчаянные холода
нас в этот год замучили.

На старом кедре борода
седая и колючая
сползла на сгорбленный сугроб,
что у ствола сутулится.

И пробирается озноб
под тёплый мех на улице.

Кольцом в белёсый небосвод,
мерцая, вмерзла радуга.
Светило низкое плывёт,
не грея и не радуя
ни пса, продрогшего у ног,
ни птиц, умолкших надолго.

Ложится иней на порог
дверей закрытых наглухо.

Безмолвно царствует зима.
Под прогнутыми крышами
печально съёжились дома
с глазницами застывшими.

А сердцу хочется весны
с нежданными подарками,

Поз созвездием "Кедра"

и снятся долгой ночью сны,
зелёные и жаркие.
Проснёшься, вновь – застывший лес
и грустные открытия.

Но я живу в противовес
погоде и событиям:
и наливаю крепкий чай,
и сыплю горстью сладости.

Гляжу в окно и невзначай
там замечаю с радостью
намёк несмешный, что тепло
грядёт на смену холоду –
сосульки хрупкое стекло
на водосточном жёлобе.

11.02.2017 г.

Я снова возвратился в этот город,
затерянный в тайге среди болот.
Я пьян от счастья, потому что молод,
и встречный улыбается народ.

Мне здесь известен каждый переулок,
а каждый старый дом – почти что брат.
И пусть мороз покусывает скулы,
я напеваю, я безмерно рад.

В разбуженной крови бушуют страсти,
холодных, трезвых мыслей палахи.
Из форточки окна открытой настежь
знакомая мелодия звучит.

В ней прикасаний трепетных волненье,
и трескочных звонков издалека,

Помнят кедры

и на плече, как ветра дуновенье,
доверчивая девичья рука.

Калитку распахнув, шагаю дальше,
верчу, спеша, фортуны колесо,
и верю в то, что жив ещё, как раньше,
портрет твой кисти Пабло Пикассо.

Но песня умолкает, не допета.
Я прозреваю, вдруг себя кляня,
что стук мой поздний будет без ответа,
и двери в дом закрыты для меня.

Случайный гость, явившийся некстати,
очнусь, ледок дорожный захрустит.
Но город мой раскроет мне объятья,
он ждёт и потому меня простит.

Он бескорыстно подставляет плечи
под груз обид, ошибок и потерь,
он друга не предаст, и в этот вечер,
как и всегда укроет, только верь.

Мерцают в небесах бездонных звезды.
Я ухожу с неясною виной,
выхаяя твой неповторимый воздух,
наполненный морозом и луной.

14.02.2017 г.

Живёшь, не чувствуя часов,
спешишь всё чаще
сквозь шум машин и голосов
толпы гудящей.

– Привет! – Привет!
И дальше в путь,

Поз созвездием "Кедра"

верша карьеру,
не понимая жизни суть,
не зная меры.

И в бесконечной суете
любого года
удачи баловни – и те
не знают брода.

Мелькают лица, жесты рук,
любимых платья,
и остаётся только звук
простого плача.

Что второпях и сгоряча
вершилось нами,
сгорает так же, как свеча,
в притихшем храме.

И в одиночестве ночном
приходит зrimо,
что жизнь, как ветер за окном,
промчалась мимо.

15.02.2017 г.

Судьба

Пока не перестанет сердце биться,
я буду помнить всё, чем раньше жил.
Жаль, что судьба моя не повторится,
как ни старайся до надрыва жил.

Как маятник часов незаведенных,
она застыла где-то меж болот,
в краях тайги и снега, отдалённых
от нынешних привычек и забот,

Помнят кедры

в тех городах, где пролетели годы
великих дел и маленьких затей,
где молодость смеётся над погодой
и дряхлостью заученных идей.

Она, как друг, прошла со мною вместе
плечо в плечо, чеканя гулко шаг,
без подлости, стяжательства и лести,
и этим согревается душа.

Судьба моя, которую придумал,
плывёт во мгле за плоскостью окна,
её дождей серебряные струны
уже не полнят, как сосуд без дна,
родной земли живительные соки
не возвращают ей желанных сил.

Она, как перст воздетый, одинока
в бескрайних весах матушки Руси.
С небес открытых голубое око
не дарит ей желанного огня.

Моя судьба осталась в том далёком,
в том ныне недоступном для меня.

28.01.2017 г.

Владимир КОЧКАРЕНКО

Наедине с Пушкиным

Шум сосновых лесов нашей Родины, лепет березняков и осинников, шорох камыши над водой – это Пушкин. Капли теплого дождя целуют землю, запыхавшийся ветер дышит под окном – и это тоже Пушкин. Ослепительный зимний день, как кристалл хрустала, стоит под высоким заиндевелым небом – и это Пушкин. «А, знаешь, не велеть ли в санки...» Всюду в природе то глянет из-за ствола, то отразится в бегущей воде, то кристаллизуется в морозных фантасмагориях зимнего утра его обрамленное кудрями лицо фавна.

Пушкин всегда будет жить в нашем русском свободном, мощном, всеобъемлющем языке.

Знаете ли вы, что когда вы говорите по-русски, ваши губы складываются так же, как тогда, когда эти слова произносил Пушкин? А теплота вашего живого дыхания выносит в мир слово, которое говорил и он, Пушкин?

Вот он, улыбаясь, приблизился к вашей детской колыбели. Вот подал свою смуглую руку, и мы – шаг, второй, третий – пошли с ним. И будем идти до конца с Пушкиным. Только он пойдет и дальше нас, уже с другими, с нашими детьми, внуками. Все дальше и дальше. Классик Пушкин, 37-летний Пушкин, лежащий там, под

мраморным цоколем памятника в Святых Горах. Да, он сверстник каждого из нас! Самый сегодняшний, сиюминутный и – вечный!

Глубочайшие, чистейшие зеркала его лирики. Глядитесь в них и задумывайтесь. Бессмертная Россия все также с обожанием и даже робостью, как и во времена, когда он жил, внимает своему гениальному сыну-поэту. До сих пор он, как никто больше, вносит гармонию в поэтическую душу страны.

«И долго буду тем любезен я народу...» Все-таки он был счастлив, этот не очень счастливый человек!

Я очень люблю Пушкина. Потому что без него невозможно было бы писать стихи. Вот одно из них:

Михайловское – Ссылка. Белый снег.
Шампанского стакан уже неполный.
Онегина уже холодный смех.
И грех Бориса. Солнце. Зимний полдень.
Какого черта Пушкину вздыхать,
Когда он гений – сам себе система!
Пусть жизнь насквозь, как ветер, просвистела,
Пораstryяла меж рябин и ухабов.
И надо прыгать Пушкину, плясать.
Докучливая мудрость лишь помеха,
Она стечет, как вымершее эхо,
С пера за ним стремящихся писак.
Он настрочил и счастлив, как профан,
А мы потом гадай себе научно,
Как гениально скучно и навечно
Работала бессмертная строфа.
Какая прелесть, пусть не каждый день,
Поэму – взмахом и единым духом!
А там – на усмотрение судей.

Поз созвездием "Кедра"

А нам-то с вами, братцы, каково
После него писать стихи по-русски?
Хотя с тех пор в поэзии порукой
Все легкое могущество его.
Михайловское. Ссылка. Белый снег.
Закат. И нам сквозь автора зевоту:
«Что, господа, я задал вам работу?»

Следы воды

Небрито облако дождем,
 поля, небритые лесами,
 они за мутный окоем,
 как тяжкий занавес, свисали.

Застыли избы по местам
обочь районной магистрали.
Копились капли на листах,
и сталью отливали травы.

И так бывало отродясь:
небесным разойдясь авралом,
вода, в железо обратясь,
точила зубы по оврагам.

А утром в поле блеск слюды,
который слизывают кони,
жестокие следы воды,
деревьев вымытые корни.

И травы, вздыбленные паром,
колеблют мокрый горизонт.
И лужа с небом, как литавры,
рождают изумленный звон.

Помнят кедры

Время неостановимое.
Звезды над нами блестят.
Что ты задумалась, милая?
Где ты, земное дитя?

Легкое плещется платьице,
светится кожа руки.
Будто блуждает в Галактике
разум тебе вопреки.

Ты напряглась, будто деревце,
молча глядишь в небосвод,
словно там кто-то надеется,
кто-то тревожно зовет.

Тянешься веткой весеннею,
тихо сквозит из-под век
перебежавший Вселенную,
вспронаикающий свет.

Поз созвездием "Кедра"

Олег
ЕРМОЛАЕВ

Берёзы

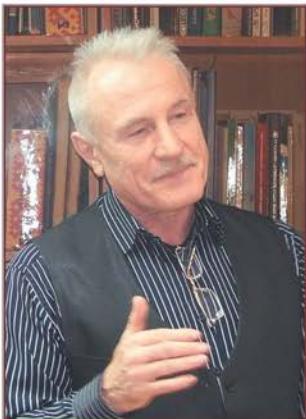
Ах, почему весной берёзы плачут
И почему в тиши не шелестят?
О чём они, качаясь в небе плавно,
Загадочно и горестно молчат?

По-женски вы грустите в чистом поле,
Как матери ушедших в бой солдат.
И ждете, что в последнем эшелоне
Сыны с войны воротятся назад.

Да, русские берёзы – Ярославны,
Живыми символами верности
встают.

И в Харькове, Тюмени, Ярославле
Невозвратившихся
все ждут,
и ждут,
и ждут!

1975 г.

Александр СМИРНОВ

Горечь

Он был в длительном, тихом запое. Что-то не срасталось в творчестве, не было нормальной работы, тяжело болели родители.

С другой стороны, были причины и для радости: старшая дочь поступила в институт, младшие в школе учились хорошо и с желанием. Главный начальник города по старой памяти и за различные заслуги перед городом выделил большую хорошую квартиру в новом доме, с мастерской, с удобствами, словом, со всем, о чем мечтала жена.

Но радости не было. Была растерянность и тревога, будто где-то внутри переломился и больно ранил невидимый жизненный стержень и никак не срастался. На новом месте все раздражало: треск перфоратора на верхнем этаже, пьяника через стенку, льющаяся вода по канализационным трубам, и вообще, весь этот каменный мешок, куда его угораздило вселиться.

Тосковал по старому, своими руками и по своему художественному разумению отремонтированному дому. По мастерской, где в минуты вынужденного бездействия, для творческого толчка мог просто из самых никчемных досок делать полезные вещицы. Сначала их тщательно обстругивал на маленьком фуганке до нужной ему кондиции, потом лобзиком вырезал замысловатые узоры, доводил до

Поз созвездием "Кедра"

ума фрезой, наждачкой и лишь ему известными приемами. И нередко глубокой ночью, уже под лаком, радовала глаз то полка под телефон, то скамеечка или другая какая, нужная в хозяйстве деревянная штуковина. Голова становилась ясной, и уже потрясывало от нетерпения творить дальше, смешивать краски или складывать стихи.

Тосковал по баньке, которая была для него целым миром. Она была и местом свиданий, и кабаком, и студией, где разучивал свои песни под гитару; вытрезвителем и храмом для очищения тела и души. Видно, от тоски этой непрошенной заливал он горькой свою горечь.

И притупились, видать, сыновья чувства, а ведь видел сыночек единородный тогда у тетушки Марии на дне рождения, как сидела она в сторонке от стола, что еда и питье были не в радость и на веселье юбилейное смотрела грустно и напряженно, как бы прощаясь со всеми, со всеми уже немногочисленными родственниками, сидевшими за шумным столом. Да и сидеть-то долго не могла, попросила отвезти ее домой. Устала.

Шесть дней не удосужился навестить мать, лишь к последней для нее ночи, сердце подсказало точно, пришел сынок трезвый и виноватый, да только от страшных страданий и мук непосильных, сознание покинуло материнский разум.

Он разговаривал, просил прощения, умолял, хотя бы движением век показать, что она его слышит, но безответно. Он гладил ее руки, но эти запоздалые нежности причиняли матери только дополнительные физические мучения, тело ее вздрогивало, как от ожога, а на лице отражалась боль, невыносимая боль. Всю ночь при рвотных спазмах из нее много и часто выплескивалась черная горечь. А ведь она не ела и не пила трое суток, больной организм отказывался, не хотел и не мог...

Наверное, это была горечь за убитого в сорок втором под Ленинградом отца, за голод и холод военных и послевоенных лет.

Горечь – за рабскую работу в проклятом колхозе, где

она была с тринадцати лет и телятницей, и дояркой, и скотником... и просто маленькой, не обласканной девочкой, которой хотелось побыть ребенком, а еще больше хотелось вслатьсь выспаться, вдоволь поесть хлеба без всяких добавок и отдохнуть от нечеловеческой усталости.

Горечь – за девичество, когда не было приличной одежонки, чтобы сходить на посиделки.

Горечь – за замужество, в котором за любовь и преданность мужу была сотни раз унижена и бита смертным боем, но прощала, потому что надо было поднимать детей – кормить, одевать и обучать их. И опять впряженная, как ломовая лошадь, в работу свою рабскую, кормить, стирать на всю ораву да успевать наравне со всеми вкалывать в лесу, зарабатывать копеечку.

Горечь – за детей, которым отдавала все, что в материнских силах, а взамен от них получала больше горя, чем радости.

А когда под утро последнюю каплю горечи утерли с материнских губ, лицо ее исказила страшная маска прощания...

Сын с горьким комком в горле прерывисто, неестественно громко, на разные интонации закричал: «Мамонька, погоди, не помирай, сейчас придет младшенькая твоя, сделает укол, тебе станет легче, не помирай...»

И вправду вбежала младшая сестра, скорехонько набрала в шприц лекарство, смочила ватку спиртом, подошла... Тут мамино лицо перестало исказяться, стало спокойным и серьезным, таким, каким его знали всегда. Он заорал на сестру: «Чо ты стоишь, коли же, коли, она оживет, она очнется! Ну, чо ты?!» и заревел. Сестренка крикнула тоже в слезах: «Не буду я мучить, может, сердце и заработает, но зачем...»

Вот тут-то все и взвыли, запричитали на разные голоса, обнялись и ревели, не стесняясь друг друга, с надрывом, с подголосками...

Вот и помирила их и снова сроднила, как в детстве, мама. Мама – ушедшая навсегда. Горечь.

*Эдуард
БАТАЛИН*

Мой герой

Он в спецовке рабочей,
Он – бог наковальни,
Царь полей и волшебного пульта.
Вдохновенный или печальный,
Что бы с ним ни случилось – тут я!

Он-то знает, что я не зритель
И не просто к нему привык...
Я порою – его учитель,
а порою – его ученик.

Письмо матери

Намагнично с детства
Сердце Уралом,
И совсем не в охотку,
И уж не для словца

Мои руки скучают
И душа – по металлу.
Это мама, наверное,
Навсегда, до конца.

А еще мне писать
И к тебе, и к России
Мое сердце велит,
Как велело отцам.

И ему приказать
Я, конечно, бессилен.
Это мама, наверное,
Навсегда, до конца...

Я в сибирском kraю –
Быть не хочется с kraю.
Здесь и в лютый мороз
Жарко, словно в аду.

И порой разговор
С промороженным краном
И продутым ветрами
На ремонте веду.

«Что ж ты, ехал сюда
За рублями в полметра?» –
Мне скрипит работяга,
Послушный не вдруг,

И мотор мне гудит:
«Дрянная примета.
Мы навиделись этих,
Много этих вокруг».

Здесь запасы Земли,
Здесь запасы России,
И «зеленое золото»
Не для карьер.

Поз созвездием "Кедра"

Я смотрю с высоты:
Лесовозы рокочут,
И торопится трактор
С вязанкой шпалы,

И вагоны полны.
Это хватка рабочая,
Та, что варит металл
И кряжует стволы.

Что не терпит вовек
Болтовни хорохористой.
Как и пьяни разудальной,
И с трибун крикунов.

Что живет со своей
Возрастающей скоростью,
И фундамент кладет
Для потомков-веков.

Здесь характеры, мама,
В почете такие,
Что как сосны прямые,
И как кедры крепки.

А иначе зачем же
Родиться в России,
Ведь дороги ее
Не бывали легки.

1976 г.

Весна

Сияет солнышко в зените:
Неузнаваема весна...

Но через день все
Позабыто –
То дождь, то снег,
То вновь – она.
Парит земля...
Как после боя,
Но там совсем другой
огонь,
А здесь – как добрая
ладонь,
Ласкающая всходы поля.

1985 г.

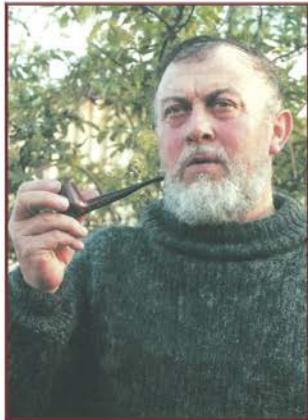
У кузницы

Ему все равно, иван-чаю,
Растущему
из-под стены,
Как мы его тут привечаем,
Как в жизни мы
обозначаем,
Все чувства родной
стороны.
На сереньком фоне
кирпичном,
Под блеклым и пыльным
окном,
Цветы его так нетипичны
И спорят с кузнецким
огнем!

1985 г.

Поз созвездием "Кедра"

Леонид СТАШКЕВИЧ

Ждите белых журавлей

Человека моего поколения нередко называют здесь, в Сосьвинском Приобье, первопроходцем. Это он, совсем недавно, в 60-х годах нынешнего столетия, проложил от уральского подножья до широкой Оби железную дорогу, отстроил рабочие поселки и деловито заселил «страну vogулов».

Правомерно ли в наше время говорить о первопроходце в том краю, который испокон веков был известен и составлял древнюю российскую принадлежность... Русский летописец поведал нам, как в зиму 1364-65 годов «с Югры Новгородци приидоша дети боярския и молодые люди...».

Но и это не самое первое слово. Ипатьевская летопись донесла до нашего времени рассказ посадника Павла, датированный XI веком, о посланце из Новгорода в страну Югру, у которой «язык нем». Через Печору на Обь и Иртыш до того уже был проторен древний путь в Китай и Индию. Каждый век имел своих первопроходцев. Шли они с мечом в отряде Семена Курбского, со святым крестом и тайным желанием прикоснуться к золотой пушнине таежных кладовых. Редко кто – с пытливой мечтой увидеть и изучить удивительный мир Зауралья. Только Октябрьская революция принесла новые социалистические принципы освоения Севера. На территории нашего района их проводниками становятся сотрудники Кондо-Сосьвинского заповедника. Их трудом совместно с коренным населением

были сохранены уникальные ценности животного мира – речной бобр и соболь.

На протяжении двух десятков лет создавались и развивались научные традиции комплексного исследования природных объектов. С интересом и уважением изучались местные обычаи, легенды. Названия рек, озер и уроцищ на слух воспринимались в том звучании, какими пришли они из глубин времени. И ни у кого не вызывало желания переделывать и коверкать их на свой лад...

Организатор и первый директор Кондо-Сосьвинского заповедника В. В. Васильев в 1927 году писал: «Эксплуатация лесов в данном районе возможна, но в сторону Урала при проведении железной дороги от Никито-Ивделя, до которого от юрт Тимофеевых считается двести пятьдесят верст...». Следовало надеяться, что именно в этом регионе произойдет гармоничное слияние государственных интересов по охране Дикой Природы и рациональному природопользованию. Однако первопроходцы моего поколения пришли на эту землю уже после ликвидации заповедника.

Сказочный мир предстал перед ними. Стада диких оленей не ломали привычный кочевой путь при встрече с человеком. Рядом – прислушайся только – глухаринные тока разыгрывали весенний спектакль о бесконечном стремлении таежных обитателей к жизни. Темные речки, каждая из которых, по слухам, была «святой», до краев наполнялись рыбой. Мудрый и тихий хозяин водоемов – бобр – старательно вел свое инженерное дело.

И когда удавалось людям увидеть в весенней синеве северного неба силуэт редкой птицы – белого журавля – на его пути к ближнему уроцищу, им казался этот край неисчерпаемым и красота его непреходящей и само собой разумеющейся.

Основной задачей людей было освоение современными индустриальными темпами таежных богатств. Может, поэтому герб Советского района был украшен нефтяной вышкой, кирпичной стеной, силуэтами деревьев и не нашлось в нем места для голубого неба и белой птицы.

Поз созвездием "Кедра"

История края пишется не одним поколением.

Современные ее страницы сохранят в памяти героический труд строителя, геолога, лесоруба, школьного учителя и лесника. Один из глухих районов Западной Сибири наполнился промышленным содержанием и высоким ритмом освоения. Эти же страницы истории края расскажут о том, как был срублен самый старый кедр, который так и остался лежать у своего пня, будто найдутся еще чьи-то силы поднять его и оживить снова.

Полагаясь на естественное лесовосстановление, мы рубили широко – от плеча. Но кто скажет, что станется с нынешним молодым подростом к концу двадцать первого века. И не повторяем ли мы судьбу европейских лесов прошлых столетий, открывая настежь двери тундрам с севера и степям с юга. Вопрос не в том, чтобы «рубить или не рубить», но в том, чтобы рационально использовать лесное богатство.

С годами мы заметили оскудение тайги. Она уже не кажется нам ни безбрежной в пространстве, ни бездонной в своих богатствах. И новые страницы истории края пишутся более внимательной и осторожной рукой. Вновь организованный заповедник «Малая Сосьва» и отдельные охраняемые территории не спасут природу Сосьвинского Приобья, если каждый человек не научится уважать и беречь ее. У каждого человека глубоко в душе сохраняется образ малой Родины. Он навсегда – в тихой речке Кривульке, на Псковщине, где начиналось детство, в ярких вершинах Северного Кавказа или в дурманящих запахах разнотравья казахстанских степей. Уже позднее, когда подросли наши дети, мы поняли, что для них образ малой Родины рожден в холодных туманах над Кондой и светлых борах за окопицей рабочего поселка.

Чувство ответственности крепнет в сознании первоходца. И каждой весной вместе со своими сыновьями он с затаенной надеждой ждет, когда в голубом холодном небе вновь покажется силуэт таинственного белого журавля – стерха.

1981 г.

Тихая малая
Родина

*Людмила
ВЕТРОВА*

Птички зимние

- Кто там ветку потревожил за окном?
- Птички зимние. И что же? Так живём.
- Так живёте... А поёте?
- Да. Поём.

Мы ж на службе, на работе. Нам знаком
Каждый первый, кто в молчании, без сна
Утро белое встречает у окна.

- На работе? Вот так проза. У кого?
- Да у Дедушки Мороза самого.
- Чем же, бедные, вы служите Ему?
- Тем, что дорого и сердцу, и уму:
Песни дивные о счастье мы поём
И на веточке качаться за окном
Учим души, души будущих Людей.

Это служба, а не службишка. Семь дней
Мы летаем от окна и до окна.

В час ночной, когда волшебная луна
Выплывает к вам в окошко заглянуть,
Успеваем мы немножко отдохнуть.
А на утро – вновь под солнышком летать,
Уму-разуму по зёрнышку клевать.

Тихая малая Родина

– Это – небо, сынок, это – птички,
это – облако, снег и ты.
– Снег идёт почему?
– Привычка.
– А куда он идёт?
– В мечты.
– Что такое мечты?
– Желания.
– Я желаю летать, как снег.
– Ну, попробуй. На старт! Внимание!
Полетел же ведь... взяв разбег.

Опираясь на тонкую тросточку
Опираясь на тонкую тросточку,
Осень вновь уходит собралась:
– Отработала. Слава те, Господи!
Доползти б до кровати, упасть.

– Что ж ты, матушка, сроки-то сдвинула?
Весь ноябрь еще впереди!
Забубнила снегами предзимними:
– Говорят: «Уходя, уходи».

Я люблю этот маленький дом

Мы с тобою как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...
(Н. Рубцов)

Я люблю этот маленький дом
И калитку его, и крылечко,
Где ребенком мечтала о том,
Чтоб с Емелей кататься на печке.

Поз созвездием "Кедра"

Я люблю эти окна и сад,
Этот старый забор и смородину,
Этот добрый и ласковый взгляд,
Эту тихую малую родину.

И когда у последней черты
Окажусь я в смиренном покое,
Пусть цветут полевые цветы
И сороки трещат на заборе,

Пусть багровая вспыхнет заря.
Попрошу на вечерней молитве,
Чтоб душа не споткнулась моя,
Пробегая по лезвию бритвы.

Я войду в очарованный лес
Без обид и прощального слова
И услышу молчанье небес,
И стихи Николая Рубцова.

Кошка на дереве

Опустилась тихо мгла. Кошка серая,
если б только бы могла, слезла б с дерева.
Старый тополь. Вертолёт. Жизнь случайная.
Кошка серая орёт от отчаянья.

Мы спокойны и горды, словно дерево.
Очень близко от беды до безверия.
Да не рвите ж вы сердец, дверью хлопая,
И снимите ж, наконец, кошку с тополя!

Дедушка

Наш дедушка, охотник-рыболов,
Похож чуть-чуть на сторожа ночного,

На печника, на дядьку-домового
И понимает всё без лишних слов.

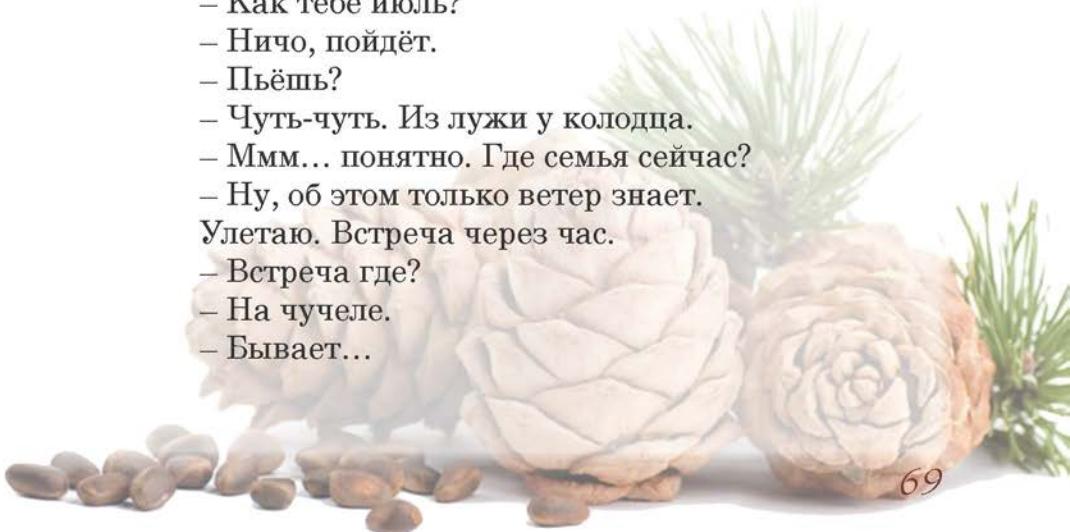
Наш дедушка нам из лесу принёс
Букетик спелой сладкой земляники.
И, протянув подарок невеликий,
«От зайчика», – с улыбкой произнёс.

Мы верим в эти правила игры.
Мы счастливы. И знают все соседи
Про то, как зайцы, лисы и медведи
Для нас готовят сладкие дары.

Наш дедушка любому даст совет,
Он любит жизнь и всё на свете знает,
Он нам стихи и сказки сочиняет.
Он самый-самый-самый лучший дед!

Интервью с воробьём

- Как живёшь?
- Да так... Чуть-чуть везёт.
- Где летаешь?
- В общем, где придёться.
- Как тебе июль?
- Ничо, пойдёт.
- Пьёшь?
- Чуть-чуть. Из лужи у колодца.
- Ммм... понятно. Где семья сейчас?
- Ну, об этом только ветер знает.
- Улетаю. Встреча через час.
- Встреча где?
- На чучеле.
- Бывает...

*Галина
ЛОГАЧЕВА*

*Записки из церковной лавки
Вместо предисловия*

Храм у нас небольшой, перестроен из обычного жилого дома. Постепенно строение расширяли, расширяли и вот двадцать лет спустя получился уже довольно уютный дом Божий, человек сто пятьдесят входят свободно, а если потесниться, то и двести разместятся.

В притворе храма расположена свечная лавка. Здесь принимают записки на молебны, панихиды и литургию, оформляют различные трёбы, записывают сорокоусты, выписывают свидетельство о крещении или венчании, регистрируют отпевания, продают нехитрую утварь: подсвечники, лампадки, кропила... Десятка два разных икон, столько же книг. Конечно свечи, крестики, елей, ладан, лампадное масло...

Работницы свечной лавки первыми встречают человека в храме. Они всегда готовы его выслушать, ответить на вопросы, дать советы, рассказать куда поставить свечу, какие иконы в храме, что подарить новообращенному... Каких только вопросов ни задают работницам лавки, каких только рассказов ни рассказывают! Иногда хочется поведать их всему миру. Так родилась идея написать цикл «Рассказы из церковной лавки».

Евангелие для работы

Больше десяти лет я работаю в свечной лавке, а это-го мужчину вижу в храме впервые. Хотя знаю, что он наш, местный. Больше того, лично знакома с ним уже больше тридцати лет. Когда-то были соседями, потом разъехались. Иногда встречалась с его супругой, красивой, доброжелательной женщиной. Как обычно при встрече обменивались словами приветствия, несколькими фразами о детях...

А тут увидел меня в лавке, узнал, но вроде бы даже не удивился. Взгляд доброжелательный и вполне уверенный, хотя немного озабоченный. Надо отметить, что новые люди в храме так ведут себя редко. Обычно они смущены и не уверены, опасаются сделать что-либо не так. Потом, привыкнув к службам и познакомившись с правилами поведения в храме, начинают понимать, что никаких особенных условий церковь к прихожанам не предъявляет, веди себя скромно и тихо, больше ничего не требуется. Остальное – ваше личное дело. А этот – назовём его Геннадий – хоть и скромно, но вполне уверенно поздоровался, во взгляде ни тени сомнения, сразу подходит к окошечку лавки и спрашивает:

– Можно мне Евангелие?

Тут же, я не успела повернуться к полке с книгами, добавляет:

– А то что-то с работой стало не очень.

Привыкшая ничему не удивляться и ни о чем не спрашивать без особой надобности, я подаю ему книгу Нового завета в хорошем издании, уточняя, что в ней кроме четырёх Евангелий, собраны еще и Послания... Объясняю, что есть отдельное издание Евангелия в простом бумажном переплете, есть и маленькая книжка – карманное издание Евангелия...

Геннадий с минуту перебирает книги и решительно говорит:

Поз созвездием "Кедра"

— Я возьму и Новый завет, и две книжки в бумажном переплете: для сына и для зятя.

Не зная, как на это реагировать, я осторожно советую:

— Может быть, имеет смысл с батюшкой поговорить?

Геннадий, все такой же уверенный, рассчитывается и, улыбаясь, мне отвечает:

— Не надо. У меня так бывает. Когда работы нет, я начинаю Евангелие читать. И сразу звонки с заказами появляются.

Счастливый, забирает книги:

— Спасибо, Галя.

В храм даже не зашел, все произошло в притворе, где лавка церковная расположена.

В тот же день я рассказала батюшке про этот случай. Он подумал и говорит:

— Пусть читает. Может быть, когда-нибудь придет причащаться.

Прошла неделя. Что вы думаете? Глазам своим не верю. Снова Геннадий в храме, а вместе с ним жена, дочь, зять, внучка... пришли крестить малышку.

Не удержалась я, спросила:

— Гена, как с работой?

Улыбается:

— Хорошо! Как только книжку прочитал, сразу заказы пошли.

Сам довольный, светится, ни на йоту не сомневается, что так и должно быть.

А я думаю, сколько же времени в день он отдавал чтению, если за неделю весь Новый завет прочитал, успел заказы принять и явно уже работает по ним?

Батюшка, проповедуя после крещения, всем велит прийти на причастие на следующий день.

Вполне возможно, что среди причастников будет и Геннадий.

Сорокоустная молитва

Две молоденькие девчонки, лет по семнадцать, как птички весенние, – и стесняются, и хлопочут, и успокаивают друг друга, советуются, щебечут тихонько. Подвязались платочками, юбки надели, подходят к окошку в лавке:

– Как сорокоустную молитву почтить? – спрашивают.
Я не очень поняла, что они хотят, уточняю:
– Вы хотите сорокоуст заказать?
– Да, – говорят, и опять то же самое, – молитву сорокоустную...

Объясняю им, что такое сорокоуст, какие еще бывают службы и требы в православии. Они понятливо кивают головками и просят сорокоуст о здравии Кирилла.

– Он болеет? – спрашиваю.
– Он в реанимации после аварии, – отвечают.
– Понятно. А ваш Кирилл крещеный?

Девчонки сомневаются. Вроде, крещеный, но креста на нем они не видели.

– Спросите у родственников, – подсказываю, – они, наверное, знают. Телефон есть?

Пошли звонить родственникам. Возвращаются уверенные, что Кирилл крещеный, сами вспомнили.

Предлагаю им подать записку на проскомидию, объясняю, что это такое, что за служба такая – литургия. Они пишут записку на литургию и заказывают сорокоуст о здравии.

– Не забудьте, – говорю, – благодарственный молебен отслужить, когда ваш Кирилл поправится.

– А можно сейчас свечи поставить? – спрашивают.
– Почему же нельзя. Можно, только тихонько ходите, там в соседнем помещении крещение идет. А вы сами-то крещеные?

Помялись немного:

Поз созвездием "Кедра"

— Нет, — отвечают. — Можно некрещеным в храм заходить?

— Можно, — говорю, — заходить, только что же вы не крещеные-то? Вам же замуж выходить, детей воспитывать, вы же, наверное, хотите счастливую семью и детей хороших.

— Да, — дружно кивают головой.

— Так надо же Богу молиться об этом, как же без Бога вы собираетесь счастье в жизни обрести? Вот вам визитка нашего настоятеля. Он каждый вторник проводит беседы для тех, кто хочет покреститься. Вы там ему любые вопросы можете задать.

— Хорошо, — говорят, — а пока мы свечи поставим о здравии, можно?

Рассказала, куда можно поставить свечи о здравии, молитву Иисусову им сказала:

— А вообще, молитесь от сердца своими словами, — говорю.

Взяли визитку, свечи купили и пошли в храм. Смотрю, перекрестились, как вошли, поклонились. И обратно выходя, крестное знамение сотворили.

Сердце зовет их к Богу, надеюсь, что придут и будут счастливы.

Знак или примета?

В воскресный день у церковной лавки толпится народ, сквозь него к оконечке протискивается мужчина лет под сорок. Он явно взволнован. Наклоняет голову, почти заталкивая её в оконечко лавки. Оно у нас хоть и высокое, но не широкое, грудью на него не ляжешь. А тут еще прихожане толпятся, так что моему собеседнику не особенно удобно, но он настойчив. Заглядывает в оконече, да еще и обе руки норовит просунуть.

— Смотрите! — говорит. — Видите.

Я вижу в его руках крестик на простом гайтанчике черного цвета и ничего не понимаю.

– Ну, видите? – не понимает моего недоумения мужчина. – Он ломается. Я уже подклевал, а он опять. У меня работа такая. Я его прижимаю, и он ломается...

Пытаюсь понять, о чём речь, переспрашиваю:

– Что у Вас ломается?

Он удивляется моей непонятливости:

– Крестик ломается, видите же...

Действительно, вижу, что в руках он держит обычный серебряный крестик и усиленно демонстрирует его мне.

– Вы что же, крестик подклевали? – я по-прежнему не понимаю сути проблемы. – Как это Вы серебряный крестик подклевали?

– Да, нет! – нервничает он, – Не видишь что ли? – От волнения он переходит на «ты», не замечая этого еще и потому, что вокруг напирают люди, а он явно торопится.

– Распятие с крестика отпало, видишь? Я его приклеил, а оно опять. Можно носить теперь крестик? Без распятия?

Наконец я соображаю, что в руках у него не только крестик, но и фигурка Христа. Есть такие крестики: объемное изображение Христа как-то крепится на крест.

– Ну, вообще-то, – неуверенно говорю я, – крест и должен быть без распятия, а с распятием – уже икона. Так что, думаю, можно и так носить, без распятия. Что же делать, раз не держится?

– Правда?! – мужчина очень рад такому повороту событий.

– Да, носите. Что же, не выбрасывать же крест.

Мужчина, обрадованный, почти бегом побежал из храма.

...Позже рассказываю про этот случай батюшке, он даже за голову взялся:

Поз созвездием "Кедра"

— Как же вы его отпустили? Ведь это знак! Христос сошел с креста! Видать, давно он в храме не был, не исповедовался, не причащался. Мы должны быть ловцами человеков, а вы его успокоили: иди, дорогой, греши дальше.

— А Вы, батюшка, говорили, что не надо обращать внимания на приметы.

— Так то приметы! А то знак!

— Как же их различить?

— Надо различать. На то мы и служим в храме, чтобы различать.

Молимся два раза

Мужчина молодой еще, высокий, крепкий, несколько выпивши. Зашел в притвор храма, закрыл за собой дверь, огляделся. Увидел меня в лавке, подошел, спрашивает, как в воду ныряет:

— Что нам делать? Сегодня ночью зеркало настенное упало и разбилось. В половине четвертого утра. Большишее зеркало. Загрохотало — все проснулись, перепугались. Жена говорит, не к добру. Старые люди велели в храм идти. Я пришел. Что делать?

Я сразу вспомнила недавний разговор с батюшкой о приметах и знаках. Думаю про себя, что тут точно надо священника звать, говорю:

— Надо батюшке все это рассказать. Сейчас его в храме нет, но Вы подождите, попробую его по телефону найти.

Звоню отцу Вячеславу, оказывается, он недалеко, в управлении прихода, говорю, что пришел человек с проблемой, ждет его. Батюшка обещал подойти, а я пока пытаюсь разговорить захожанина:

— Вас как зовут?

— Женя.

— Вы крещеный, Евгений?

Тихая малая Родина

– Да. С самого детства, в месяц, наверное, крестили. Только креста не ношу.

– Почему же не носите?

– Не знаю.

– В храме давно не были?

– На Пасху только хожу.

– Надо ходить, – не удержалась я от упрёка, – Вы же крещеный.

– А вот еще, – меняет Евгений тему разговора, – мне все время мои друзья снятся, погибшие. Зовут меня с собой. Руки протягивают. Я им говорю: я же отслужил уже и уволился, зачем вы меня зовете...

Помолчал и добавил:

– И родственники умершие сняться, – взглянул на меня коротко. – Помянуть надо, да?

– Надо, – соглашаюсь я. Помолчав немного, спрашиваю: – а Вы где служили?

– В Чечне, – сказал и тоже замолчал. Потом, видимо, решил рассказать важное для себя. – Я там молился... Раза два было... Однажды в 94-ом попали в окружение, ситуация безвыходная, конец нам. Я-то ладно, а у меня десять пацанов. Жалко их, молодые. Я две гранаты к себе прижал, говорю им: если что, дерну чеку и в толпу. А вы бегите, кто куда. Сам молюсь: – Господи, помилуй нас. Мне-то 22, а мальчишки совсем молодые, Господи, помилуй....

И опять замолчал, задумался, вспоминая...

Я осторожно спрашиваю:

– Помог Господь?

Он очнулся, вернувшись в день сегодняшний, кивнул головой:

– Да. Минут через семь такой туман густой упал. Мы в этом тумане и просочились...

– Вас, – говорю, – Евгений, Бог любит. Сами посудите, из такой передряги вышли и людей спасли. Уже

Поз созвездием "Кедра"

больше двадцати лет прошло, Он Вас все ждет. А Вы все не идете. Может, и зеркало упало, чтобы Вы наконец в храм пришли.

Тут батюшка пришел, выслушал про зеркало, спросил, давно ли он был на исповеди, когда причащался в последний раз. Сказал, что зеркало, может быть, было плохо закреплено, а может, и знак. Нужно прийти на исповедь. Принес Евгению книжку какую-то из алтаря, велел, чтобы прочитал, сказал, что будет ждать его в храме.

Я в это время крестик простой алюминиевый взяла. Надела на гайтанчик и подаю Евгению. Он в руки взял и задумался...

— Так надевайте сразу, — советует батюшка.

Взял из рук Евгения крестик и сам надел на него с благословением.

Ушел Евгений успокоенный. И обещал вернуться.

Про паспорт

Знакомая женщина, назовем ее Анна, утром ранним-рано, до работы, прибежала в храм помолиться, благодарственную свечу поставить. Был день Архангела Михаила, сразу после выборов – 18 сентября.

Работает Анна в доме престарелых. У нее в сейфе хранились паспорта пятнадцати подопечных из ее отдела.

Перед днем голосования потребовалось передать документы представителю, который будет работать с подопечными на выборах. Анна открыла сейф и обнаружила, что одного паспорта не хватает. Она очень расстроилась: ешё бы, чужой паспорт потерять да еще не в частном порядке, а на рабочем месте!

Отдала Анна те четырнадцать паспортов, которые были у нее, ответственному представителю, а пятнадцатый стала искать везде, где только можно. Обыскала все уголки, просмотрела все папки, расспросила всех коллег – нет паспорта. Анна бросилась к иконам: молилась

сама, позвонила своим знакомым в разные города, попросила заказать молебен об отыскании потерянного.

Ночью ей приснился сон, в котором кто-то предложил ей посмотреть паспорт в сейфе ответственного представителя.

– Зашла я в ее кабинет, – рассказывает мне Анна, – и говорю: «Открывай сейф».

Она открывает сейф, я достаю переданные мной четырнадцать паспортов и начинаю их перебирать. И – о чудо – вижу потерю! Мы их, паспорта эти, уже по внешнему виду знаем, где чей – часто с ними работаем. Лежит в этой же кучке, как ни в чем не бывало. Вот такое чудо Господь явил. Слава Тебе, Господи, нашли!

Есть только миг

В храм зашла молодая женщина лет тридцати, пожалуй. Подошла к окошечку лавки, сама трусится мелкой дрожью.

– Что с Вами, – спрашиваю, – случилось что-то?

– На машине перевернулась, – отвечает. – Ехала в Югорск и перевернулась. Броде, всё было нормально и вдруг, как из-под земли встречная машина. Я её заметила за несколько секунд до столкновения. Руль резко повернула и в столб уперлась. Скорость большая. Вижу, как мой автомобиль над землей взлетает и так медленно-медленно переворачивается в воздухе несколько раз. Вся моя жизнь передо мной, как в кино, пролетает, и я начинаю молиться Богу, чтобы меня спас. И так это было медленно, так это долго продолжалось, что я успела несколько раз помолиться и все-все видела до самых мелких деталей.

Помолчала немного, словно вновь переживала эти мгновения, и продолжает:

– Автомобиль всмятку, а на мне хоть бы царапина. Гаишники привезли в город, я попросила, чтобы у церк-

Поэзия созвездием "Кедра"

ви высадили. Пришла свечу поставить Богу, поблагодарить за чудесное спасение.

Говорит с такой готовностью, словно проверяет на ощупь – она ли это? Жива ли она? Видят ли ее? Слышат ли? Взяла свечу, зашла в храм, сама еще до конца не осознавая, что Господь подарил ей жизнь. Долго ли будет помнить свое чудесное спасение?

Опыт умирания

В больших храмах работникам церковной лавки никогда выслушивать рассказы прихожан, они порой листочки для записок не успевают принести. У нас – другое дело. Городок небольшой, храм наш долгое время был единственным, мы уже каждого человека в лицо знаем и новеньких сразу видим. Им-то, новеньким, особое внимание уделяем. Бывает, что человек стесняется, бывает, что боится, часто бывает неуверенным: вдруг что-то неправильно сделает... Тут им и нужно слово доброе, взгляд участливый, готовность выслушать и подсказать, развеять сомнения.

Незнакомые люди приходят в основном с проблемами – это и понятно: когда всё хорошо, редко о Боге вспоминают. Наше дело выслушать со вниманием и доброжелательностью, посоветовать что-то, в сложных случаях – к батюшке направить. Только бывает так, что батюшка занят, сразу не ответит, а человек постесняется позвонить второй раз и третий – остается осадок у него неприятный, обвиняет церковь в равнодушии и черствости. Так и отходит от Бога. Потому лавочницы стараются так поговорить с человеком, чтобы надежду ему вселить и успокоить, насколько возможно. Важно, чтобы человек с добрым сердцем из храма вышел. Вот и расспрашиваешь, порой, человека, и любопытство тут ни при чём, тут участие и сострадание в первую очередь выходят.

У окошка лавки женщина в черном платке – явно, что у нее горе. Заказывает сорокоуст об упокоении. От окошечка не отходит, словно чего-то еще хочет, сама не знает – чего. Спрашиваю тихонько:

– У вас кто-то умер?

– Сын, – отвечает. Молчит, не уходит.

– Болел? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – не болел.

– А что случилось?

– Враз как-то стало плохо. Всё болит. Вызвали скорую, сделали укол. В больницу ехать отказался. А ночью умер. Пришел ко мне в три часа. Смотрю, рядом с ним кто-то в черном стоит. Он мне говорит: «Мама, не плачь»...

– Сколько лет было Вашему сыну?

– 45.

– Семья осталась, дети?

– Да, – помолчала еще. – Я с ним разговариваю. Не могу его отпустить.

– Постарайтесь не плакать, помогите его душе, отпустите его.

– Он просит меня не плакать, а я не могу – слёзы текут.

– Вам надо бы на исповедь сходить и причаститься. Господь поможет Вам тяготу разомкнуть. Вы давно исповедовались?

– Давно, – говорит. Помолчала еще. – Он всё время рядом со мной. И в гробу когда лежал, вижу, он будто садится. И сейчас его ощущаю всё время.

– С батюшкой поговорите, что он скажет про это.

Женщина пошла поговорить с настоятелем, а в лавку заглянула одна из наших прихожанок, Татьяна. Она тоже заказала молитву за этого мужчину на полгода. Сказала, что знает его очень давно и рассказала, что в 16 лет он попал в автомобильную катастрофу. Тело его сплющило металлом, и душа вышла вон. Сам он по-

Поз созвездием "Кедра"

тот рассказывал, что видел свое тело сплющенным в исковерканной машине... Тогда скорая приехала быстро, и удалось парня спасти. Господь вернул его к жизни. Татьяна еще удивлялась, что этот случай не сделал его сыном Церкви.

— Ты же сам видел, — говорила она парню, — что душа бессмертна, что жизнь не заканчивается земным существованием, почему же ты в церковь не ходишь? Почему не спасаешь себя?

И, продолжая разговор, Татьяна вспомнила, как подобный случай вернул её к жизни:

— Мылась я в бане, — рассказывает Татьяна, — и чувствую, что-то плохо мне. Вижу свое тело насквозь. Сердце моё уменьшается и уменьшается, сделалось с горошину... Я вижу, что лежу на пороге из бани в предбанник, думаю: почему же я не одеваюсь? И вдруг поняла, что я умерла. Угорела и умерла. Как мне стало тошнено! Дело в том, что настоятель наш, отец Сергий, в это время уехал в командировку в Тобольск. А других храмов в округе не было. Я поняла, что меня будут хоронить без отпевания. Затрепетала вся душа — не хочу без отпевания, Господи, верни меня к жизни!

...Очнулась и ползком поползла по снегу домой.

Оказывается, опыт умирания не так уж редок в нашей жизни. Многие люди прошли через это, а кто как им распорядился — это уже дело каждого.

Господь дает человеку свободу выбора, наше дело — подойти к нему осознанно, чтобы потом не восклицать в сердцах:

— Господи, за что мне это всё?

*Светлана
ПАХТЫШЕВА*

Несерьезно, несерьезно –
Замирать под небом в звездах.
Несерьезно – в снегопад
Рот открыть и не дышать.
Несерьезно – для сверчка
Ставить блюдце молочка,
И над веточкой мимозы
Плакать – тоже несерьезно.
Знать хочу, пока не поздно:
Что действительно серьезно?

Упрямый надлом бровей.
Настойчивый гордый взгляд.
Упрямству таких людей
Не каждый, должно быть, рад.
А я, не дыша, смотрю
И хрупкую мысль ловлю:
Тебя знаю пять минут,
А, кажется, век люблю.

Голова

Затошнило опять от мечтаний,
От крутящихся в мыслях глаголов.
Не спланировать всех оправданий,
Не спастись от сердечных уколов.

Не собрать в предложения буквы
И не выстроить маршем слова.
Остается заламывать руки!
Мне не хочет помочь голова.

Где-то близко тревожно под кожей
Пробегают мурашки стихов.
Подлость! Мне голова не поможет.
Нет, не верит, что снова – Любовь.

Хорошо ей спокойной и смелой:
Что придумать – что предугадать.
Сердце, бейся, влюбляйся и делай!
Будем вместе с тобой пропадать.

Солнце спит

Солнце спит. Смотрит сон обо мне.
Я иду одна на откос.
Там трава течёт. По этой траве
Расплескались мои пряди волос.
Я смотрю в далёкую высь.
И тянусь руками, тянусь.
Солнце заклинаю: Проснись!
Но сама ему, несчастная, снюсь.
Солнце спит. И дрожь по рукам.
И течёт с откоса трава.
Ото лба и по волосам
Утекают в бездну слова.

Кто-то

В обществе должен быть кто-то,
Кто может слушать молча
О чужих проблемах, заботах,
Об успешных делах и не очень.
Его сердце для всех свободно.
Он обиды людей и радости
Примет, выслушает покорно,
Робко к Богу взывая до старости.
Кипит и пенится общество,
Источая в воздух эмоции.
Только тихий и скромный кто-то
Терпит молча, вздыхает, молится.
И сейчас этот кто-то где-то
Снова боль собирается выдюжить.
Без него взорвалась бы планета,
Напряженья не выдержав.

Легкие-прелегкие стихи
Полетели по просторам ночи.
Ты увидеть сможешь их штрихи
Над макушкой леса, если хочешь.

Легкий звон от их чернильных фраз
Ты услышишь, затаив дыхание.
И почувствуешь, что ветер-верхолаз
Встал на цыпочки и замер в ожидании.

Легкой строчкой пролетят они,
Растворившись, словно безвозвратно...
Если хочешь, только намекни.
Я верну их тотчас же обратно.

Поз созвездием "Кедра"

Выбор

Пересидеть, переждать в своей тёплой норе:
Ветер не дует и снег не метёт. В январе
Так же, как в августе, – сухо, спокойно, лишь нет
Солнца, которое тянет ладони к тебе.

Пересидеть. И не выстрелить свежим дождём.
Звёзд не увидеть, которые искрами брызг
Нимбом у лба, за плащом, как за юным вождём
Роем весёлым взвились.

Пересидеть. И не вспыхнуть могучим костром,
Свет разливающим на километры вокруг,
И согревающим всё в пониманье простом,
Что человек – это друг.

Пересидеть и не крикнуть упрямо: «Вперёд!»,
Если ты даже последним остался в строю.
Пересиди. Только время, конечно, придёт
В тёплую нору твою.

Солнышко

На веснушки мать-и-мачехи
Любовалось солнышко,
Рыжей ленточкою схвачено.
А в глазах до донышка
Родником искрился радостно
Голубой простор.
Юбка-колокольчик с ландышем
Заплелись в узор.
Залетело на мгновение
Лето в воротник.

В невесомом оперении
Закружился стих.
И расцвел, когда от дождика
Напитался всласть.
Вдруг отчаянно художником
Захотелось стать...

22.09.2014

Апрель

Апрель не думает –
Он делает, как хочет.
Он, молодую удаль не держа,
Плюёт на зиму, выюжившую ночью,
И солнцем обдает, как из ковша.
Он, звонко заливаясь чистым смехом,
Журчит и капает, всё убыстряя ритм.
И оживает лес, очнувшись. Громким эхом
Апрель уже в ветвях его парит.
И на апрель никак нельзя сердиться:
Неугомонно юный, озорной!
Фонтаном счастье бьёт нам в лица
В распущенной беспутности шальной.
И тот апрель, который я простила,
Тот свежий, быстротечный, дерзкий пыл.
Я верила тогда, ждала, любила!
Апрель, спасибо, милый, что ты был!

Константин МУРЗИН

Необъятного не объять

«Необъятного не обятьть. Воистину мудры были древние философы. Ведь так оно и есть на самом деле», — легко и с азартом скользя лыжами по свежему снегу, думал Сидоров.

В лесу — красота. Берендеево царство. Ветки сосен и кедров покрыты искрящимся на солнце снегом. Тишина охраняет голубизну неба. Воздух чист и прозрачен. Раньше, до перестройки, народ еще ходил кататься на лыжах, были энтузиасты. А сейчас Сидорову самому приходилось прокладывать лыжню по глубокому снегу. Он в гордом одиночестве идет на свидание с природой.

«Во всем своя прелесть, — продолжал размышлять Сидоров. — Свой смысл, свой кайф. И если, например, ты Филип Киркоров, то у тебя нет времени ходить на лыжах по выходным дням по лесу. Или Алла Пугачева — она не играет в настольный теннис, шахматы — не может и не умеет. А уж кататься на велосипеде... извини, подвинься».

Сидорову даже жалко стало на мгновение наших звезд, ведь они однобокие, недоразвитые. Что спортсмены, что артисты. Ну, возьми этих гимнасток. Клопики

еще, а их так заездили с малолетства, они больше ничего, кроме сальто-мортале не знают и не умеют. Хорошо, если она станет чемпионкой, а если нет? – изуродовали человека.

Весна. Казалось бы, должны петь птицы, радоваться приходу тепла. Но это было раньше...

Здесь были и глухари, и тетерева, и куропатки. Зайцев было полно, белок, лисиц. Все вокруг было испещрено следами зверья. А сейчас после прихода человека в тайгу, как Мамай прошел – даже синиц не видно и не слышно. Только где-то одиноко постукивает дятел. Мертвый лес стал, тихий, странный какой-то. Но все равно торжественный.

Когда учился в школе, Сидорова глубоко затронула мысль Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Это значит, что каждый должен стремиться к совершенству во всем. Гармония! Мужчина должен быть красив, как Аполлон, силен, как Геракл и умен, как Сократ. Вот эта мысль и сбила Сидорова с толку, хотел приблизиться к этим заветам – в результате суёта. Все нравится, все делает, но нет одной какой-то важной цели. Выходит, не прав был писатель, запутал парнишку, сбил с панталыку.

«Ну, ладно, артисты там, спортсмены, бизнесмены, правители – у них своя жизнь, свои проблемы. А вот я. Хочется ж и на лыжах покататься, и петь, и танцевать, и в ресторане отдохнуть, и книгу интересную прочитать, и в теннис, и в шахматы поиграть, и музыку слушать громко-громко, чтоб потом в ушах звенело, до одури, до изнеможения, и спорт смотреть по телеку целыми сутками, пива напиться, чтоб голова болела, и баб раньше хотелось, а теперь одна зазноба всю душу вынает, но не моя, – философствовал Сидоров.

– То есть, получается, что необъятное не объять – это

Поз созвездием "Кедра"

касается не только космоса, материи или глобальных проблем человечества: перенаселение, парниковый эффект, озоновые дыры, загрязнение окружающей среды, терроризм, наводнения, землетрясения... – но и каждого человека в отдельности. Ну, например, ты хочешь выпить, а жene это не нравится, значит, уже неувязочка. Или вот, наконец, с огромным трудом появился материальный достаток после ихних реформ, но покоя на душе нет».

Не может Сидоров забыть свою мечту – любовь. Погонишься за одним, другое упустишь. И во всем почти можно увидеть, прочитать этот закон. А это значит, что не можно сделать так, чтобы все было хорошо, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Не может человек быть окончательно счастливым, а только по кусочкам.

«Вот это я дал. Эврика! Сделал открытие!» – радостно удивился Сидоров и громко, что есть мочи (стесняясь некого) заорал никому и себе неизвестную песню и покатил дальше.

Камень с души

«Ты самый красивый, самый хороший. У тебя обаятельная улыбка. Мышцы расслаблены. Ты лежишь на песке. Солнце жарит тебя лучами. Тепло расплывается по всему телу. Тебе хорошо. Веки тяжелеют. Ты засыпаешь», – уговаривал себя Сидоров.

Но сон, едрена корень, никак не хотел приходить. Еще бы. Работал, работал. Ездили на юг, на море каждый год. Деньги были. И вдруг на тебе – оказывается, она не с тем жила. Да, сейчас, конечно, он сломал ногу, и как бы неполноценный человечек. Раньше, до того, как исправно батрачил, и то возникали проблемы. А теперь, когда бабок явно стало не хватать, нарыв вскрылся.

Он перестал мучить подушку и решил это дело пере-

куриль. Тихонько встал, чтобы случайно не разбудить жену и сына, взял костыли и, хромая на одну ногу, поковылял. Включил свет в прихожей. На шорох проснулся кот, зевнул смачно и глазами попросил: «Что встал, может, покормишь?» И уверенно направился в сторону кухни, хвост пистолетом. Сидоров грозно посмотрел на него: «Не дождешься, сейчас ночь, какая может быть кормежка». Кот вытянулся, поточил немнога когти о ковер и пошел досыпать.

Сидоров прошел в туалет. Курить можно было только там. Он и не противился. Ему нравилось курить в сортире-ванной, это – единственное место, где никто тебя не беспокоит. Там на полке лежали сигареты и зажигалка. Он любил покурить с кайфом, сидя на унитазе. Подумать о разном, обсосать, взвесить свои мысли.

Ночью шум города утихает, и прекрасно слышно через воздушные отдушины, как ругаются соседи-молодожены внизу. А наверху стирали белье. Вода журчала по канализационным трубам, и доносился характерный звук машинки. «Во дают, час ночи, а они стирают. У нас такого не может быть», – подумал Сидоров.

В голове вдруг промелькнули слова матери: «Сынок, ты не думаешь о себе, нельзя так жить». Сидоров не понимал: как так – не думаешь о себе. Ведь он все силы отдает семье, жене, ребенку. Для него семья и он – это было одно целое. У него и не было других помыслов. Он просто не знал и не умел по-другому.

Неожиданно для самого себя вспомнил первую и последнюю любовь. Сидоров был однолюб. Странно, никого рядом нет, а сердечно забилось так: тук-тук-тук. Что даже в пот бросило от волнения.

Было время молодое. Какая-то неведомая сила гнала его ранним утром бродить по безлюдным улицам, когда лишь поливалки умывали, прихорашивали город. Иногда навстречу попадались бездомные собаки. Ноги сами

Поз созвездием "Кедра"

несли его к реке встречать рассвет на пляже вместе с воронами, которые испещрили весь песок своими лапами в поисках пищи, и рыбаками – утренний клев. Так из мальчика он переходил в юношу.

Жена его потомок Чингисхана. Худенькая, симпатичная чернявая башкирочка. Кровь с молоком, балетные ножки. Любовь монголки, которую он так и не завоевал (любили друг друга, но в разные годы). Теперь стала чем-то вроде надзирателя – сюда нельзя, туда нельзя. Сейчас он под домашним арестом. Нога сломана. Да и времена тяжелые. В наши дни редко кто по гостям гуляет. Перестройка хренова, новые русские...

Заходили навестить его брат двоюродный, знакомые по пляжу. Летом Сидоров, как только выдается солнечный день – велосипед под зад и на пляж с волейбольным мячом. А дома было душно. Не от воздуха, а так сложились обстоятельства, все давило на него: разлад с женой, нога, деньги, будь они не ладны. Не с кем поговорить. Он понял, что ему просто необходимо до зарезу поделиться с кем-то близким. Решил завтра, когда жена уйдет на работу, он дернет к приятелю – художнику. И именно к нему, потому что там свободно (как дома, где хочешь там и пукнешь). Никто не заглядывает в рот, и ты говоришь, что думаешь, а не то, что от тебя ждут.

Сидоров выключил свет и с этими мыслями улегся в постель. Утром сын ушел в техникум, следом – жена. Сидоров потихоньку убрался в квартире, накормил кота. Набрал знакомый номер телефона и сообщил, что скоро будет, если они не против. Получив добро, отправился.

Жить надо по возможностям. А возможности у него были только на общественный транспорт. На такси денег нет. Ему это даже было на руку. Приятно после заточения выбраться на свободу, пускай даже и на ко-

стылях. Воздух одурманивал. Все радовало его глаз. И спешащая толпа, и весенние ручейки, и поток машин.

Когда долго не бываешь на улице, сидишь взаперти, все воспринимается по-новому, свежее, с восторгом. Он дошел до остановки, сел в трамвай. Ему сразу уступили место, хотя сейчас времена пофигистов: молодые сидят, а рядом старушки, женщины стоят, детишки. Но костили еще уважают.

Доехал до нужной остановки и почапал, не заглядывая в глаза прохожих. Он чувствовал себя второсортным, отчужденным. Раньше, когда он встречал инвалидов, он не видел в них людей, а воспринимал лишь как объекты движения.

Вот он – красавец-дом, новая четырнадцатиэтажка из красного кирпича по финскому проекту. Внизу у подъезда стояло много иномарок. И мужики были все круты, соответственно, стандартно одеты и постриженны под ноль. Жвачка во рту, и лыбятся. Эта постоянная улыбка (оскал) – американский образ жизни, реклама, а по-русски: смех без причины – признак дурачины – так бесила Сидорова. Ведь это не искренне, а лишь хорошо натренированно.

Девятый этаж на лифте. Кругом пока еще чистота, не успели изгадить, понаписать на стенах. Приятно пахнет краской.

Друг его окончил институт искусств. Художник, имеет звания. Двадцать лет проишашил в одной конторе и жил в общаге с семьей. Слишком порядочный был. А квартиру получил за особые заслуги. Повезло.

Сидоров не успел нажать на кнопку, как с той стороны раздался лай собаки – это пудель хозяина, такой игривый пес.

– О, кого я вижу!

– Ты не занят, может, работаешь?

Сидоров прошел в прихожую – такая непривычно

Поз созвездием "Кедра"

большая, хоть теннисный стол ставь. Сбоку кладовка, тоже по нашим меркам не укладывающаяся в голове. Там можно запросто коня держать. Лучше Пегаса. Чуть что – и раз с балкона сразу на улицу. Полы – паркет. Собака на поворотах скользит на нем когтями, как на льду.

– Нет, сейчас как раз окно образовалось.

– Тогда, все хоккей.

Хозяйка на кухне, которая в пятиэтажках как раз была бы залом.

– Привет лучшей половине человечества! У вас, может быть, были планы? Если что, так ты, Марина, не обращай внимания на текущие события.

– Да ладно тебе выделяться. Посидим, поболтаем.

– Вот-вот, вы же знаете прекрасно, что только у вас я могу рожать мысли без проблем. Я как бы на свободе пасусь. Потому-то я здесь.

Накрыли стол. Все удобно и пристойно. Хозяин достает из холодильника пузырь и две рюмки. А на предвещавший вопрос «Почему две?» ответил:

– Я зашифровался. Ты же знаешь, надо завязывать, а то столько неприятностей.

– Да, в общем-то, я понимаю, это хорошо, конечно. Но мне от этого не лучше.

– В чем собственно проблема? Вы пейте вдвоем, а я вас обслужу по высшему разряду. Я-то знаю, что за разговор без кира. Все будет в норме.

– Уговорил.

Сидоров взял слово, хотя не любил тосты, чествования разные.

– Господа. За вашу квартиру! И этаж нормальный (а мог бы быть первый), и солнечная сторона, лоджия, планировка отличная, отделка, и все в увеличенных размерах.

Он выпил с женщиной.

– Нормальная водочка. После первой не закусываю.

Давай вторую вдогонку. Во! Теперь тепло зажглось в желудке. Можно чего-нибудь и поклевывать.

Марина замечательная хозяйка: салат, сальце, огурцы соленые... Ничего лишнего на столе. Все со вкусом, скромно и изящно.

Она, дабы не отстать от мужа в развитии, училась на заочном отделении сценарно-постановочного факультета. И тут же, хрумкая за столом, предложила провести интересное тестирование на определение силы воли по знаку зодиака, года, дня рождения и еще кое-каких параметров. Сидоров предоставил ей свои координаты для вычисления, а с приятелем началась беседа обо всем и ни о чем конкретно.

Надо было непременно закурить. Они вышли в лоджию. Какой замечательный вид на город!

— Господи, как хорошо! Лепота! — воскликнул Сидоров.

— Да, все об этом говорят.

— С вас надо брать повышенный налог за вид. Ты знаешь, всех людей можно подразделить на технарей и занятых искусством. Когда-то, помнишь, я свихнулся на музыке. Меня приглашали в ансамбль. Жена была против: либо я — либо иди на ту сторону баррикады. Семья перетянула.

— Момент потерян, но не вешай носа. Ты ведь и сейчас любишь слушать нормальный музон, и сын по твоим стопам — меломан.

— Да. И мне странно, что для некоторых музыка что есть, что нет — все равно. Другие могут слушать интересные вещи на плохой аппаратуре, где нет низов, где все шипит, громко орет. Я их заранее ненавижу. И тебя. Странно, как так, не любить музыку? Тем более, что ты рисуешь?

— Каждому свое. Просто все люди делятся на сов и жаворонков, на муравьев и стрекоз, на тех, кому медведь на ухо наступил и наоборот, на художников и не-

Поз созвездием "Кедра"

художников, на философов и нефилософов, на пьющих и непьющих, кто любит мяч и безразличных к нему, у кого есть деньги и у кого их никогда не водилось. Можно продолжать до бесконечности.

– Да, в этом есть что-то.

Они прошли через зал на кухню. Пес крутился рядом, пытаясь завязать игру.

– Все готово, – обратилась Марина к Сидорову. – У тебя сильный характер, люди такого типа не меняют взгляды и идут к намеченной цели.

– Недурно, если б еще знать в чем твоя цель, так сказать, предназначение.

Смачный борщ, разлитый по тарелкам, стоял готовый утрамбоваться в желудках. Еще по маленькой.

В комнату вошла дочка. Пришла после занятий в институте.

– Здравствуйте! – поприветствовала всех. Потом обняла и расцеловала мать. Акселератка выше родителей на голову – белая, белая, как Мальвина, и пудель у ног. Сидоров обратился к Мальвине:

– Привет, как там социальная психология, не замучила?

– Еще нет, – улыбнулась девушка.

Дите накормили, и оно быстро упорхнуло.

– Так, ну а как вы относитесь к генотипу по принципу «яблоко от яблони ...»? – начал Сидоров.

– Безусловно, – в один голос заявили хозяева. – Родословная, как и у собак, имеет огромное значение. Особенно, когда это касается отрицательных завоеваний человечества: алкоголизма, наркомании, диабета, рака...

– И потом, маленький человечек, как обезьяна, необдуманно повторяет тебя. С нас делают слепок. И ты уже обречен тиражироваться в будущих поколениях, тем самым продлевать себя. Это хорошо. Но соловья бас-

нями не кормят. Насыпай, Марина. Пускай нам будет хуже. А трезвенники посмотрят, как мы будем хмелеть.

Опрокинули по рюмочке. И все трое пошли курить.

— Вот ты рисуешь, — начал Сидоров, — а кому это надо? Избранным. На выставки ходят мало, и одни и те же.

— Все зависит от интеллекта. Если он на уровне жизни, то стремления к прекрасному не будет. А если он достаточно высок, то это происходит независимо от человека.

— Можете себе представить, с недавних пор я начал писать стихи, рассказы. Никто меня не заставляет, просто появилось желание самовыразиться.

— Вот-вот, — воскликнул художник, — пиши потихоньку, а потом, может быть, издашь.

— А жена не хочет читать и даже смеется. Ее можно понять. Жизнь такая трудная пошла. Главное, я должен достать деньги. А остальное ее просто раздражает.

Затрещал телефон. Хозяйка подошла к аппарату.

— Мой у вас? — властно донеслось с другого конца.

— Да.

— Пускай сейчас же идет домой! — командовала телефонная трубка, словно наши наносили смертельный заключительный удар по рейхстагу. Женская логика проста, как голый зад: пьянки мужиков надоели им.

В уютной обстановке время бешено летит, на глазах тает. Как же короток момент свободы, словно летчик, выполняя элементы высшего пилотажа, входит в штопор и выходит из него — всего какое-то мгновение, но связано с риском, азартное, дух захватывает, поэтому и дорого.

— Марина, ты говорила, что у тебя есть что-то новенькое из Токаревой.

Она положила сверток в пакет. Сидоров поблагодарил хозяев: «Мерси, спасибо за угощение, до свидания. Привозить не надо. Я сам».

Поз созвездием "Кедра"

Он ковылял уже в сумерках и думал: как жаль, что не успел вернуться до прихода жены. Теперь она встретит его традиционно: «Пришел, алкаш, доволен, да, доволен».

И все же ему было хорошо, потому что он понял, как в песне поется: «Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки? Из бумажек, из промокашек...». А он сделан из пляжа, который с нетерпением ждет каждый год, из музыки, жены, кота, книг и этой встречи. И все это сдобрено детским восторгом от увиденной букашки. И этим надо дорожить.

У него внутри произошла огромная работа. Словно камень с души. Он понял, что никто за него не решит его проблем. И теперь он шел на костылях и одновременно летел на крыльях.

А что будет потом – одному Богу известно или Аллаху.

24.04.97 г.

Страница из мемуаров Сидорова

Зима морозная – это, конечно, хорошо. Для здоровья полезно, когда сухой воздух. Щеки щиплет. Снег скрипит. Звезды мерцают. Но зайдешь домой – кайф. Тепло. Кот мяукнет, встречая у двери. Жена на работе. Сын в школе.

Сидоров скинулся с себя холодные одежки и окунул свое тело в уютную обстановку квартиры. Включил ящик. Разговор шел о сексуальном воспитании молодежи, о потенции мужчин и женщин. Сидоров подумал: «Все всё знают, только толку мало. И потом каждый доказывает свою правду, льет воду на свою мельницу. Поэтому часто случается: что сегодня принято считать полезным, завтра оказывается вредным, и наоборот».

Интересно устроен человек. Чего нет – того и хочет-ся. Осеню весны. Зимой лета. Выпивки нет – водки.

Навалом ее – не тянет. Вспомнил прошлое лето. Летом хорошо: цветы, ягоды, овощи, фрукты, тепло. Не надо напяливать на себя сто одежд: тело отдыхает, свободы требует. А еще летом хорошо, потому что, как правило, это сезон отпусков.

- Мне за хорошую работу дали путевку в Сочи.
- Что? Ты один поедешь?
- Но ведь у тебя отпуск зимой.
- Ну, езжай, езжай. Только знай, что я тоже одна поеду.

Отбытие было омрачено. Прошло, мягко выражаясь, со скрипом.

Но юг есть юг. Какая красотища! Горы, покрытые снегом, где рождаются облака. Вечнозеленая растительность, буйство красок и, самое главное, – Черное море!

Народ отдыхает, беспечно предаваясь предлагаемым с избытком развлечениям: дискотеки, прогулки на теплоходе, волейбол, теннис, путешествия, бокс, ресторан… И, конечно, море, пляж. В таком раю любой позабудет о неприятностях. И Сидоров не исключение.

Прогуливаясь вечером по набережной, Сидоровшел в кафе, которое располагалось на волнорезах и уходило далеко в море. Сидоров заказал кофе и мороженое. Народа почти не было. И ничто не мешало любоваться фантастической красотой заката. Тем более, что громко звучала магическая величественная музыка – Пинк Флойд.

Багровый диск солнца постепенно скрывался за горизонтом фиолетово-лазурного моря. Это планетарное событие всколыхнуло Сидорова, с ним что-то случилось. Он окончательно забыл клятву о семейной верности, которую принял на церемонии бракосочетания в загсе, чувствовал себя свободным...

После завтрака в пансионате ноги Сидорова не спе-

Поэзия созвездием "Кедра"

ша шлепали на местный рынок, богатый всем, что душе угодно. Он набирал в полиэтиленовый мешок белой и красной черешни, мыл под краном и – на пляж. Больше всего Сидоров проводил время на пляже, играя в волейбол. Пластичные, красивые (некрасивые на пляж редко ходят, стыдятся, наверно), стройные, загорелые тела. Мяч. Динамика движений. Палящее солнце. Синева небес и моря, длинный песчаный берег создавали огромное пространство, ничем не замкнутое. Свобода. Райский уголок.

Отдыхающие азартно играли, старались изо всех сил и организовывались в маленькие коллективы, знакомясь между собой, чужаков уже не брали.

На Сидорова положила глаз одна волейболистка (здорово играла, душа компании), слегка полноватая женщина, умница, очень эрудированная, из Минска. Но ему нравилась красавица из соседнего корпуса, за которой не он один приударил было. Но все его ухаживания – как об стенку горох – ни шампанское, ни приглашения на танцы не давали результата. Он мог бы познакомиться с другими особами женского пола. Но его принцип: иметь, так королеву, не давал ему возможности размениваться по мелочам. Долготерпение было вознаграждено.

На пляже Сидоров заметил девушку. Дюймовочка – до того идеально была сотворена. Личико – прелесть. И тело. Кошмар просто, до того все красиво: лицо, волосы, кожа. Сидоров подумал: «Балерина, может быть. К этой бесполезно подбивать клинья». Но на всякий случай, пробегая за мячом, предложил: «Девушка, а вы почему не играете?»

Вечером они встретились в кафе на втором этаже с видом на море. Закат солнца, вино, музыка. Сидоров любовно и нежно созерцал ее: «Мимо такой красоты невозможно пройти». Она ему в ответ: «Я заметила вас уже три дня назад». Их несло все ближе и ближе. Они были

словно под гипнозом, искренне, без утайки. О сексе не было и речи, но он исподволь подразумевался, как что-то совершенно естественное как завтрак, как зубы почистить.

Они бродили по набережной. Сидоров закурил и хотел бросить спичку в море, но она перехватила его руку: «Что ты, ведь оно живое. Не надо мусорить». Это так понравилось и подкупило его. Дюймовочка учит и правильно. Поделом ему.

Выяснилось, что она прекрасно играет на фортепиано, ходила в балетную студию. Муж, молодой партийный функционер, бывший спортсмен. Детей нет. Она при муже в администрации работает секретарем. Благодаря ударному труду матери в Хохляндии на приусадебном участке ей в качестве приданого достался аккуратнейший домик (с жильем нет проблем).

Они расстались затемно в долгом поцелуе. Дюймовочка объяснила, что хозяйка, где она снимает комнату, пускает до одиннадцати: «Не расстраивайся, завтра встретимся на пляже». Сидоров проводил ее до дома. Увидел ее силуэт в окне. Постоял немного, переварив произошедшее, сам себе не веря.

На следующий день он набрал на рынке кроме, как всегда полагающейся черешни, абрикосов, яблок, слив и арбуз.

Все шло размеренным ходом. Пекло солнце. Море ласково лизало берег легкими барабашками волн. Отдыхающие коптились. Волейболисты показывали свое мастерство в укрощении мяча. Сидоров в этот день особенно старался, был в ударе.

Дюймовочка знала, где они играют, и побросала свои нехитрые пожитки рядом, небрежно так. Как будто делала это уже давно. Они поприветствовали друг друга ласковыми касаниями, похлопываниями. Счастливые, радостные такие. Побежали в море. Они смеялись. Она

Поз созвездием "Кедра"

визжала вся в брызгах. На юге всегда так, если ругаются, значит, муж с женой, если радуются – любовники.

День пролетел, как мгновение. Вечером Сидоров пригласил Дюймовочку к себе в гости, в пансионат, заранее договорившись с соседом по комнате, чтобы тот уехал в поход дня на три-четыре. Сидоров подготовился (это он умел) к маленькому банкету. Шампанское, сухое вино, фрукты, свеча, музыка, цветы... Он с волнением ждал ее у входа в пансионат перед аркой. В вечернем платье из шифона она была прекрасна и легка. На территорию заехала «скорая помощь». «Наверно, кому-то плохо! – вырвалось у нее. – Неприятно. Мне всегда становится не по себе, когда вижу скорую. Ты радуешься, а кому-то нужна помощь». Сидоров оценил этот жест, как еще один важный плюсик.

На следующий день Сидоров словно заново родился. Он радовался всему: и яркой зелени листвы, и синему небу с легкими облаками, и солнцу, и всем прохожим. Ему казалось, что воробы не чирикают, а заливаются соловьями. Все было необычно, красиво, торжественно. Веяло жизнерадостной музыкой. Клочок веселья в серой повседневности.

Но всему приходит конец. И хорошо, что этих счастливых моментов в жизни не так уж много. Как золотые крупицы останутся они в памяти Сидорова. Он вздохнул, с удовольствием перелистывая в уме странички из мемуаров, посвященных амурным подвигам...

Зима – тоже здорово! Мух нет, комаров. Чистота. Опрятность и строгость. Все украшено в белый цвет. Новый год. Дед Мороз. Сидоров задремал на диване. А по телеку шла реклама, в которой убедительно просили тщательно выбирать половых партнеров и обязательно использовать предохранительные средства – мы за безопасный секс!

13.07.2000 г.

Поезд домой

Поезд уносил людей в другое пространство. От одних проблем к новым. Тук-тук, тук-тук – звучит монотонная долгая песня колес. Время в дороге создано для уничтожения, пропадает зазря. И проводники, и пассажиры хотят, чтобы они быстрее доехали. За окном тайга, сосны в белых шапках зимы. Тучка зацепилась за вагон и ни за что не хочет отстать.

Легкие, обыкновенные хлопоты: разобрались с местами, расстелили постели, выложили провиант – и вагон приобрел нормальный дорожный вид.

Соседки совсем не худые, как мячики, болтали без умолку. И постоянно проскачивала тема о еде, с таким упоением, словно молитва.

– У меня мясо есть. Я ему пельмешков настярпала, фарш готовый, манты...

И все такое прочее. Заколебали. Если бы можно было, я бы их шуганул с пребольшим удовольствием: «А ну-ка, малыши, сдернули отсюда быстренько». Но они были крупногабаритные.

Официант маячит взад-вперед с тележкой: «Пиво свежее, мороженное, бананы». У него никто ничего не брал. Можно было подумать, что он шпион и, наверное, связник, передает кому-нибудь секретную информацию. Рядом банда женщин. Какие-то южане, осетинки или чеченки. Постоянно лузгали семечки. Меня это так не рвирует. Дома хоть на голове ходи, но здесь-то можно потерпеть. В купе в этом смысле огромное преимущество перед плацкартой. Там кроме тебя только три человека, и вероятность, что они лузгают семечки уже меньше.

В основном все лежат и молчат в трубочку. И это хорошо, потому что если некоторые, прямо скажем, внешне красивые женщины вдруг начинают открывать рот, то уши сразу вянут. Здесь едет такая. Она молчит и

Поэзия созвездием "Кедра"

только иногда покашливает. Тем самым не портит впечатление.

Закрываешь глаза и спиши-не спиши, а просто путешествуешь в мыслях. Главное – время убить. Ведь завалились в вагон в десять утра. И, как обычно, поели немного, почитали и спать. Потом встали – опять то же самое. А время плохо уходит, особенно когда ждешь – аксиома. Как будто в стеклянную колбу кто-то нарочно подсыпает и подсыпает песок, и ты ждешь, а он радуется и хихикает: «Ну, жди, жди...».

Занимался я раньше правдоискательством. С трепетом и волнением ждал профсоюзные собрания и другие общественные мероприятия. Наивно полагал, что правда, честность и добро должны восторжествовать. Вовсе не предполагал, что все это, как вся жизнь – игра. Где каждый исполняет свою роль и не думает о нравственных принципах. Я был белой вороной. Говорят, бабы – дуры, а мне жена недавно все это растолковала. Что, мол, удивляться, что люди тащат, воруют, пытаются получить квартиру любыми праведными и незаконными путями. Человек хочет жить сейчас. Дай мне, дай. О какой совести может идти речь. Каждый вырывает столько, сколько может. А про меня говорили, что ненормальный, шизанутый, правдоискатель хренов. Получается, прими жизнь за игру, и проблемы отпадут. Не придется удивляться, и не будет вопросов и сложностей.

Соседи справа были вахтовики. Один из них «раскрутился» – стал щедрым. Другие по очереди ходили на остановках за пузырем, делая вид, что не желают пить, а лишь ради уважения: не в службу – в дружбу. Компания сначала весело и шумно беседовала. Потом началось какое-то хвастовство – я все могу, я все умею, у меня куча денег, всех задавлю, а ты знаешь кривого... «Бряцанье оружием», демонстрация силы, мат-перемат. Лузганье семечек, тупорылая болтовня о нуждах же-

лудка воспринимаются как детский лепет, шалостью по сравнению с пьяными мужиками – там ситуация не-предсказуема.

Христианские заветы: возлюби ближнего, прощай. Странная вещь, заморочка получается. А может быть, мне с ним и целоваться, кого ненавидишь, улыбаться, поддакивать, кивать головой или молчать. Но это все равно, что меня нет.

Поезд мчит себе. Как качели, вагон болтает. Дорога старая. Ее катают, катают. Надо бы новую проложить. А денег, как известно, нет.

Как хорошо было в детстве играть в песке. И хоть каждый день одно и то же, но так интересно. Строишь дороги, гаражи, дома, возишь грузы. Рычишь, краснешь, как мотор у машины. Ж-ж-ж, би-би-бии. Серьезно. И так целый день. Причем с таким увлечением, что обедать некогда. А на катке раньше как весело было! Ё – моё! Музыка, самые модные песни, громко. Прожектора ярко светят. Народу – яблоку негде упасть. Придешь домой разрумяненный, аппетит зверский.

Спонсор выпивох по синусоиде пошел в носках в туалет и, не раскрыв секрета проникновения в него, помочился прямо в проходе. Мокрые следы его преступления привели стражей порядка. И спонсора высадили на ближайшей станции. После чего остальных уже не было слышно. Воцарилась тишина.

Вспомнилась трасса. Как-то ехали на трубовозе под Новый год ночью по тайге вдоль газопровода. Издалека слышно сильное шипение и туман. Где-то травили краны. Ехать вперед – опасно. Назад – дороги нет. В объезд, а Новый год очень хочется встретить в кругу семьи. Не перекрестились, но что-то вроде этого. Собрались с духом, открыли двери, чтоб, если что, выпрыгнуть быстрее, и вперед. Проскочили на полной скорости чертов кран. Протрясло метров сто. Потом, перекурив, переве-

Поз созвездием "Кедра"

дя дух, ведь от искры газ мог бы воспламениться, взорваться, счастливые в предвкушении шампанского и шумного застолья погнали дальше.

Подумаешь иногда – все несчастные, купаются в трудностях быта, толкаются, борются, карабкаются и умирают. А с другой стороны, если с высока посмотреть. Допустим, Бог в микроскоп глазком заглянул. Интересно все-таки, такие махонькие, как микробы. Двигаются, кусаются, пожирают друг друга. И все постоянно шевелится. Вот философия: с одной стороны – грустно, а с другой – все в непрерывном движении. Это и есть жизнь.

Поезд пересекает седой Урал. Здесь такая красотища! Горы, озера, речки, леса. Отдыхай в созерцании. Тебя манит туда, на лоно природы. А будешь там один, не с кем поделиться, посплетничать. И начнешь завидовать тем, кто в поезде едет, может, на юг отдохнуть, счастливчики! Человек так уж устроен, вот противное существо, чего нет, того и хочется. Раньше на этих станциях так уютно и многолюдно было. Неплохо жили. Теперь народ высыпает лишь бы подзаработать на жизнь. Продают хлеб, кефир и все, что придется. В таких воистину райских местах так веет нищетой, как плесенью.

Что дается вокруг, что дается... мрак просто. Хорошо, хоть Чечню прикрыли, сыну не воевать.

Вот наконец-то давно знакомые мне картинки пошли. Подъезжаю. Скоро Новый год. А там смотришь, светило снег задумало топить. Потом цветы, мухи, река, волейбол, велосипед... и меня опять зовут в эту бесконечную толчею. Все движется, все стремится выжить. У каждого свои дела, свои заботы.

9 мая 1997 г.

Единство и борьба противоречий

После долгих поисков, мытарств (почти год прошел) нашел Сидоров как-то работу по ремонту нефтепрово-

дов. А как тяжело быть безработным. Веревка так и маячит перед глазами, словно естественный выход из создавшейся затруднительной ситуации, особенно, когда никого рядом нет. Как кормить семью? Ведь ты же мужик.

Нефтепроводы изрядно износились и стали часто бухаться. То там прорыв, то здесь. Нефти льется... Экологические катастрофы.

Решили нефтепроводы немного подлатать. Стали ставить заплаты на местах, не внушающих доверия (хомуты). Работали вахтовым методом: две недели на трассе, две – дома. Устроились на квартире в старом деревянном двухэтажном доме. Квартира, как огромный мусорный ящик, состояла из трех комнат, кухни, ванной, туалета и была приспособлена под гостиницу. Ютилось там восемь–десять человек. А тараканов – полчища. Но это считалось за роскошь. Еще бы: в сортир не надо было бежать в мороз на улицу. Плюс душ, пускай хоть со старой, ставшей оранжевой от ржавчины, ванной.

Сидоров просыпался среди ночи иногда от храпа соседа. Здоровенный хохол-бугай. Преинтереснейший тип. Но об этом в следующий раз. Иногда эта гора вставала среди ночи и беспардонно включала свет со словами: «Сидоров, что здесь клопы, что ли? Все чешется, а пятен кровавых нет». А так как Сидоров был в три раза меньше хохла, то поэтому бельевых вшей, как выяснилось позже, на нем было в три раза меньше. Да и худее он был. Поэтому вши предпочли упитанного гораздо больше среднего хохла, который чесался аж до крови.

Сидоров вспомнил: как хорошо проснуться среди ночи дома. Пухловая жена с беспечно распластанными ручками (которые днем как у всех баб становятся агрессивными, жесткими и загребущими – дай, дай), губами, из которых вечно доносится: «Уф-ф, жарко, невозмож но жарко» или «Отстань, не хочу». Красавец, чистюля,

Поз созвездием "Кедра"

ужаснейший лентяй, любимец и баловень всей семьи кот Симон тут же под боком спит. Ох, и доставалось ему иногда, когда не там находил туалет, драл, точа когти, кресла и диван.

Утром, как комар тихо, но противно (придумают – же, удивлялся Сидоров) загудит будильник. Подъем. Надо шилом в ванну и везде, а то потом придется ждать. Сидоров быстро бежит в ванную. Включает свет. А там тараканов... Они разбегаются с характерным шорохом. Кран не закрывается плотно, и вода капает всю ночь. Ночь не спать, и потом эти твари. «Господи, в пятьдесят лет. Это я заслужил. Покоритель Севера, трассовик, построивший столько газопроводов за двадцать с лишним лет, которые помогли обогатиться Вяхиревым, Березовским, Черномырдиным, Чубайсам и еще куче всяких разных». Он матерился в душе, плевался, но поезд ушел. И теперь это не его дело.

«Ты сознаешь, что ничего не можешь изменить и плевать с высокой башни, а настроение подпорчено», – промчалось в голове Сидорова. И так каждое утро.

А народ здесь... Не суй палец в рот – по локоть откусят. Со всех сторон. С севера, с юга, из Ленинграда, из Перми, из Хохляндии и Белоруссии, из Оренбурга и Свердловска. Все всё умеют, ершистые. Так и жди подвоя, подкалывают постоянно. Это хлебом не корми. Но ведь не режут, не убивают. Работать тяжело в таких условиях, но можно. «Вот тебе пожалуйста, единство и борьба противоречий, – подумал Сидоров. – Все разные, конкуренция, а заняты общим делом. И все шевелится, механизм работает».

Над нефтеперекачкой, куда работяг возил служебный автобус, реял флаг с символами «Т» и «Н» (транспортировка нефти), определяющими государство в государстве. Вот в этом голубовато-белом полотне и зарыта собака, узел противоречий.

Иногда, особенно в ясный, солнечный день, бывает хорошее настроение, хочется двигаться, петь. Сидоров мурлыкал что-то себе под нос. Но немедленно, выстрелом из-за угла, словно пинок, как холодный душ: «Что распелся, соловей. Ты один что ли здесь? Иди вон в лес, ори себе там на здоровье».

Лес – это покой, умиротворение. Но это только кажется. На самом деле там, как и везде борьба. Идет естественный отбор. Побеждает сильнейший. Опять противоречие.

Пока начальник (мастер) оформляет разрешение на ведение огневых сварочных работ в кабинете, можно было прогуляться, размять ноги или досыпать в салоне автобуса. Сидоров любил смотреть в синеву неба. Слушать пение птиц. Лепота. Весна. Земля переодевается, постепенно скидывая зимнюю снежную шубу, примеряя сарафан разноцветья: зелень трав, благоуханье цветов, щебетанье птиц. Все оживает. По неукоснительному закону природы – пора пришла влюбляться.

Сидорову нравились женщины с полными ногами. Противоположность современным веяниям моды. Ноги чтоб полные, а сама стройная. Но не такие, как сейчас в журналах – плоскодонки без грудей. А типа актрисы, исполнившей главную роль в фильме «Кавказская пленница», шедевре советского кинематографа. Можно даже покрупнее. Как у них в школе была училка из параллельного класса. Он сек за ней с восхищением, особенно, когда она поднималась по лестнице. Сначала он не догадывался, почему это так. Но сейчас нашел этому ответ...

А влюбился он в пластичную, стройную, длинноволосую и почему-то выше себя ростом девятиклашку, которую, невероятно, но до сих пор не может забыть. Потому что не целовал, наверно. О постели и речи не могло быть. Опять противоречия. Живет с одной, а любит другую.

Поэзия созвездием "Кедра"

Иногда, когда наедине с собою: в лесу, в поезде, на трассе в вагончике – кажется, пришла гениальная мысль. Сидорова осенило. Ура! Все просто. Я нашел вектор жизни! Движение к радости – вот смысл. Дети отчего искренне смеются, потому что не обременены тяготами быта, ложью. Но жена говорит: «Дурачок, глупые они, мало чего знают. Им покажи палец, они и будут ржать». И потом увидишь роскошную машину, из которой выпорхнет и перешагнет через тебя ногами, растущими от ушей, молодая козочка, стремящаяся в супермаркет. Через мгновение она вернется с горой свертков и пакетов, продуктов, которые доступны твоему глазу только через стекло витрин.

Копиши все, копиши, собираешь по чуть-чуть, хочешь купить, но не по карману. И твоя, вроде бы, непоколебимая и верная позиция дает трещину. Как выясняется, не такая уж она неуязвимая.

А вверху на флагштоке реял этот стяг, как знамя крестоносцев. Всем известно, что нефть почти вся уходит за границу. Сырье, а не продукт. Значит, дядя Сэм вместе со своими кентами-капиталистами всех мастей и всех стран будут жить еще вольготнее. Миллионеры будут покупать и обустраивать новые острова в райских уголках мира. Безработным поднимут пособия, наркоманам бесплатные наркотики, помошь фермерам, голодящим, свободу голубым... (Нате, нате – только не орите).

А сколько нефти, газа продали там наверху те, кто у счетчика сидят, никому не говорят. Раньше, в эпоху застоя, за счет этой трубы все кормились.

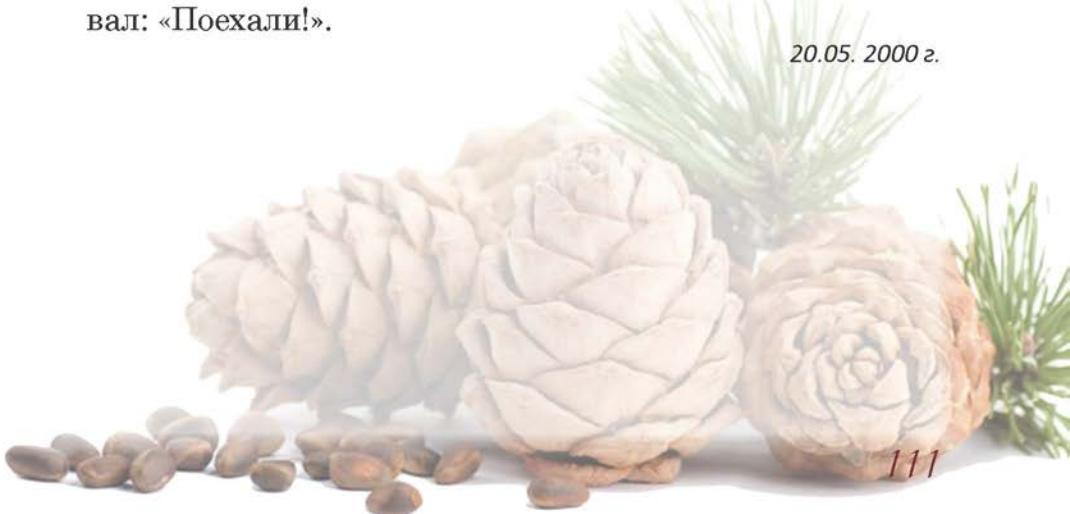
А теперь «Газпром», «Транснефть» – государства в государстве. Все секретно. И получается: миллионер имеет новый остров, наши шишкари новых русских – участки на этих островах, их помощники – замки. Еще ниже – дачи под Москвой, дальше – шикарные дома в

крупных городах и новых российских эмиратах: Ханты-Мансийск, Югорск, Урай. Механизм распределения прост: кто ближе к счетчику, тот больше и имеет. Местные работяги, кто был под флагом новых крестоносцев, получают в два раза больше Сидоровых, хотя вовсе не потеют. Операторы, механики, слесаря, электрики. Охранники, которых развелось в последнее время – е-к-л-м-н... Все важные такие. Ну еще бы, они же при деле. И в то же время Сидоровы получают раз в пять больше, чем профессор в Академии наук. Вот и получается: с одной стороны – плохо, что богатства страны исчезают за границей, а с другой – ему-то, Сидорову, достается гораздо больше. Чем остальным. (Про тех, кто не получает зарплату годами, и не говорится).

И вообще, вся жизнь устроена из противоречий. И трудно, невозможно разорвать этот клубок. Ведь не им и тобой придумано. И это постоянно в нем с ним. Это он сам, каков есть.

Такие мысли – вместе с весенними запахами, музыкой таяния снегов, с облезающей драными грязными клочьями шерсти собакой, пригревшейся на солнце, первыми сонными мухами – витали в голове Сидорова. Пока не «грянул залп «Авроры» – мастер наконец-то подписал разрешение, оббежав почти все местное начальство: пожарного, ПТО, диспетчера..., и скомандовал: «Поехали!».

20.05. 2000 г.

*Юрий
ГРИГОРЬЕВ*

Штиль

Синяя бескрайняя равнина.
Не понять: где небо, где земля.
Лишь едва колышется невинно
Гладь воды у борта корабля.

Паруса, свою теряя форму,
Лёгкий бриз пытаются поймать.
Штиль на море часто хуже шторма,
Непривычно как-то дрейфовать.

Надежда

Милая, любимая, родная...
Лучшая из всех, кого я знал!
От любви по-прежнему страдая,
Чувствуем, что близится финал.

Между нами пропасть. Ну и что же?
Вдоль неё бредём не первый год.
Впереди у нас одно и то же,
Позади – сам чёрт не разберёт.

Тихая малая Родина

Оттого так грустно и печально,
Что совсем не видно перспектив.
Прошлое скрыто изначально,
В настоящем счастье – чистый миф.

Но и всё же, мы сумеем, всё же
Грусть-печаль свою преодолеть.
Знай, что для меня ты всех дороже!
Кто бы стал меня ещё терпеть?

Лето

Знаю я, не вернётся всё это.
Только хочется верить, что – да!
Будет снова такое же лето,
И такие же дни, как тогда.

Будут вновь распускаться тюльпаны,
Лепестки раскрывая свои,
И опять буду я полупьяный
Под чарующим взглядом твоим.

Как и раньше, с тобой будем снова
Целоваться всю ночь напролёт.
И от каждого нежного слова
Сердце трепетом прежним зальёт.

А когда станут нам на рассвете
Свои трели дарить соловьи –
Навсегда позабудемся в лете,
Упоённые песней любви!

Знаю я: не вернётся всё это.
Только хочется верить, что – да!
Будет снова такое же лето:
И такие же дни, как тогда.

Деревня

Деревня – это мир природы,
Где шепчется листва в садах,
Где речка, поле, огороды
И щебетанье птиц в кустах.

Где запах трав, цветов дыханье
Сплелись в душистый аромат,
И в бликах солнца воссияя,
Над лугом сказочным парят.

Что после города большого
Быть может лучше этих трав?
Деревья – это мир природы,
Там счастье теплится в сердцах.

Вечер

Небо звёздное, луна,
Лёгкая прохлада.
Ты сейчас стоишь одна
У калитки сада.
И никто не позовёт
В этот звёздный вечер.
Зря стоишь ты у ворот,
Ожидая встречи.
Где-то в тишине ночной
Слышен звон гитары.
То гуляют под луной
Молодые пары.
А еще вчера и ты
С ними расцветала.
Только вот от красоты
Толку, видно, мало.

Виновата в том сама:
Много потешалась.
Всех парней свела с ума
И одна осталась.

Предкам

Эх вы, предки, дорогие предки,
Пролетит ещё десяток лет,
И тогда соседи и соседки
Удивятся, что ваш сын – поэт.

Посудачат в меру, без интриги,
Что не зря окончил институт;
И за то, что напечатал книги,
Величать по отчеству начнут.

Скажут: «Хоть уехал он из дома,
Слава Богу, всё же вышел толк!»
До чего знакома та истома,
От которой выть готов, как волк.

Потому решил, как будут деньги,
Храм поставить посреди села.
Нет родней и ближе деревеньки,
Где меня мамуля родила.

*Олеся
ЛЮБУШКИНА*

Золотыми монетами осень
Мне под ноги бросает листву.
В рыжих кудрях тропинкою проседь
Соответствует торжеству.

Влажным ветром янтарное утро
Дарит лесу цыганский наряд.
Про свое что-то шепчут осины,
Гордо ели солидные в ряд

Припарастились, пусть и недолго
Карнавал разноцветий идет,
Пока леший с унылою песней
К зимней спячке свой дом приберет.

А пока от тревог и сомнений
Есть спасение в этом лесу.
Золотыми монетами осень
Мне под ноги роняет листву...

Вечерами не спешу идти с работы я,
И домой идти неохота мне.

Тихая малая Родина

Не встречает меня дом окнами светлыми,
Он, как я – стоит с набухшими веками,

Не звенит здесь больше смех колокольчиком,
Ведь уехала моя доченька

Вроде, с радостью да за пользою,
Почему же так это больно мне...

И тоска течет рекой тягучею.
Сама мучаюсь. Других мучаю...

Мне казалось, я смогу, а тут – на тебе,
Как справляются другие матери?

Мне казалось все, что я сильная,
Но реву, словно корова с полным выменем,

С полным выменем заботы нерастраченной,
Не справляюсь я с такою задачею.

А в шкафу лежат твои мaeчки,
Почему мы не всегда рядом с мамочкой...

И скучает по тебе папка названный –
Без тебя такие дни однообразные.

В твоей комнате пустой за столом сидит
Что-то думает. По-мужски грустит.

Вся любовь хранит тебя защитой прочною
Мы скучаем по тебе, наша доченька!

Хватит быть далеко! Слышишь?
Как живется там?
Легко ли дышишь?

Поз созвездием "Кедра"

Память не тонет ни в коньяке, ни в виски.
Я проверяла –
Я там искала смысл.

Ты ставишь точку. Я – твой стабильный прочерк.
Долгий взгляд...
И опять многоточье.

Уходи с моих строк. Ты и свят, и порочен.
Я приду... я приду!
И возьму от тебя кусочек.

Украду, унесу быстрым шагом...
Будешь ты далеко.
И всегда рядом.

Так хочется тебя увековечить
Не в мраморе, не в бронзе, не во льдах,
С сердечным стуком теплым человечьим,
С той чертовщинкой в голубых глазах.

Чтоб можно было этим любоваться
В потоке лет, событий и имен,
Чтоб не забыть, КАК может улыбаться
Тот, в чью улыбку сам Нарцисс влюблен.

Чтоб снова до озоба, до мурашек
Тот жест ладонью или скул игра.
Волной горячей до коленных чашек
Твой смех... и чуб, взъерошенный с утра.

Ты был моим, пусть был со мной не венчан...
Несовершенен мир простых людей.
Но я смогла тебя увековечить.
В новорожденной дочери моей.

Моя родина – Югра

Вот край, где кедры звенят благородные,
Когда хулиганят шальные ветра,
Я здесь родилась, здесь – моя родина
Под гордым и статным названьем – Югра.

И клюквою осень здесь бусы рассыпала,
Укрыла тайгу своим пестрым плащом.
Потом растерялась и хныкала-хныкала
Унылым и серым, промозглым дождем.

Здесь даже рябина горчит по-особому,
И дышится легче, и в полную грудь.
Мороз здесь хрустящий и невесомый,
Что щиплет в носу, и охота чихнуть.

Весна просыпается с криком вороным,
Обманчива, а на веснушки щедра,
И воздух пропитан ручьями и счастьем,
Когда после сна оживает Югра

Родная моя, Югра многоликая,
С мансийским прищуром, с тягучей смолой,
С березовым соком, с моченой брусникою,
Мы неделимые стали с тобой.

*Павел
ПАВЛЕНКО*

Пластилин

И каких только наборов пластилина сейчас нет: яркие, застывающие, мягкие, твердые... Бери и занимайся сколько хочешь. Это раньше все пачки были стандартными.

А ещё в детстве все знали, что самый лучший подарок для меня – новая пачка пластилина. Старый не заляживался, но был постоянно в деле и становился одинакового серого цвета. Вряд ли меня кто-то специально учил. Разве что были какие-то занятия в детском саду. Помню, что тогда хлеб был сырватым, и пока я ожидал свою порцию за столом – успевал сделать из мякиша пару-тройку фигур. Взрослым подобное отношение к еде, конечно, не очень нравилось, но я обязательно всё показательно съедал. Почти как Ленин, делавший из хлеба чернильницы для молока.

Пластилин всё же был удобнее и пластичнее. Всё, чего мне не хватало тогда, я вылепливал сам. Это были собаки, кошки, динозавры, индейцы, солдатики и танки... Жаль, что пластилиновыми фигурками было не поиграть в песке, поэтому все баталии приходилось разыгрывать в каком-нибудь углу дома и каждый день прибирать, чтобы ненароком их кто-нибудь не растоптал.

Я был рад, когда ко мне заходил Вадик. Он жил в конце улицы, ходил в ту же группу в садике. Я старался подкараулить, когда его мимо нас вела домой мама. Обычно она разрешала ему сразу пойти ко мне полепить или вместе побегать на улице. А уж если мы договаривались в какой-то день провести битву, то вместе же сидели и сооружали наши «армии». Иногда он приносил свои заготовки в коробке, и тогда мы начинали расстановку войск.

Дело было так. В какой-то момент мы по очереди отворачивались и прятали снайперов. Спрятать стрелка старались в такое место, чтобы не сразу был заметен. Он был нужен в тот момент, когда основные силы уже были повержены, но ещё сопротивлялись. Однажды, когда я отвернулся, Вадик вскрикнул и не на шутку меня напугал. Оказалось, он попытался прилепить своего солдатика на сломанный выключатель, и его ударило током. Но всё обошлось.

Правила мы, по ходу действия, придумывали сами. Хотя все наши пластилиновые битвы проходили по схожим сценариям – мы делали по очереди выстрелы и атаки. Сами попадания фиксировали пластиковым ножом из пластилинового набора – это был один размашистый тычок в скопление врага. Каждый норовил одиночный выстрел превратить в «осколочный», чтобы задеть и других солдат. При этом часто возникали споры – можно ли с таким попаданием ещё продолжать фигуре боевые действия? Это потеря или ранение? Вадик был мастером спорить. Ну и я старался ему не сильно уступать.

Примерно через час почти все солдатики и техника превращались в пластилиновую мешанину, но бой шел до последнего. Тут-то и требовались снайперы и специальные отряды, вычислить которые можно было бы только по направлению летящего выстрела. А уж если найти последних солдат было совсем невозможно – за-

Поз созвездием "Кедра"

ключалась мировая. Хотя всегда четко велся подсчет потерь. И вдогонку обязательно кем-то добавлялось: «А ведь у меня-то в этот раз в живых осталось больше...».

Вскоре мы переехали в новый, более просторный дом. Мои новые соседи тоже иногда соглашались провести битву-другую пластилиновых армий. И так как правила для них, как старший, задавал я – обычно их же каждый раз побеждал. Это было уже не так весело, как когда-то с Вадиком.

Чуть позже я пытаюсь заменять лепку из пластилина глиной. На первых порах всё казалось простым. Но уже готовое изделие трескалось и разваливалось. Видимо, глина требовала какой-то особой подготовки и соблюдения технологии просушивания. Никаких пособий, статей из Интернета или соответствующего учителя рядом не было, и я постепенно стал забывать свой прежде любимый навык.

Прошло много лет. Стали подрастать и мои дети. Среди прочего я подарил им пачку пластилина. И у дочери, что называется, пошло. Так как она не ведет пластилиновые войны – фигурки различных принцесс, животных, мультишных героев надолго сохраняют яркие цвета. Наверное, только мне под силу в полной мере оценить вылепленные ею мельчайшие детали.

А недавно, занимаясь историей своего рода, мы выяснили, что особенно славилось гончарами село Синий Колодец Брянской области, откуда родом были мои предки по мужской линии. Может быть, это и есть – родовая память?

Мечтая о море

Наверное, про всех жителей Тюменского Севера и по сей день бытует мнение, что у них денег «куры не клюют». Но здесь живут самые разные люди. Те, кто приезжал сюда заработать – обычно добивались своего

и уезжали. Уезжали хотя бы на лето – на теплые моря. И мы летом уезжали южнее, но дорога вела сперва до одной, а потом до другой бабушки. У них в деревнях были реки. Но это было не море. Ещё тоскливее было, когда на улице уже стояла жара, а мы вообще никуда не ехали.

Лет в 12 я уже ловко колесил по отдельным улицам поселка и знал места, где можно было бы искупаться. Исследованию подвергались все, даже, казалось бы, мелкие рыхвины, многочисленные карьерчики и всё, хоть немного заполненное водой. Бездол тем, у кого во дворе была бочка или ванна. Ради забавы можно было поплюхаться и в них.

Первым и самым удобным был «пляж» на реке Ейтъя. Это под горкой рядом с нынешней лыжной базой. Этот «пляж» когда-то пытались благоустроить для детей. В середине восьмидесятых экскаватором вырыли «лягушатник». Помню, как однажды мы ходили всей начальной школой на это место. Нам устроили нечто вроде организованного купания. Но выкопанный бассейн сразу был мелким. А ещё, несмотря на сделанный рукав до реки, вода в нем не циркулировала. Вскоре этот лягушатник «зацвел» и через несколько лет совсем затянулся песком...

Во время любого таежного купания на берегу обязательно кто-то поддерживал костер. Но река никогда не была теплой. Все мои товарищи не выдерживали более пятнадцати минут и обязательно грелись. Я выдерживал и ценил каждую минуту в воде. При этом надо было зорко следить, чтобы у твоего велика кто-нибудь не прихватил катапот или нипель – почему-то они особенно ценились в нашей мальчишеской среде.

Помню, как я решил лихо скатиться с самой большой горы напрямик к пляжу. Там и сейчас довольно круто. На меня смотрели снизу купавшиеся. Зачем-то на середине спуска я решил немного притормозить. Дальше всё

Поз созвездием "Кедра"

было как в замедленном кино – я летел вперед, а затем на меня прилетел и великий. После этого полета на переднем колесе стала заметна «восьмерка», и на коленях добавилось несколько ссадин.

Насколько мне запомнилось – если на улице была жара, то это ещё не значило, что и купание будет комфортным. До обеда светило солнце, которое почти сразу согревало вышедшего на берег. Во второй половине дня почти всегда были облака – наверное, влага поднималась с болот и закрывала лучи.

Несколько раз за все мои детские годы кто-то из знакомых брал нас с братом на озеро Окунево. Таких случаев было меньше, чем пальцев на руке. Дорожные плиты были выложены только в одну сторону – чтобы груженые лесовозы могли спокойно ехать. Поэтому легковая машина или мотоцикл собирали на грунтовке все ямки. Может быть, из-за плохой дороги и не очень любили взрослые возить своих детей на озера. Кому-то просто не на чем было.

Иногда пацаны осмеливались стоять на выезде из поселка, чтобы проезжавшие пустые лесовозы подбросили их до Окунево. В любом случае, такая поездка автостопом могла затянуться на неопределенно долгое время, и родители подобные поездки не одобряли. Но водители-лесовозники относились к детям благосклонно и понимающе.

Отношение самих отдыхающих к тем немногим пляжам, которые хоть чем-то напоминали их в наших таежных местах, было разным. Так, долгие годы я опасался ехать и заходить в то же озеро Окунево. Дело в том, что на моих глазах на мелководье брат серьезно порезал осколком битой бутылки ногу. Явно, это стекло туда бросили не дети из летнего лагеря – ведь это было место их постоянного купания. Дорогу до второго – Большого Окунево отсыпали позже, в девяностые. А тогда – один

раз меня довели по каким-то тонущим доскам до большого, но почти дикого озера, где мох обрывался в воду. Почти всегда где-то рядом была веселая компания, которая мало задумывалась о чистоте природы и собственной безопасности.

Однажды отец отвез нас с братом «на карьеры». Его, конечно, больше интересовал урожай то ли грибов, то ли черники, но он обещал завезти нас искупнуться. Километрах в десяти в сторону Таежного в лесу были заливы дождевой или болотной водой многочисленные старые карьеры кирпичного завода. Глубина была самой разной – их ведь не готовили для отдыха. Но вода в них казалась парным молоком. Слышал, что кто-то с разбега пытался нырнуть, но серьезно травмировался, удавившись о неожиданное препятствие. В общем – здесь тоже надо было быть осторожным.

Кто-то выпустил в эти карьеры карасей, они прижились, и любители рыбалки совмещали приятное с полезным. Помню, что место нам приглянулось, и мы зачастили туда. Но это было уже накануне моего студенчества. Да и разлил потом кто-то по этим озерам что-то типа солярки, видимо, борясь с личинками комаров. Но попробуй их победи... А теперь, после того, как стащили бетонные плиты и забросили разработку глины, подъезды к тому месту совсем непроходимые стали для обычной техники. Некому и незачем стало чинить лесные дороги.

В самом поселке есть пара-тройка запруд, в каждой из которых непременно купались дети, жившие на соседних улицах. Некоторые водоемчики существовали всего пару лет, некоторые видны и сегодня. Это потом стали понемногу заводить гусей, которые быстро превращали берега в нечто не похожее на место отдыха людей.

А тогда – тогда мы делали плотики, катались и где-то ныряли с них, ловили в прибрежной траве тритонов...

Поз созвездием "Кедра"

А как забавно вели себя мои собаки – были те, что призываю лаяли с берега, думая, что со мной в воде произойдет что-то плохое. А была одна, которая сама ныряла ко мне или забиралась на плот, чтобы быть рядом. Хорошо, что мы не задумывались о результатах проб санэпидемстанции с этих самовольных мест купания. Да и кому были интересны наши проблемы? Никто никаких проб не брал и не делал. Оценивали воду мы сами – на цвет и запах.

А может быть, и смысл был не в купании, а в общении? Ведь купаться по одному никто никогда не ходил. И как мы обрадовались, когда недалеко от моего дома в болоте появился котлован размером с приличный бассейн. Он был залит рыжеватой, но очень теплой и манящей водой. Ах, сколько радости принес он всем ребятам наших крайних улиц! Теперь и мне можно было не ехать на велосипеде, рискуя напороться на неприятные беседы с незнакомыми мальчишками в другом конце поселка. Я быть почти хозяином почти собственного водоема.

Через пару-тройку лет появились всё-таки гуси, которые быстро сделали неприятным купание в грязной воде. Но водоем остался. Теперь он выглядит совсем заброшенным, там плавают куски торфяника, палки и ещё какой-то мусор. И кажется почти нереальным, что когда-то детям были известны глубины каждой из поселковых запруд.

Как хорошо, что нынешние дети и их родители имеют возможность купаться в более обустроенных местах и добираться до обустроенных озер по прекрасной асфальтированной дороге. А уж кто из наших знакомых ещё не окунулся в зарубежных морях? Я и сам наконец-то однажды хлебнул соленой морской воды, которая почти сразу вылечила мой хронический гайморит. Мне было 27.

А в общем, у меня было хорошее детство и отличные друзья.

Жаль, пустуют пляжи в деревнях, где жили мои бабушки.

Гармошка

Иногда по выходным на поезде отец уезжал в Пельмь или Атымью «по магазинам». После таких поездок в холодильнике на несколько дней не оставалось пустого места, появлялись какие-нибудь вкусности и небольшие подарки.

«Что тебе купить?» – спросил однажды отец. Я попросил игрушечный кран. Ближе к вечеру, почти как Дед Мороз, он вернулся с большим холщовым мешком. И пусть внутри оказался не кран, но это была большая железная машина, со специальной ручкой, поднимавшей установленную в кузове вышку-башенку с лестницей. Такой машины больше не было ни у кого.

Возможно, в одну из таких поездок отец и привез небольшую гармошку. «Зачем?», – спросил я. «Подрастешь, будешь играть», – ответил он. А пока... Пока он сам показывал «как надо». Я улыбался до ушей и не очень понимал, почему мама почти сразу просит прекратить. Вскоре уже мы все выучили наизусть мелодии песен «Полным-полна коробушка», «На сопках Маньчжурии», «Катюша» и ещё нескольких других. Коронными были частушки. Обычно всё продолжалось около часа, и когда уже известные темы шли по второму-третьему кругу – в квартире обычно никого не оставалось – все выходили погулять по двору или по иным надобностям и поводам.

Уже потом, обучаясь в музыкальной школе, я понял, что отец играл так, как когда-то заучил. Аккорды басов не совпадали с гармонией основной мелодии. В

Поз созвездием "Кедра"

деревне, видимо, все хотели играть – и он начал, даже имея заметные проблемы с музыкальным слухом. Но в целом – исполнение было ритмически правильным, узнаваемым, серьезным или наоборот, неповторимо задорным.

В середине 80-х в Москве мы купили кассетный магнитофон с функцией записи. Одна из первых была с сольным «концертом» отца. Примерно тогда же его единственный раз леспромхоз как-то послал в санаторий, на озеро Чебаркуль. Теперь это место знают во всем мире, благодаря упавшему метеориту. А мы как-то вечером соскучились и включили запись с игрой нашего батяни. Прибежала соседка баба Аня с вопросом «Уже разве Вася приехал?». Мы долго смеялись. А она и не сразу поняла, в чем подвох.

Мы с братом подрастали, но все наши попытки извлечь нечто похожее на мелодию были напрасны. Бывало, мы по очереди один нажимал на кнопки, а другой тянул меха. Потом менялись. В другой раз даже что-то получалось левой рукой – но это были лишь ритмичные сочетания баса и соответствующего ему аккорда. Может быть, ещё были малы и слабы пальцы – ещё не готовы к подобным нагрузкам. Поэтому гармошка в основном пылилась где-то на шкафу.

Классе в шестом я попытался повторить то, что уже умел играть отец. Было не просто, особенно сочтать разные партии правой и левой рук. Но за пару месяцев я смог освоить отцовский репертуар. При этом басы брал не так, как он показал. По слуху подобрал, чтобы звучало гармоничнее, а не как проще. Стало понятно, что на маленькой гармошке «Нотка» расположение басов вообще было минимальным и не типичным для полноценного инструмента. Вот в чем была ещё загвоздка.

Тогда была популярна «Ламбада». Времени свобод-

ного – хоть отбавляй, и однажды я встретил своих родителей, уверенно играя самый современный хит. Они, мягко говоря, удивились. А после того, как в течение следующей пары месяцев были подобраны и исполнены с десяток новых, никем не показанных произведений, начался поиск полноценной гармони.

Вспомнили, что когда-то и у деда была гармошка. Я её видел на одной из старых фотографий, где он стоит в центре деревенских красавиц. Говорят, дед Петро с братом Николаем во время танцев делали такой номер: почти незаметно менялись инструментом, не прерывая мелодии. Танцевать-то всем хотелось. А гармонист на деревне – первый гость на любом празднике. В ту глубинку, где они жили, патефоны и электричество пришли с большим опозданием.

Но в начале 90-х купить хоть что-то было большой проблемой, а тут – инструмент. И вдруг – удача. Какой-то пожилой лесоруб предложил отцу гармонь по сходной цене. Цена выразилась в 4 поллитрах. На такое дело было не жалко. Тем более что талоны на спиртное давали, а с употреблением выкупленного дома никогда никто не торопился.

О, как она звучала! Потертая, явно повидавшая многое, эта «Тульская-401 м» украсила наши семейные вечера. Да, у неё немного фальшивили самые нижние кнопки, но я ими практически и не пользовался.

Честно говоря, я даже немного жалел, что отец, глядя на меня, стал заметно реже и меньше играть. Кое-что я уже мог аккомпанировать другим певцам. Правда, сам так и не смог научиться играть и петь одновременно. Зато смело брал маленькую или звонкую гармошку на турслеты и один из всей школы шел «с музыкой». Батарейки на магнитофоны тогда было не достать, поэтому любой звук был «в тему».

Одноклассники улыбались, воспринимали мое ис-

Поз созвездием "Кедра"

полнение как-то по-хорошему, подходили послушать и почти незнакомые ребята из других классов и даже учителя.

Мне кажется, что когда-то купленная отцом для забавы гармошка «Нотка» с неправильными басами и простоватыми звуками – одно из самых добрых воспоминаний моего детства.

А недавно сын спросил меня:

– А что это у нас там, на шкафу?

Я ему ответил:

– Вырастешь, будешь играть.

И, конечно, он упросил меня показать, что это такое. И почти как много лет назад, в совсем другом доме, малыш пытался тоже нажать хоть одну кнопку во время игры отца.

Мне потом было приятно смотреть, как трехлетний ребенок сам более получаса деловито пытался растягивать меха. Он даже не мог поднять гармошку над полом, ползal за ней по комнате, пока окончательно не устал. С таким настроем можно будет учиться, – отметил я про себя.

Постараюсь почаше играть, чтобы сыну было что вспомнить, когда подрастет.

Александр
ЗАГОРОВСКИЙ

Я просто Шура.
Шура Балаганов

Пилю, пилю – ее, сопя и прея,
Не из азарта, больше на авось.
Мой дед из ортодоксов, из евреев,
И бабка... Только мне не довелось.

Не вышел фарт.
Ни-вичай и ни-манов...
Иль прикупить?.. Да нет, подымут шум.
Я Шура, Шура, Шура Балаганов,
И четко букву «эр» произношу.

А жаль слегка. Вот так, глядишь, в охотку,
Припрятав камень в потайной карман,
Я б записался – мэром на Чукотку,
Или махнул на речку Иордан.

И там, в заветных кущах Иордана,
В тоске рифмую клены и пургу,
Гулял бы Сяша, Сяша Балаганов, на том,
Котором надо, берегу.

Поз созвездием "Кедра"

Эх, не судьба, по полкопейки тырю,
Мечта моя – пятерка косарей,
А Паниковский, гад: – Пилите гирю!
Не хочет сам – пройдоха и еврей.

Разговор с Бушем

Я весь в делах, но как-то в целый час
Нечаянно окно образовалось,
Дай Бушу звякну, думаю, как раз
О том, о сем перебазарим малость.

Я говорю ему: – Товарищ Джордж,
Не той дорогой ты идешь, однако,
И может статься, вволю ограбишь,
Точнее полный рот песков Ирака.

– Так он же, Саня, – возражает Буш,
Кивая на товарища Саддама, –
Он каш сорвал, вполне приличный каш,
А нам облом, ни грамма, ни полграмма.

Там, Саня, нефть, на сотни лет, Санек,
А мне наказ конкретный был от папы,
Ну, я ему, Хусейну, мол, не в срок,
Зачем ты в шляпе, почему без шляпы.

С какого, мол, едри твою в насест,
Ты буром прешь на бедный на Изриль,
Хотя об этом, Саня, вот те крест,
Не знал совсем, евреи рассказали.

Вот так оно, одно да к одному,
Тут папа, тут сенаторы-министры,
Но мне-то, Саня, мне-то самому,
Иракской нефти, хоть бы с полканистры.

Ну, коли так, – тогда ему я, – что ж,
Но палка, ты прикинь, всегда двояка,
Ведь может статься, вволю ограбешь,
Точнее, полный рот песков Ирака.

Шаолинь

Я приехал в Шаолинь,
Где покой и неба синь,
С посевной, с картошки, прямо с дачи.
Глядь, за деревом, в кустах
Просветляется монах,
Отдыхает в стойке киба-дачи.
Мы, чай, тоже не с европ,
Я тихонько сбоку – хлоп,
И мавашей вырубил в подкате.
Да спешил, однако, зря,
Он там был за главаря,
Если по-китайски – настоятель.
Тут плечисты и крепки
Подгребли ученики,
Я туда-сюда, куда деваться?
Но очухался сенсей,
Тянет руку, хрен, мол, с ей,
Кто таков, рассказывай, мол, вкратце.
Из Тамбова я, Степан,
Изучать приехал Ян,
А потом гоню без остановки:
Как по сотке за приезд?
Он согрел в один присест
Литру белой, видно – тренировка.
Через месяц Шаолинь
Не узнать, где Ян, где Инь,
Я в nirvana, разгоняю тучи,
А монахи за столом

Поз созвездием "Кедра"

Травят байки напролом
Про Чапая, Вовочку и чукчу.
Так, кумекаю, пора,
Шасть, и ходу со двора,
Мол, покос, мое бы не скосили,
Настоятель у ворот
Кулаком гляделки трет:
— Слыши, Степан, возьми меня
в Россию...

Ты

Natashе

Спаси тебя Господь, благослови
И сохрани от злого провиденья,
Мелькнуло и исчезло озаренье —
Мы ничего не знаем о любви.

Под тяжестью несобранных камней
И в распорядке сладостных объятий
Мы близим понимание заклятий —
Мы ничего не ведаем о ней.

Быть может, есть, да велика ли честь?
Ее удел — гореть неутомимо,
Мы в суматохе пробегаем мимо —
Мы ничего не смыслим в том, что есть.

И не нарушь, Господь, не разорви,
Не поспеши — ни действием, ни взглядом.
И я не здесь, и ты со мной не рядом —
Мы ничего не знаем о любви.

Шанзайский вояж

Мы лезем с корешком на верх
Килиманджаро,

Тихая малая Родина

Там впереди снега в шесть тысяч
высоты,
Под нами пастухи и местные аграры,
И прочий контингент – рядами
и впритык.

Вот промелькнули вниз прыгучие
архары,
А может, не они, но все равно козлы,
А мы туда, туда, в вулкан Килиманджаро
Со скрипом прём давно заевшие
мослы.

С чего вы так – пешком и абсолютно
даром –
Нас вопрошал один почтенный
макондей –
В окрестностях глухих горы
Килиманджаро
Шатаетесь без средств, понятий и идей?

А мы ему: – Братан, чтоб не было базара,
Пустяшных косяков и лишней траты сил,
Мы лезем с корешком на верх
Килиманджаро –
Привет, мол, с северов, и в целом от Руси.

Быть может, по пути вдруг
обнаружим йети –
Как ни крути – родня, и бродит где-то тут,
А нет, тогда рванем в соседний
Серенгети,
Они там, говорят, деревнями живут.

Сегодня другой я

(из переписки)

Сегодня другой я.
Распахнутый малость.
Ломака потешный.
Дурашливый. В саже.
Жалеешь, что мимо?
Пожалуй, останусь.
Где шкапчик у вас тут?
Пристрою поклажу.
А с банькою как?
Только ванна...
Пустое.
Вот баньку!
По белому.
В неге туманной
березовым веничком в хвойном настое...
...на хилый конец обойдемся и ванной.
Сама-то не стой, суетись мало-мало,
неси поллитровый, родной, запотевший.
Ты... это... чего про потом намекала?...
Шучу я, шучу.
Я сегодня потешный.
Гитару!
Конечно!
На белом колочек
завьется, зайдется струна-недотрога.
Мы вместе сегодня легки и порочны.
Мы вместе сегодня.
Недолго.
Немного.
А завтра, ты знаешь? –
наступит похмелье...
Ты знаешь! – наступит.
Работа.

Усталость.
И завтра,
И после,
И через неделю.
Но это потом.
А сегодня останусь.

*Песенка партнера.
Фигурное катание*

Я еду задом – в надпись «Кока-Кола»,
что на борту – обзору ни хрена,
передо мной объект другого пола,
партнерша, значит. И еще жена.

Сегодня произвольная программа –
двойной чего-то, а потом тройной,
потом полста четыре килограмма
эффектно зависают надо мной.

Ведь говорил – не ешь сметану с крынок,
«свое, свое», свое, а тоже груз...
...рука застряла между половинок,
заметил если кто – какой конфуз.

Еще минута, долгая такая,
прошла, но Моцарт нынче что-то скуп,
сейчас ее за ногу размотаю,
и... вот уже выходим на тулуп.

Почти что все, спокойно, без раскачки,
Каскад, дорожка, полуоборот,
и монумент – колхозник на батрачке...
...пойду в хоккей, тоска меня берет.

Переделкино

Поэт я средний, пусть пошире мелкого,
Не претендую в бронзу на века,
Мне только дачу дайте в Переделкино,
И подогрейте славою слегка.

Мне дачу только – много я не требую,
Ну, разве, плюс еще и гонорар,
Уж я тогда поэзию хвалебную
Давал бы ежедневно на-гора.

Без колебаний долгих и сомнения,
Попался лишь бы в руки карандаш,
Свяю гимн любого поселения,
Мол, так и так, мол, любим и шабаш.

А мэры, главы, прочие высочества,
Их думы глубже всякой глубины –
Вот где простор для правильного творчества,
Тем более в масштабах всей страны.

Открытие фонтана ли, забора ли,
Я как из автоматного ствола
Облагорожу нужными узорами,
В припеве приспособив купола.

Фанфарами и громкими гуделками
Восславлю то, что надо, точно в срок,
Мне только дачу дайте в Переделкино,
Чтоб избежать нехватки верных строк.

Новые имена

*Вера
КОСИНЦЕВА*

Тот колодец забытый, заброшенный,
Вся заросшая ширь пустыря –
Это всё моя малая родина,
Это боль, это горечь моя.
Кто ж виновен, что пашни не пашутся,
Что скудеют твои закрома?
Горемычная Родина, наша ты,
Невесёлая доля твоя.
Не корю тебя, что здесь родилась я,
Я кровинка, частичка твоя.
Разделю с тобой участь, родимая,
Ты, Россия, любая – моя!

Весны приход похож на чудо,
Что происходит каждый год.
Трава, сверкая изумрудом,
Заводит первый хоровод.
Лихой, заливистый скворец
Выводит утром трель прилежно.
И распускает свой венец
Подснежник первый, белоснежный.

Окину взглядом – всюду моя Русь.
Луга ромашковые, поле, мелколесье.
Тебя люблю, тобою я горжусь
И счастлива, что появилась здесь я.

В твоих ключах студёная вода
Пусть не иссякнет, пусть струится вечно.
А коль нагрянет вдруг опять беда,
Твои сыны подставят свои плечи.

Благословенна будь, моя земля,
Многострадальная, родная моя Русь.
Пусть ломятся от хлеба закрома
И только светлой будет твоя грусть.

Молодость – ненадолго.
Счастье – не на века.
Только вот вера в Бога
Со мной неизменно всегда.
Молитв никогда я не знала
И в церкви я не была,
Но тяжко было – шептала:
«Помилуй, Господь, меня!»
Спаси мя от прегрешений,
Помилуй, если грешна.
Даруй мне своё прощение...»
И ответа ждала, не дыша...
И что-то незримое явственно
Касалось меня в тиши,
И грешные цепи тяжкие
Спадали с моей души.

Поз созвездием "Кедра"

— Посмотри-ка, мама, чудо!
С неба звёздочки летят!..
— Я знакома с этим чудом,
Его имя — снегопад.

Только я тебе не буду
Вечных истин объяснять:
Где и как родится чудо
И куда уходит вспять.

Верь, малыш мой, дольше чуду,
Я завидую тебе.
Пусть его побольше будет
Не на небе — на Земле!

Бывший учитель

Впервые ты свободен от забот.
Хотя заботы были те не в тягость.
Ни сердце и ни разум не поймёт,
Какая от свободы этой радость!?

Из года в год ты был всегда с детьми,
Учил их брать высоты, не сдаваться.
Но главное: учил их быть людьми,
В любых поступках ими оставаться.

Так почему же сердце бьёт тревогу?
И эта боль становится сильней?!
Нет! Не бывает бывших педагогов,
Как не бывает бывших матерей!

Уходит осень незаметно.
Меняет листья календарь.
С морозом, вынуждами и ветром
За декабрём придёт январь.
Январь в февральскую позёмку
Однажды ночью перейдёт,
А март узнаем мы по солнцу,
Что выше над землёй взойдёт.
С капелью, с первыми цветами
Апрель и май летят вперёд.
Июнь короткими ночами,
Глядишь, в июль уж перейдёт.
Там август, щедрою рукою
Раскинув ягоды в саду,
Шагая тайною тропою,
Уступит место сентябрю.
И всё с начала повторится:
Мороз и слякоть, дождь и снег,
А по весне вернутся птицы...
И будет так из века в век.

Родина – это речка,
Заливной солнцем луг.
Дым из трубы колечками.
Нежность маминых рук.
Родина – это святыня.
Святое, как Хлеб и Мать,
Родина-то, что поныне
У нас никому не отнять!

*Ильям
ИЛЬЯСОВ*

*В соседстве с сохатыми,
косыми, косолапыми*

Вот вышли мы из вагона, а дверь осталась открытой, проводница по-видимому решила, что мы закроем двери сами за собой. Машем рукой машинисту, а проводница из другого вагона смотрит на нас, как на психов, вышедших на абсолютно необитаемой станции, и теперь что-то орущих и машущих руками. Раздосадованная, она ушла в свое купе, а мы, глядя вслед уходящему составу с 13-м открытым вагоном, решили, что трезвым пассажирам открытая дверь ничем не грозит, со спокойной совестью пошли дальше...

Прибыли на кордон Белая Гора (я, Иван, Диана, инспектор Овечкин). Встретили нас честь честью. Посуды в избе не оказалось, зато я нашел свои сапоги, оставленные в прошлом году, с сухариками внутри, и не смог найти этому логического объяснения.

Леонид, хозяин кордона, поведал историю о копалухе. Они на кордоне держат кур-несушек. Так вот, чтобы они неслись, работали, то бишь, и для отдыха, понимаешь, их скромный быт украшает парочка петушков. Один из них особенно активный, успевает все и всех....

Так вот, Галя в N – раз выносит им еду, и вся эта пер-

натая братия очумело несется к месту кормления: куры клюют, чтобы нестись, петухи тоже им в этом деле помогают... Тут копалуха, которая до этого скромно сидела никем не замеченная на соседней сосне, вдруг возжелала «заморских кушаний», и спикировала прямо к кормушке. Куры в ужасе уносятся в неизвестном направлении (от «удар-бабы», или «бомба-куры»), а один из петушков тоже возжелал, нет не кушаний. Он рогатых глухарей никогда не видел, ну и решил побаловаться: «нафуфырился», значит, «напетушился», и вперед по плану «Амур», но только или копалухе куриная еда не понравилась, а может, мужичок мелковатым показался, или что-то еще (женщины, понимаешь), но, в общем, гостья лениво разбежалась и обратно на дерево. Петя пытался догнать и взлететь (забыл, бедняга, что домашние куры уже сотни лет как не летают), но истощенный весенним авитаминозом и многочисленными женами организм отказывался взлетать,... да, вот она синяя птица – обломинго).

На кордоне молодое пополнение, у Мули и Насти семеро котят, хорошие, крупные, подвижные с двумя общими мамами. Ваня прочитал лекцию, что кошка в заповеднике, что волк в овечьей отаре, и предложил безвозмездную услугу «за лапки, об угол, и в ямку». Я возмутился и сказал, что если он совершил сей антигуманный поступок, то я с ним водиться и разговаривать не буду. Ваня этого не хотелось, и он со мной согласился, правда, ухмыльнулся и, отвернувшись, заулыбался (ехидно, наверно). Я его понял и сказал, что даже про тайно сделанное я узнаю и помочь ему со строительством бани не буду. Ваня – молодец, принял единственно верное решение.

Поужинав, мы двинулись в тот же день в сторону Теплого ручья, «потоковать» с глухарями нам очень не терпелось. Радость встречи омрачилась наступающей темнотой, и сфотографировать певцов нам не удалось. Вот и ручей – вода! Остановились на ночь. Костер, чай, непривыченные беседы. В три часа ночи Ваня, наболтавшись

Поз созвездием "Кедра"

и наевшись сухариков, пошел на фотоохоту (кстати, стало заметно светать). Я добровольцем остался у костра – за кочегара, за часового и еще много-много за кого – хотел спать, да какой там сон – холодрыга, дождик начал накрапывать, костер «стреляет», все норовит меня спалить. Намаявшись с ним, я устал, но все же умудрился уснуть.

Ваня появился между 5-ю и 6-ю часами, уставший, немного довольный, немного злой. Он подходил близко к току, но сфотографировать никак не удалось: то потревоженная птица взлетит высоко, то дерущиеся петушки как по команде прекращают взаимное мордобитие, и образцовыми скакунами уносятся в даль, помахав разочарованному Ване пышными хвостами.

Ванино напряжение доходило до того, что он слышал, как кто-то приближается, шагая к нему, все ближе и ближе, а это... лишь стук его сердца. Всё, идем домой. В 7.30 заметили нескольких рябчиков и белочку в старом зимнем наряде, которая при виде Ваниной черной оптической штуковины, покрыла нас грязным беличьим матом, хорошо хоть шишкой не запустила.

Полноводный Ем-Еган радует глаз, как радует глаз пышная красотка. Да, самое время помечтать, сапоги дорогу знают – дойдут. Лес еще не ожил, если не считать нескольких мелких, но очень горластых пташек, воздух чист и по-зимнему стерилен.

Редкие комары сильно не домогались, и, получив отказ, улетали. Вот медведь следы, и результат его пищеварительной работы, с шерстью и много-много еще с чем неизвестным.

А белый подпушек в этом, это олень – северный олень. Ваня сказал, что это самец, медведь, а не олень, я посмотрел и не понял его выводов, но потом решил, что самец во время ходьбы чиркает достоинством по земле, оставляя хорошо видимый след.

Бот мы и дома. Долгожданный чай с супчиком (спасибо Диане, «Та нэма за шо»). И вот мы спим. Ритмично-

синхронный, легкий, троекратный храп наполняет нашу избу. Пару раз заходили хозяин и хозяйка Белой Горы, но видя три невменяемых тела и постояв минуту, другую – исчезали, бормоча что-то под нос. Обильный чай подал голос, и не голос, а скорее приказ, подчиняясь которому, я вынужден был временно покинуть нашу теплую, уютную избу. Быстро дохожу до удобного ближайшего места, и замираю. Было хорошо – свежий воздух, высокое голубое небо, и рядом, через речку, в весеннем лесу, токует глухарь. Хорошо поставленный командирский голос не заставил себя долго ждать, и он улетает на призыв копалухи или другого глухаря.

Снова спим, встаем, пьем чай, опять спим, и так до 18.00. Встали поздно – 8.30. В 11.05 вышли в сторону Теплого ручья, дошли до него без проблем, в одном живописном месте прямо над тропинкой сухое дерево висит (ель или сосна), довольно крупное, верхушкой зацепилось за соседнее дерево, а расщепленная нижняя часть нависла прямо над тропинкой (на высоте 2-2,5 м), прямо как Дамоклов меч. За Тёплым муравейники один другого краше, как же: сам Потапыч украшал. Одни в аккурат до земли оформил, у других только макушку надкусил, гурман-привереда однако этот Миха. Тыкали палочкой в лосиные кашки, пытаясь определить их меню (но они скромно молчали, как партизаны-камикадзе в гостях у гестапо). Много лосиных следов, как взрослых, так и сеголеток.

Не дойдя 2-3 км до Черепановской избы, идем на восток, но сначала... правильно – чай. Вскипятили воду, попутно чуть не спалив кусок беломошника (забыли, что даже после дождей он хорошо горит), попили, разгоряченные чаем идем, щебечем, Ваня вдруг останавливается, я чешу дальше, Ваня меня за шкирку, и в землю мордой. (Жизнь, наверно, спас, я прямо в пасть «годзилле» топал). А там, значит, в 20-25 м от нас дамочка в медвежьем обличье с тремя пушистиками гуляет. (Николай Дроздов отдыхает...) Я пытаюсь сфотографировать, трясусь, не могу,

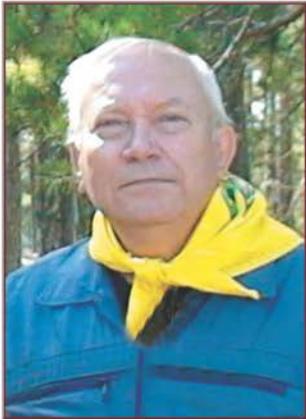
Поз созвездием "Кедра"

передаю аппарат Ване, Ваня торжественно, как на присяге, вручает мне ружье. Я на женщин руки ни разу не поднимал (девочки и девушки не в счет), а тут сразу ружье, 12-й калибр, 2 пули в стволах. Вот, значит, Ваня мамашу щелкает, а я его охраняю.

На 5-6 снимке нас услышали, маманя нюхает воздух и чешет в нашу сторону, нас обнаружили. Вскакиваем на ноги (а ноги-то ватные, трясутся). Ваня орет: «Стреляй» (в смысле – в воздух, предупредительный выстрел, как положено). Я стреляю... ноль. Не понял. Секунда, другая... соображаю – предохранитель. Ваня: «Стреляй, твою...». «Ба-бах», пуля уходит в небо. Машка остановилась, но прочь не побежала. «Ба-бах», вторая в небо, догонять первую. Я еще обалдело нажимаю на «кнопку» (привык в компьютерных играх к бесконечному боезапасу). Доходит, бросаюсь к Ване, по дороге «переламывая» ружье и выбрасывая гильзы. Ванька бросает мне патроны, а сам с фотоаппаратом наперевес в контратаку за убегающими бурыми. Смог-таки сделать на бегу несколько снимков.

Ваню самого надо было снимать в ту минуту: глаза горят, как пружина на взводе.... Двое мелких с дерева бросились маманю догонять, один остался, залез на самую макушку и ворчит на нас. Ванька летает вокруг, и так пытается сфотографировать, и сяк, не получается, ветки мешают, он и на дерево соседнее пробует залезть, не получается, стволы гладкие, запечиться не за что. Пока Ваня с мишуткой забавляется, я – ушки на макушке, ружье в руках, хожу вокруг Вани, боевая готовность номер один, с одной стороны бор – беломошник, видимость прекрасная, с другой – густой ольховник, сквозь него ничего не видно, обиженный малыш голос подает, маму зовет. Я его желаний не разделяю. Ну, в общем, то ли пацан каши не ел, то ли маманя у него глуховатая, но обошлось, нас не убили и даже не покалечили.

Пропали еще 50-60 м по этой малозаметной дорожке, все – тупик. Возвращаемся обратно.

Анатолий КЛИМИН

Казанский дабл-покер

В некотором царстве, в Союзном Независимом Государстве, а точнее в поселке Лесопильске приключилась лет 25 примерно тому назад история, заметно оживившая постперестроечный пейзаж этой отдельно взятой административной точки на карте страны. К тому времени Лесопильск, добывший с начала героических 60-х немерено «зеленого золота», в лихие 90-е уперся в стену экономического кризиса с нежданно-негаданными последствиями. На предприятиях замерли производственные линии, в городке сворачивались стройки. Как жить дальше не знала даже районная власть.

И вдруг в одном из микрорайонов Лесопильска залипела бурная деятельность. Появилась строительная техника, и был вырыт котлован приличного размера. Стали завозить фундаментные блоки и плиты перекрытий. Вскоре в котлован заехал кран, и началась работа по монтажу фундамента и подвального этажа. Жители близстоящих домов решили, что началось возведение не иначе как многоквартирной пятиэтажки...

Однако вскоре к удивлению и недоумению лесопильчан просочилась информация о том, что строится не жи-

Поз созвездием "Кедра"

лой дом, будут играть в карты на деньги! Тогда на слуху была игра в покер.

Главой администрации Лесопильского района в то время был энергичный и предприимчивый Николай Геннадьевич Земляков, в недалеком прошлом первый секретарь местного райкома КПСС, выросший из во-жаков боевого комсомольского племени, а еще раньше работавший машинистом локомотивного депо. В кабинете бывшего комсомольца-партийца из пролетариев и началась эта занятная история. Как-то ближе к концу рабочего дня секретарша Землякова прощебетала в приоткрытую дверь:

– К Вам, Николай Геннадьевич, посетитель.

– Пусть заходит, – демократично продемонстрировал свою доступность глава администрации.

Посетителем оказался гость из Казани по фамилии Аллахвердян. Его предложение мигом развеяло скуку, в которой пребывал с некоторых пор Земляков.

– Есть люди, у которых денег «выше крыши» и в настояще время, – с восточной вкрадчивостью начал посетитель. – Они живут в Москве, Питере, Казани и других крупных городах. Это банкиры, руководители крупных коммерческих предприятий и просто «крутые» ребята.

– Ну и что? – Николай Геннадьевич нетерпеливо перебил Аллахвердяна. – Они хотят вложиться в строительство на нашей территории? В спичечную фабрику, к примеру, или в спортивный комплекс...

– Не совсем в спортивный, дорогой Николай Геннадьевич, и не сейчас, – по лицу гостя пробежала легкая улыбка, – есть предложение построить в Лесопильске казино.

Такого поворота в разговоре глава администрации явно не ожидал и после некоторого замешательства спросил:

– А кто же будет играть в казино на деньги в нашем

небольшом посёлке? Тем более, что в стране разруха, у населения материальные доходы низкие, большой процент безработицы. И мне не совсем понятно: почему эти господа не играют в казино в Москве, Питере и Казани, то есть там, где живут? Это же намного удобнее и ближе, чем добираться в нашу глухомань.

Аллахвердян не сдавался:

– Так они и играли сначала в официально открытых казино. Потом стали играть подпольно. Но и там, и там их стали «доставать» рэкетиры и менты. А у вас здесь тихо, спокойно! И кроме этого, в вашем посёлке есть еще большой плюс: у вас имеется аэропорт. Ведь эти уважаемые люди имеют возможность даже арендовать небольшой пассажирский самолёт.

– Это, конечно, интересная и заманчивая идея. Но кто же будет финансировать строительство? – продолжал задавать вопросы Николай Земляков.

– Заинтересованные лица, отправившие меня к вам, предлагают построить казино на свои, то есть на ваши деньги. Организация, которая будет заниматься возведением объекта, возьмёт кредит в одном из местных коммерческих банков, построит казино, а потом мы его выкупим. Естественно, что всю эту процедуру закрепим соответствующим договором, – внёс ясность в вопрос финансирования Аллахвердян.

На некоторое время в кабинете повисла вполне ожидаемая пауза. Первым ее нарушил Николай Геннадьевич.

– Скажите, уважаемый, а в какую примерно сумму обойдётся строительство?

– По подсчётом наших специалистов, потребуется примерно пять миллиардов рублей (цены 1993-1994 гг. – прим. автора).

– Но ведь под такой приличный кредит банк потребует его обеспечить залогом или поручительством. Где же мы здесь можем найти таких залогодателей или

Поз созвездием "Кедра"

поручителей? – с сомнением в голосе произнёс глава района.

– Я думаю, что это вопрос решаемый, Николай Геннадьевич! – тоном учителя, назидающего несмышленого школьара, заявил Аллахвердян. – Оформите поручительство от администрации Лесопильского района, которую вы возглавляете. Размер бюджета будет достаточным для такой банковской операции.

– Но мы же государственная власть, – спохватился Земляков, – и по закону не имеем права иметь какие-либо финансовые отношения с коммерческими структурами. Поэтому выдать поручительство администрация района не может! – с грустью в голосе подытожил глава местного самоуправления.

Представитель из Казани на некоторое время задумался, взвешивая и оценивая доводы собеседника, которые могли стать препятствием в реализации тщательно спланированного проекта. И опять по его лицу пробежала еле заметная улыбка-ухмылка:

– Ну, господа, сейчас время такое: кто не рискует, тот не пьёт шампанское – так сказал один умный человек. Я предлагаю пообщаться вам с руководителем филиала коммерческого банка, попытаться договориться с ним о выдаче кредита. Уверен, что это предложение его очень заинтересует, учитывая очень высокую сейчас процентную ставку кредитования. Только за то, что вы представите ему возможность «навариться» на выдаче такой крупной суммы, он не оставит вас без благодарности, условия которой вы ему можете сами предложить.

Руководитель района, внимательно слушая Аллахвердяна, слегка покачивал головой, то ли в знак согласия, то ли недоверия...

А посланец невидимых любителей карточных игр не отступал:

– Вы понимаете, какое дело? При реализации нашей

го бизнес-плана ваш посёлок районного значения получит толчок в финансовом развитии и трудоустройстве определённого числа жителей, они будут работать, занимаясь обслуживанием и содержанием казино. Я ещё не сказал, что здание казино планируется возводить в несколько этажей. В нём, кроме помещения, где мы поставим карточные столы, будет и бар, и зал со сценой, на которой ваши местные девушки-красавицы будут танцевать, развлекая гостей! На одном из этажей откроем гостиницу. И налоги от деятельности казино пойдут в бюджет района!

Жители Лесопильска, я думаю, очень положительно оценят вашу заботу как главы администрации района об их благополучии, учитывая создание новых рабочих мест. А кроме этого, – Аллахвердян слегка понизил голос, – я уже говорил, но ещё раз напоминаю, что за положительное решение данного вопроса вы будете иметь благодарность в виде определённого процента от доходов казино. Об этом мы поговорим и договоримся позднее. Так что плюсов, я думаю, достаточно, чтобы постараться решить данный вопрос положительно.

Поблагодарив казанского бизнесмена за озвученные доводы, Земляков пообещал, что данную тему они внимательно и тщательно изучат, обсудят и примут решение, о котором в ближайшее время казанскому гонцу сообщат.

В этот же день Николай Геннадьевич пригласил к себе директора Лесопильского филиала областного коммерческого банка «Север» Митрохина Петра Павловича.

– Ну, давай рассказывай, Николай Геннадьевич, зачем пригласил? Что новенького и интересного появилось в вашей епархии? – первым начал разговор Митрохин, усаживаясь поудобнее.

Земляков был постарше своего собеседника лет на пятнадцать, да и занимаемая должность позволяла ему снисходительно держаться с собеседником. Лицо его

Поз созвездием "Кедра"

было серьёзным и задумчивым, с заметными следами усталости и мучившими мыслями. Не отвечая сразу на заданный вопрос, Николай Геннадьевич открыл дверцу тумбочки стола, достал и поставил на стол начатую бутылку коньяка, две стопки и тарелочку с нарезанным лимоном.

— Ты, Петя, не гони лошадей! Давай-ка лучше для начала выпьем по стопочке, а то я сегодня что-то устал.

Земляков разлил коньяк, и они выпили.

— Слушай, Петя, я пригласил тебя обсудить один интересный, но и щекотливый бизнес-проект, который предполагает кредитование на очень солидную сумму. А учитывая наши давние дружеские отношения, я решил именно с тобой обсудить эту тему и в случае положительного решения вопроса предложить заключить договор кредитования с твоим банком, — доверительно начал глава района.

— И какая же сумма кредитования предполагается? — сразу же попытался уточнить важную часть информации директор банка, не дослушав до конца рассказ Землякова.

Тот еще раз разлил коньяк по стопкам и подробно рассказал банкиру о визите казанского гостя.

— И кто же будет оформлять кредит, платить проценты за него и строить казино? — поинтересовался Митрохин.

— Я думаю, мы предложим эту стройку нашему местному СМУ. Мне известно, что у них объёмы работ небольшие, и они будут рады нашему предложению, — пояснил Николай Геннадьевич.

— Ну что же, я попробую этот вопрос согласовать с руководством головного банка, но только при условии: вы предоставите мне гарантийное письмо по погашению кредита в случае форс-мажорных обстоятельств и оформите в моём банке договор поручительства от име-

ни администрации района. Тогда можно будет и рискнуть, – подвёл итог переговоров директор «Севера».

Земляков разлил по стопкам остатки коньяка и произнёс короткий тост:

– Давай, Петя, выпьем за то, чтобы нам сопутствовала удача!..

Директор банка, чувствуя в ближайшей перспективе и тепло от вдруг свалившейся на него большой прибыли, и в то же время дуновение откуда-то холодного сквозняка от возможного «кидалова», решил перестраховаться и выдать кредит двумя траншами. Первый в размере одного миллиарда он выдал для строительства подвального этажа здания.

Когда подвальный этаж здания был возведён, терзающие иногда душу Митрохина смутные сомнения улетучились, и он произвёл выдачу второй части кредита в размере четырёх миллиардов рублей.

Дальнейший ход истории строительства казино стал развиваться по законам детективного жанра. Спустя несколько дней должностные лица, руководившие строительством казино, обратили внимание, что Аллахвердян перестал с ними общаться. В гостинице, где он жил, сообщили, что их постоялец пару дней назад вышел из гостиницы с чемоданом и больше не возвращался. Об этом сразу же был поставлен в известность глава района. Земляков немедленно позвонил директору банка:

– Слушай, Петя, ты оставшуюся сумму Аллахвердяну перевёл? – с дрожью в голосе спросил он.

– Да, перевёл, ещё три дня назад! А что случилось, почему спрашиваешь, и голос такой? – осторожно поинтересовался Митрохин.

– Мне сейчас сообщили, что он не выходит на связь со строителями и двое суток уже не появляется в гостинице! Ты не в курсе, где он может быть?

– Нет. Он ко мне не заходил и не звонил!

Поз созвездием "Кедра"

— Тогда бросай все свои дела и срочно ко мне! — заревничал Николай Геннадьевич в предчувствии беды, он бросил на рычаг телефонную трубку, она подпрыгнула и упала на стол.

«Чёрт возьми, наверное, упавшая трубка это предсказание моей дальнейшей судьбы! — вспыхнула грозовой молнией мысль где-то в глубине сознания районного руководителя. — Вот так и я могу вылететь из своего кресла, если ситуация с кредитом и этим Аллахвердяном будет развиваться по самому худшему сценарию...»

Спустя некоторое время в кабинете главы района появился директор банка. Обсудив неожиданно возникшую проблему, «власть» и «бизнес» решили пока шум вокруг этого факта не поднимать, а подождать ещё несколько дней в надежде, что казанский бизнесмен ещё появится. А в понедельник, в конце рабочего дня, встретиться снова, чтобы обсудить мероприятия и планы по решению возникшей проблемы.

Наступил понедельник, закончился рабочий день, но от Аллахвердяна никаких известий не поступало, его местонахождении было неизвестно.

Директор банка снова появился в кабинете Землякова.

— Ну, что, Петя, похоже, мы с тобой круто влетели, — закуривая сигарету, произнёс Земляков и выпустил струю дыма в потолок. — Теперь у меня уже нет сомнений, что проект этого заезжего Аллахвердяна — спланированная афера. Что будем делать?

Лицо его побледнело. Губы слегка подрагивали. Надо заметить, что работая уже довольно длительное время на руководящих постах, в такую передрягу бывший партбосс, а ныне поборник демократии попал впервые. Только этим можно было объяснить его подавленное состояние. Он прекрасно понимал, что итогом его неправомерной деятельности может быть как минимум — освобождение от занимаемой должности, а как максимум

мум – привлечение к уголовной ответственности за пре-
вышение властных полномочий!

Настроение главы района передалось и директору банка. В его лице уже не было молодецкого задора. Митрохин прокручивал в голове варианты по возвращению похищенных миллиардов. Правда, его в какой-то мере успокаивало то, что не зря он подстраховался, взяв у Землякова гарантийное письмо и оформив договор поручительства. Теперь он может всю сумму кредита или хотя бы его большую часть гасить за счёт денежных средств, поступающих на счёт районной администрации из областного центра для выплаты зарплаты бюджетникам, то есть врачам, учителям, воспитателям детских садов и так далее.

После недолгой паузы Пётр Павлович озвучил своё предложение:

– Николай Геннадьевич, давай, в милицию обратимся с заявлением! Это их работа, пусть найдут и задержат казанского мошенника!

Земляков посмотрел на Петра затравленно и обречённо. В его взгляде читались горечь и упрёк. Сделав последние две затяжки, он нервно затушил окурок и безнадёжно замотал головой:

– Ты что, Петя, говоришь!? Начнётся официальное следствие, я же вылечу отсюда! А может быть, меня ещё и отправят в места не столь отдалённые за то, что я согласился написать тебе гарантийное письмо и оформить договор поручительства для выдачи этого кредита! Надо что-то другое придумать и самим как-то искать этого Аллахвердяна!

Встреча «деловых» партнёров закончилась без принятия какого-либо плана по розыску казанского бизнесмена.

После работы Николай Геннадьевич вернулся домой в подавленном состоянии. От предложенного женой

Поэзия созвездием "Кедра"

ужина отказался. На её вопрос: – Что случилось, Коля? – коротко ответил: – Неприятности на работе. Жена с расспросами приставать не стала и удалилась с кухни.

Посидев в раздумьях некоторое время, Земляков до-стал бутылку коньяка и фужер, выпил, не закусывая. Так он повторил несколько раз, пока бутылка не опустела. Мучавшее его нервное напряжение стало затихать и через некоторое время почти совсем исчезло.

Николай Геннадьевич прошёл в спальню и прилёг на кровать. Принятая доза спиртного подействовала, как ей и было положено, он заснул, умиротворённо по-сапывая.

Главе района снился сон, о котором ему потом не хотелось никому рассказывать. Вот они с приятелем подъехали к какому-то двухэтажному особняку, огороженному высоким сплошным забором. Пrijатель сказал, что здесь его уже ждут компетентные люди, которые за определённую плату могут решить проблему Землякова. Когда Николай Геннадьевич зашёл в дом, то увидел в комнате двух мужчин. Было заметно, что это серьёзные ребята, оба кряжистые, как дубки, с мрачными физиономиями, не предвещавшими ничего хорошего. Татуировки на руках говорили о принадлежности этих людей к криминальному миру. Глава района чувствовал себя как подчинённый, прибывший с отчётом к вышестоящему руководству. По телу его пробежал неприятный холодок. Он приложил все усилия, чтобы ничем не выдать охватившее его волнение, и это ему удалось – ни одна жилка не дрогнула на его как будто окаменевшем лице.

Подробности разговора почему-то не оставили заметных следов в памяти Землякова. Однако, запомнился итог этой встречи – договорённость о том, что серьёзные ребята за определённую плату вместе с Земляковым выезжают в Казань, находят Аллахвердяна, обеспечивают встречу, а также принимают определённые меры для...

Сон Николай Геннадьевич не досмотрел, проснувшись оттого, что жена тряслась за плечо.

– Николай, ты решил сегодня в брюках и рубашке спать? Давай, раздевайся и ложись под одеяло!

Земляков присел на кровати, осмотрел себя, переоделся и снова лёг, повернувшись к жене спиной, чтобы досмотреть прерванный ею сон.

Перед глазами калейдоскопом стали меняться картины сюжетов с Аллахвердяном, в которых он многообещающе рассказывал о строительстве казино, девочках из варьете и дополнительных личных доходах. Ещё раз пролетели моменты его встречи с серьёзными ребятами. Всё это тяжким грузом давило на него. И только внутренний голос осторожно произнёс:

– Это, Николай, придавило тебя чувство, которое называется совестью! Вот оно и болит внутри от твоих неправедных решений...

И всё погрузилось в темноту. Но спустя некоторое время перед глазами Землякова всплыл номер гостиницы в городе Казани и за столом сам Аллахвердян!

– Ну что, дружище, рассказывай, где наши деньги?
– задал первый вопрос Николай Геннадьевич, доставая из пачки сигарету и прикуривая. Своему собеседнику он закурить не предложил, обида сдерживала.

Аллахвердян был внешне спокоен, но в шевелюре казанского дельца заметно добавилось седины. Правда, по лицу было не заметно, чтобы он испытывал угрызения совести.

– Да, Николай Геннадьевич, есть доля моей вины в той истории. Одно только могу сказать: денег ваших у меня нет, и вряд ли вы их сможете вернуть!

– Давай-ка с этого места поподробнее! Где деньги, и вообще: неужели ты думал, что мы тебя не найдём?

Аллахвердян молчал. После затянувшейся паузы он встременелся, его чёрные глаза ожили:

Поз созвездием "Кедра"

— Если бы вы знали, какие обстоятельства заставили меня пойти на эту авантюру со строительством казино, а затем совершив побег с полученными на его строительство деньгами!

— Раньше я работал начальником участка в одном из строительных управлений нашего города. Однажды, сдав успешно очередной объект, мы с коллегами неплохо отметили это событие. После ресторана друзья решили пойти в казино и пригласили меня. Раньше я в казино не ходил, и в этот раз такого желания не было. Я начал было отказываться, хотел вернуться домой, где меня ждала жена и двое детей. Но друзья были очень настойчивы, и я согласился. Итогом этого вечера у меня получилась финансовая прибавка в размере примерно моей месячной зарплаты. И казино засосало меня, как болото!

Но однажды я проиграл очень большую сумму, которую занял там же, за карточным столом, у одного очень серьёзного и влиятельного человека. Он установил мне срок возврата долга, который я при всём своём желании выполнить не смог. Меня предупредили, что «включен счётчик», и сумма долга будет увеличиваться каждый день.

Спустя некоторое время предъявил условие, точнее сказать, — ультиматум: или я буду участвовать в реализации задуманного им плана, и мой долг будет погашен, или, если откажусь, погибнут моя жена, дети, а потом и я... Таким вот образом я и оказался на вашей территории с проектом постройки казино. Как вы сами теперь понимаете, Николай Геннадьевич, этот план сработал. Переведённая сумма второго транша оказалась у меня. В Казани я вернул свой долг вместе с процентами.

Когда до сознания главы района дошёл весь смысл услышанного, сердце его забилось с невероятной часто-

той, а по спине скатилась струйка холодного пота. Он понял, что это всё, конец всей его благополучной жизни! И ничего теперь уже не исправить...

В комнате наступило затишье. Стал слышен шум проезжающих на улице автомашин, и даже жужжение мухи на оконном стекле, которая пыталась найти выход на волю. И в голове Землякова проскочила мысль о схожести сейчас его судьбы и этой мухи...

Затянувшуюся паузу нарушил стук в дверь, и в номер ворвались трое спортивного телосложения мужчин. У всех в руках были пистолеты. А за ними маячили ещё двое, они прикрыли дверь и остались в коридоре.

— Всем сидеть спокойно, без лишнего «шухера»! У кого есть оружие, холодное или огнестрельное, прошу выложить на стол! Но делать это медленно, не торопясь, если не хотите схлопотать пулю, — скомандовал один из нежданных гостей.

Находящихся за столом охватило оцепенение. Все молчали и не шевелились, переводя взгляды с дула пистолетов, на лица, державших их амбалов.

Глава района за всем происходящим наблюдал молча. Он первый раз в жизни явственно почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы, онемел язык, стали ватными ноги. В голове пульсировала только одна мысль: как бы из этой истории выкарабкаться живым и вернуться домой!

— Итак, на данном этапе у нас стоит нерешённым только один вопрос, — обратился один из амбалов к Землякову, — домой живым вернуться хотите?

Надо отметить, что Аллахвердян всё это время вёл себя нейтрально, он молчал, не отягощая своими возможными действиями судьбу своего несостоявшегося компаньона из Лесопильска...

— Теперь «рвите когти» из нашего города. И чем быстрее, тем вам же лучше. Надеюсь, что до конца истек-

Поз созвездием "Кедра"

шего дня мы вас уже больше не увидим? – подвёл итог встречи за круглым столом «самый разговорчивый» не-знакомец.

Его разбудила жена:

– Николай, вставай, я тебе уже завтрак приготовила! Иди, умывайся и садись за стол! Времени много, опоздаешь на работу!

Позавтракав, Земляков с тяжёлым чувством на душе пошёл на работу знакомой дорогой, чтобы и дальше руководить районом...

Как уверяли сведущие люди Лесопильска, всё-таки было возбуждено уголовное дело по факту злоупотребления главой района своими должностными полномочиями, которые привели к хищению денежных средств в особо крупном размере, и он был отстранён от занимаемой должности.

Но по окончании следствия Земляков к суду привлечён почему-то не был. А следствием аферы со строительством казино явилось то, что учителя, медики и другие бюджетники района на протяжении полугода не могли получить свою заработную плату, так как денежные средства, направляемые для этой цели из областного центра на счёт районной администрации, списывались Митрохиным в счёт погашения невозвратного кредита.

Через некоторое время прошли выборы, и на должность главы района был выбран бывший директор коммерческого банка «Север» Митрохин Пётр Павлович. Теперь уже ему пришлось выходить на крыльца перед зданием районной администрации на улицу к разгневанной толпе демонстрантов-бюджетников, чтобы как-то успокоить их, обещая в ближайшее время решить вопрос с выплатой заработной платы.

В итоге, эта затянувшаяся болезненная проблема, омрачившая жизнь районной власти, как застаревший

геморрой, была всё-таки снята. Учителя, медики, культура и физкультура получили свои деньги.

...Спустя много лет после этой истории, когда смешилось несколько первых лиц Лесопильского района, на фундаменте недостроенного казино появилось красивое здание двухэтажного детского сада на триста пятьдесят мест, с бассейном! Этому событию были рады все, и взрослые, и малыши, которым и дела не было, при каких обстоятельствах и какой ценой досталось городу «Северное сияние».

Такое название получил детсад благодаря фантазии местных градостроителей.

Поз созвездием "Кедра"

*Владимир
НОСОВ*

В ночном небе

Свой первый полет в качестве командира экипажа вочных условиях я выполнил на вертолете МИ-8 по маршруту Советский-Р.811-Советский.

Р.811 – это сокращенное название буровой вышки, полное ее название Ротор 811. На борту у меня было 14 нефтяников, следующих к месту работы. Они должны были сменить своих коллег, ожидающих законных выходных.

Для непосвященных скажу сразу, что с момента запуска двигателей и на протяжении всего полета экипаж и вертолет срастаются в единый организм, в центре которого командир экипажа. И вот получен ответ диспетчера: «Взлет разрешаю». А время словно замедляется, становится вязким, тягучим, потому что в процессе взлета мы осуществляем действий во много раз больше, чем в повседневной жизни. Отвечаю диспетчеру: «Взлетаем»... Двигатели, как верные кони, застоявшиеся в стойле, рвутся на свободу, чтобы вынести в небо всех, кто находится в вертолете. Так породистые рысаки в кураже поигрывают мускулами, демонстрируя свою мощь, и ждут, когда хозяин ослабит вожжи и даст команду: «Вперед, милые!».

В моих руках управление вертолетом, на мне наушники, микрофон, ноги на педалях, я плотно пристегнут ремнями к сидению. Через меня машина начинает видеть, слышать и обретает разум. Перевожу ее в разгон, и МИ-8 плавно набирает скорость, шлепая колесами шасси по взлетке, которая сейчас похожа на ярко освещенную дорогу, уходящую во тьму звездного ночного неба. Вертолет разгоняется, его скорость непрерывно растет, и вот она достигает такого момента, что ему уже не место на земле, и он отрывается от нее. Уходит вниз земля с ярко освещенной ВПП. Выключаем посадочные фары, они нам больше не нужны, погружаемся во тьму и переходим на полет по приборам. Сейчас нам практически ничто не напоминает о полете. Под нами черная мгла, а вверху – космическое пространство, усеянное звездами.

Ночью атмосфера спокойнее, чем днем, поэтому вертолет движется плавно, не шелохнувшись, словно он стоит на месте, в полной темноте, и только стрелки приборов напоминают о полете. Приборы извещают нас о том, что вертолет весом около 12 тонн несется в воздушном пространстве со скоростью более двухсот километров в час, что за бортом минус 30 по Цельсию, а курсовая система информирует, что мы движемся к конечной точке нашего маршрута. Полет проходит normally, диспетчеру сообщено расчетное время нашего прибытия на Р.811 и получена от него информация о заданной высоте полета, которую мы должны строго выдерживать, чтобы избежать столкновения с другими воздушными судами.

Мы в горизонтальном полете и позволяем себе немного расслабиться, комфортно откинувшись на спинки сидений. Бортмеханик достает термос с горячим чаем. Этот термос – наш постоянный спутник в летной работе, у него налет часов достойный ветерана авиации.

Поэзия созвездием "Кедра"

И вот термос открыт, по кабине растекается неописуемый аромат. Запах чая на земле и в воздухе – большая разница. Наверно, это потому, что наверху, в полете воздух чище и в нем отсутствуют наземные запахи, поэтому он бьет нам в ноздри всей мощью своего аромата.

Бортмеханик не спеша наливает чай в крышку термоса и протягивает мне, я кивком головы благодарю его и осторожно принимаю ее в свои руки. Первые глотки чая – первое блаженство, но при этом ни один из членов экипажа не отвлекся от полета. Глаза постоянно сканируют показания приборов, уши прослушивают звук работы винтомоторной группы, а наша пятая точка опоры в контакте с сидением чувствует малейшие изменения положения вертолета в пространстве...

Приближается расчетное время прибытия, и перед нами из темноты должны показаться огни буровой вышки. Они появляются, маленькие, крошечные, даже не верится, что там, где находятся они, бушует жизнь, а из недр земли выкачивается нефть, которая по трубопроводам растекается на тысячи километров по всей нашей огромной стране.

Мысли не о полете отвлекают, и экипаж сосредоточивается на предпосадочной подготовке. На эту буровую нам приходилось летать много раз и днем, и ночью, в простых и сложных метеоусловиях, и мы в мельчайших подробностях с закрытыми глазами могли представить ее особенности.

Вышка находилась в низине среди холмов, поэтому заходить на посадку приходилось, снижаясь вдоль их склонов, словно в яму, в котлован, на площадку 20 на 20 метров, сколоченную из бревен и покрытую досками. В зимнее время место посадки должно быть очищено от снега, а по его углам воткнуты в снег елочки. Елочки являются визуальными ориентирами для пилота, чтобы в условиях снежного вихря держаться за них

взглядом и не потерять пространственное положение вертолета. Кроме того, для выполнения ночных полетов площадка должна иметь необходимое освещение.

Чтобы осмотреть площадку я предварительно уменьшил скорость до 120 километров в час и с безопасной высоты удостоверился в готовности к нашей посадке. Площадка была расчищена от снега, а по периметру ее обрамлял снежный бруствер высотой около полутора метров. Можно приступать к предпосадочному маневру. Первый разворот, второй, третий, крен в процессе разворота выдерживаю 15 градусов, все выполняю точно, как предписывают летные документы. Буровая вышка осталась где-то позади, под нами снова темнота, вертолет словно останавливается в ночной мгле, и только стрелки приборов да вращающийся над нами купол звездного неба напоминают о том, что машина выполняет необходимые развороты для захода на посадку. А вот и четвертый, завершающий разворот, плавно выводжу вертолет из крена на посадочный курс. Настал очень важный момент: правильно войти в глиссаду.

Глиссада – это траектория снижения вертолета на посадочную площадку, она не должна быть ни крутой, ни пологой. Она должна быть правильной. Мне надежно вбили в голову отцы-командиры, в чем заключается смысл правильной глиссады. С глиссады вертолет, как с горки, скользит вниз прямо на посадочную площадку. И если она правильная, то в случае отказа двигателя или другой внештатной ситуации главное – сохранить параметры снижения, и вертолет точно попадет на площадку.

После выхода из четвертого разворота выполняю горизонтальный полет с посадочным курсом, это длится буквально секунды и когда посадочная площадка проецируется прямо передо мной на лобовом стекле в

Поз созвездием "Кедра"

нужном месте, я перевожу вертолет на снижение. Двигаемся в глиссаде, и мне остается только строго выдерживать параметры снижения.

Высота 100 метров, скорость 80 километров в час, вертикальная скорость снижения 2,2 метра в секунду, но ничего этого я не чувствую, потому что нахожусь в кабине вертолета, надежно защищающей от ветра, снега, дождя, от всего, что происходит за бортом, и при этом в ней тепло и комфортно.

Высота 40 метров, скорость 50 километров в час, вертикальная скорость снижения 2 метра в секунду. Снижаюсь параллельно склону холма, внизу в темноте уже просматриваются верхушки сосен, уже отчетливо видна посадочная площадка. И вдруг внезапно исчезает все, что я видел долю секунды назад, видимость ноль, передо мной только приборы. Мгновенная мысль: снежный заряд.

Такое метеоявление возможно, и ночью его можно не заметить, потому что отдельное облако в темноте не видно. И соответственно, снег, выпадающий из него пилоту незаметен. Такой снежный заряд может накрыть на любом этапе выполнения полета, но меня он накрыл в самый нежелательный момент. По летным законам в таких случаях рекомендуется прекратить заход на посадку и уйти на второй круг с набором высоты. Но я этого сделать не мог, так как там, в темноте, за струями снежного вихря, окутывающего вертолет, находился холм, который был выше нас метров на 50. Разгонять вертолет, при нулевой видимости в его направлении было бы самоубийством. Решение было только одно: сохранить параметры снижения, и если расчет правильный, то вертолет и при нулевой видимости должен попасть на площадку. Самое главное в такой ситуации – не терять самообладания, не паниковать и терпеливо ждать, когда появится земля, что бы выполнить посад-

ку. Сама ночь проверяла правильность моего расчета.

Вертолет снижался, а видимости все не было. Уже высота ниже сосен, которых не видно и вдруг в свете посадочных фар прямо передо мной появляется бешеный снежный вихрь, окутавший вертолет со всех сторон. Обычно этот вихрь поднимается винтом вертолета с посадочной площадки, когда она уже совсем рядом. Я чувствую близость земли, но не вижу ее. Интуитивно подхватываю вертолет органами управления для гашения поступательной и вертикальной скорости, и в этот момент чувствую жесткий удар основными колесами вертолета. Какое-то седьмое чувство подсказывает, что вертолет на посадочной площадке. Зажимаю тормоза, вертолет качнулся вперед и остановился. Кабина вертолета почти уперлась в снежный бруствер, тот самый снежный бруствер, который я разглядел, осматривая вертолетную площадку сверху, пролетая над ней перед заходом на посадку...

Дальше все как обычно. Пассажиры, не торопясь, вышли из вертолета, прячась от снежного вихря, поднятого винтами, в меховые воротники. Бортмеханик, вернувшись в кабину, буднично, без эмоций произнес: «Командир, буровики просили передать, что нам бы дрова возить, а не людей...». Я в ответ киваю, мол, согласен и даю команду: «Взлетаем, экипаж – домой!».

*Сергей
ЗУБКОВ*

Гаснет в печурке огонь,
Ветер за стенами, снег...
Ты мое сердце не тронь,
Я придержу его бег.
Сяду поближе к огню,
Пламя согреет мне грудь,
Нужен же отдых коню,
Нужно и мне отдохнуть.
Сердце – норовистый конь –
Мчалось сквозь годы в карьер,
Подлости ранил огонь,
Лжи на пути встал барьер.
И перед мерзостью той
Взвился мой конь на дыбы,
Как одолеть мне, скажи,
Эту преграду судьбы?
Как же мне веру вернуть?
Жить без друзей и подруг?
Холодом скована грудь –
Сволочь – единственный друг.
Страшный барьер – эту ложь –
Не одолеть мне вовек,
Ты мое сердце не трожь,
Я придержу его бег.

1972 г.

Мои мечты

Убежать бы в туман березовый,
Что застыл над родной рекой,
Проводить бы закат там розовый,
Обрести тишину и покой.
Подсмотреть над речной излучиной,
Как сгибает траву роса,
И душою больной, измученной
Слушать Родины голоса.

1972 г.

Города покидаем
Без полемик и споров,
Мы себя проверяем
На таежных просторах.

Обросли бородами,
Руки грубы от тросов.
Месим грязь сапогами
В колеях плетевозов.

На ветрах не страдаем,
Не боимся морозов.
Через топи шагаем
Мы без лишних вопросов.

Промеряем шагами,
Не пикетами, метры.
Остаются за нами
Новых трасс километры.

Звезд с небес не хватаем,
Громкой славы не просим,
А свой след оставляем
В виде трассовых просек.

Поз созвездием "Кедра"

Мы тайгой закаляем
Свою душу и нервы,
А судьбу разделяем
Только с теми, кто первый.

Рональду Рейгану

Ревет в тайге надрывно КрАЗ,
Стрекочет вертолет,
За нами вслед – сибирский газ
По трубам здесь пройдет.
Пусть заливает пот глаза
И некогда вздохнуть,
Мы через топи и леса
Проложим трассе путь.
Пусть все болота против нас,
Мы через них пройдем,
И наш советский мирный газ
Придет в немецкий дом.
За океаном дядя Сэм
Грозит в который раз,
Он запрещает вся и всем
Принять советский газ.
И нам, желая всяких кар,
Взвывает всем назло,
Что лучшее ядерный пожар,
Чем русское тепло.
Да было б слушать нам кого?
В болото психа крик:
Плюёт на санкции его
Любой наш трассовик!
Мы сквозь тайгу, родная, знай,
Идем сейчас не зря.
Все дети греются пускай
У нашего огня.

1982 г.

Бригаде Ю. М. Чеха

И опять под ногами «играет» труба,
И уходит все глубже под воду,
Не боятся ребята любого труда,
Мы на трассе в любую погоду.

К пригрузам мы привычны и ночью, и днем,
Тихо звякают траверсы цепи,
Как отцы наши дружбу крепили огнем,
Так и мы ее Севером крепим.
Прокалены пургой и кровлены мошкой,
Крепче дружбы, друзья, не бывает,
И в бригаде у нас не найдется такой,
Кто о друге своем забывает.

1982 г., Трасса Уренгой-Помары-Ужгород

Затих гул вертолета над площадкой,
Растаял напрочь в выси голубой.
И от парней таясь, вздохну украдкой –
Еще не скоро встретимся с тобой.
Суровые, чуть грубые мужчины,
Им по плечу тяжелый труд и гнус.
Спиной своею чувствуя их спины,
И я с тайгою спорить не боюсь.
Они с тобой порой попутят грубо,
Ну а когда в работе горячо,
Ценить умеют крепко руку друга,
Товарища надежное плечо.
Здесь пенят крепко стиснутые зубы,
Ту сигарету, что без слова «дай»,
Гитары струны каждому здесь любы,
Но нюни лучше тут не распускай.
Не смей болтать, как сильно ее любишь,
О детях как печалишься в слезах,

Поз созвездием "Кедра"

Иначе, парень, ты в ответ получишь
Презрение у каждого в глазах.
Любой из них, быть может, крепче любит
И слово «папа» дольше не слыхал,
Но он о том рассказывать не будет,
Чтоб рядом с ним другой не завздыхал.
Лишь здесь мне слово «мужество» простое
Понятно стало. Признаю свой грех,
Великое достоинство мужское –
Скрыть боль, а радость разделить на всех.

1983 г.

Трасса

Она уходит вдаль, стальная нитка,
В двух метрах под тобой погребена.
Она твой первый взлет, твоя Магнитка,
к душе твоей на век приварена.

Ты здесь стоишь, идет прокачка газа,
Турбины на компрессорной шумят,
А ты стоишь, не можешь так вот сразу
Ни сердце оторвать свое, ни взгляд.

Там за холмами топкое болото,
Где в сорок провалились в январе,
Где открывая в мужество ворота,
Ты цену ей познав, познал себе.

Любую плеть, все эти километры,
На ощупь знаешь, сердцем к ней привык,
А там, где стройные застыли кедры,
Сварил свой первый в жизни красный стык.

Ты – трассовик, и долго будут сниться
Ещё тебе ее стальные швы,

Ты оставляешь здесь души частицу,
И оттого глаза твои грустны.

Пора идти. Как будто в поле клевер –
Дрожит сосняк на северном ветру
И ты идешь, опять идешь на Север,
Чтоб рядом проложить ее сестру.

1983 г.

Мария
Верхнекондинской
казачьей станицы

Нам с тобою сердце приказало
Возродиться, встать плечом к плечу.
Нас с тобою Родина позвала,
Ей за веру жизнью заплачу.

Мы России в вере присягали
На булате личного клинка.
За Россию деды воевали,
Прславляя Родину в веках.

Пусть и ныне блеск казачьих шапек
Повергает в панику врага.
Славу дедов и России нашей
Не сдадут казаки никогда.

Пусть увидят те, кому неймется
Посягнуть на наши города,
Вновь в России стяг казачий вьется,
И Георгий с нами навсегда!

*Павел
ХЕЛИН*

За витриной супермаркета

Этот день не отличался от десятков, даже сотен других, пережитых Иваном Долгоруковым, обычным грузчиком в торговом центре. День не был праздничным, ярким или каким-то сверхсобытийным. Самый обычный рабочий день, начавшийся в 9 утра и закончившийся в 8 вечера...

Итак, как обычно, в половине восьмого утра в комнате Долгорукова загремел будильник. Судорожно проснувшись, Иван отключил ненавистный аппарат, перевернулся на другой бок и снова погрузился в мир красочных сновидений о дальних странах, несметных богатствах и безграничной свободе. Но через 10 минут ужасный звонок повторился. Долгоруков вскочил с дивана и, шатаясь, побрел к выключателю. Крепкий кофе и плотный завтрак помогли Ивану окончательно проснуться и прийти в себя. Он неспешно оделся, вышел на улицу, на несколько секунд задержался на крыльце и отправился туда, где ему предстояло провести ближайшие 11 часов.

В 8.50 Долгоруков был на рабочем месте и приветствовал коллегу-грузчика Алексея Хребетникова, а также продавцов, менеджера, товароведа и, наконец, директора магазина. Закончив с формальностями, Иван и Алексей взяли в руки метлы и лопаты и отправились на

улицу – за ночь крыльцо и прилегающую территорию изрядно замело. Проходя мимо кассы, Долгоруков оседлал свою метлу и пригласил продавца Светлану прокатиться по свежему снежку, но та с вежливой улыбкой отказалась, покрутив при этом пальцем у виска.

Во время уборки снега коллеги задавали друг другу дежурные вопросы о том, кто и как провел вчерашний вечер, а в ответ слушали одинаковые, краткие истории про ужин, душ и любимый диван. Рассказывать ни тому, ни другому было просто нечего. Привычное течение времени нарушил непонятно откуда взявшийся человек, который с неподдельным интересом наблюдал, как грузчики борются с капризами природы. Было видно, что незнакомец стремится завести с ними беседу. Так и вышло:

– Здорово, мужики!

– Доброе утро! – почти в унисон и, не прекращая работу, отзывались грузчики.

Незнакомец не унимался:

– И сколько вы за это получаете?

– Да мало, всего 16 тысяч, – ответил в миг погрустневший Хребетников.

– Не слабо! – глаза чудака расширились от удивления, – я вот тоже дворником работаю, мусор собираю, но имею всего 12.

– Но мы не дворники. Мы грузчики, сборщики мебели, иногда – консультанты. Разгружаем машины, выносим товар в торговый зал, отмеряем, отрезаем и скручиваем в рулоны напольное покрытие. В общем, выполняем всю тяжелую работу.

– А, понятно, – несколько разочарованно выдохнул незнакомец и через пару секунд продолжил, – мне тоже нелегко приходится. Я катаюсь с водителями по всему городу и за всеми мусор собираю. Возле каждого контейнера. А их вон сколько по улицам...

Грузчики большую для дворника тему городского благоустройства развивать не стали. Отделавшись от

Поз созвездием "Кедра"

навязчивого собеседника, они вернулись в магазин. А вскоре на пороге появился водитель Василий. Слегка опухший и с недельной небритостью он не был похож на того убежденного трезвенника, каким и являлся на самом деле. На это обратили внимание все, а Светлана удивленно ахнула:

— Вася, тебя сегодня никто в трубочку дышать на дороге не заставлял? Откуда ты такой помятый?

— Из наркологии сбежал, — сверкнул зубами водитель.

— Ты бы хоть побрился что ли.

— Нечем мне.

— Как нечем, — вмешался Хребетников, — у нас же топоры в продаже имеются. И пена, кстати, тоже. Правда, монтажная.

— Про паяльные лампы не забывайте, — поддержал общее веселье Долгоруков.

— Смейтесь, смейтесь, — еще шире улыбнулся Василий. — Сейчас все вместе посмеемся — добро пожаловать на разгрузку фуры с товаром.

В подвале торгового центра грузчики принялись выполнять привычную работу, и часа через полтора прицеп автомобиля был пуст. Коробки с товаром заняли свои места в складском помещении. Товаровед принял ся наклеивать ценники в соответствии с накладными, а грузчики отправились в комнату отдыха попить чайку.

Едва они успели опустошить кружки, их вызывали в мебельный отдел. Загрузив в машину покупателя приобретенный комод, Долгоруков и Хребетников сразу принялись разносить товар из подвала по залам. В один из многочисленных «рейсов» Алексей ударился лбом об низкий лестничный марш.

— Черт побери! Хорошо, что я в каске!

— Ну да, были бы мозги, было бы сотрясение, да? — Иван шел позади и видел момент столкновения.

— Сам дурак! — бросил через плечо Алексей и продолжил движение.

Беготня вверх-вниз заняла около двух с половиной часов. Когда же задача была выполнена, Иван присел на табурет, расслабился и почувствовал сильный голод. На кухне он достал из холодильника контейнер с обедом. Но только поместил еду в микроволновку, как раздался зов из торгового зала. Предстояло замерить, отрезать, свернуть в рулон, упаковать и погрузить в автомобиль напольное покрытие, приобретенное очередным покупателем. Это заняло некоторое время. Вернувшись на кухню, грузчик снова разогрел свой обед.

– Иван, скажи, у тебя есть какое-нибудь образование? – нарушила тишину продавец Светлана, присоединившаяся к Долгорукову на кухне.

– Разве имея его, я сюда пришел бы? – Иван будто ждал этого вопроса. – Одиннадцать классов, два незаконченных университета, удостоверение монтажника – вот и все мое образование.

– Ты говорил, что состояние здоровья не позволяет тебе и дальше строить. Но почему бросил учебу? – не унималась Светлана.

– Причины разные: нехватка финансов, времени, рьяные действия военкомата. И, наверное, главное – собственная лень. Нужно было быть более упорным и целеустремленным.

– Ясно. Что ж, я пойду в зал. Приятного аппетита!

– Светлана напоследок улыбнулась и покинула кухню.

…Работа с покупателями затянулась на несколько часов с небольшими передышками. Переместив очередной рулон линолеума, грузчики присели на него.

– У меня, кажется, руки до колен вытянулись, – посетовал Иван, – такой труд превращает меня обратно в обезьяну.

– Ну, дак не зря же ты – Долгоруков. – Алексей с хрустом потянулся. – Ладно, пойдем, попьем чаю.

К вечеру поднялся сильный ветер, повалил мокрый снег. Ненастье внесло свои корректизы в работу торго-

Поз созвездием "Кедра"

вого центра. Поток посетителей заметно ослаб, а затем и вовсе иссяк. И у сотрудников появилась возможность пообщаться. Даже продавец из мебельного отдела Валентина спустилась со второго этажа поддержать беседу. Она с восторгом рассказывала о своем недавнем отпуске, который провела в Петропавловске. Майка, ее напарница, вдруг спросила:

— А где находится этот Петропавловск?

— Ты что, не знаешь? Ты с ума сошла? — Валентина рассмеялась и повернулась к Долгорукову: — А ты знаешь? — И не дожидаясь ответа, сама сделала вывод: — Хотя откуда тебе знать? Ты ведь грузчик, а не учитель.

— Действительно, все, что я знаю — с какой стороны пойдти к линолеуму или мешку с цементом, — Ивана ничуть не задела ирония слегка высокомерной собеседницы.

Закончив рассказ о себе, Валентина переключилась на своих подруг.

— Недавно одна моя приятельница ездила то ли в Прагу, то ли в Польшу, я точно не помню. Хотя, нет, вспомнила, в Чехии она была. Говорит, очень не понравилась ей местная кухня.

— Вообще-то Прага находится как раз в Чехии и является ее столицей, — не выдержал Долгоруков.

— Надо же, а у нас грузчики-то еще что-то знают, — съязвила Валентина и, видимо, обидевшись, не спеша отправилась на свое рабочее место.

Образовавшееся молчание нарушила Светлана:

— И все-таки, Иван, почему ты не продолжил учебу в университете?

— Я из большой семьи, очень небогатой. Обучение, проживание в большом городе стоит немалых денег. Предполагал, что после армии поступлю на заочное, но... Тяжелая работа всегда затягивает всерьез и надолго. А теперь уже и смысла нет жалеть о чем-то.

— Теперь пашешь, как проклятый, таскаешь тяжести

на собственном горбу. Я всегда считала, что такая рабо-та для необразованных дурачков.

– Но если бы все имели высшее образование, кто бы тогда работал? Получается, самим начальникам и пришлось бы выполнять самые сложные и грязные дела, или нанимать совсем ничего не соображающих «господ». А если бы на ответственной работе были заняты сплошь недалекие люди? Как думаешь, что бы они произвели или построили?

– В принципе, да. Но все равно что-то не то. Далеко не каждый способен даже поступить в вуз. А если есть задатки, почему бы их не использовать? – продолжала настаивать Светлана.

– Знаешь поговорку: скупой платит дважды. С ней я не совсем согласен. Если ее перефразировать, то получится выражение, на мой взгляд, более верное: ленивый пашет вдвойне. Не выполняя вовремя домашние задания в школе, я в конце каждой четверти не спал ночами, исправляя двойки. Это распространилось на всю дальнейшую жизнь. Поленился вернуться в универ или просто заняться поиском достойного применения своих сил, и вот итог: уже 15 лет зарабатываю на жизнь физическим трудом.

На несколько минут этот разговор прервала пожилая пара, заглянувшая за покупками. Обслужив их, Светлана продолжила допрос:

– Разве нормально, когда умные люди не находят себе достойного применения и вынуждены горбатиться за гроши?

– Это проблема общества, которое допускает социальное расслоение. Но где ты увидела умного человека? Мало иметь мозги, надо еще и уметь ими пользоваться. Ум должен не просто присутствовать. Он должен быть еще и крепким, и сильным. У меня этой силы нет.

– Так ты, получается, слабоумный что ли? – вмешалась в разговор Хребетников.

Поз созвездием "Кедра"

— Выходит, что так, — согласился Долгоруков. — Настоящая сила человеческого ума не в его природных возможностях и талантах, а в наличии искренних стремлений и способностей принимать единственно верные для себя решения. Я никогда не знал, к чему мне стремиться, не пытался заглянуть в будущее, чтобы его как-то обустроить. А с выбором у меня вообще полная катастрофа: какой бы путь я ни избрал, он обязательно оказывался неверным. Но все-таки нужно ждать перемен в обществе, когда оно поймет, что все профессии важны. И трудиться легче людям будет, и финансовый вопрос перестанет душить так сильно простых работяг.

— Уже половина восьмого, — перебил Хребетников, — нам пора подготовить товар на завтрашнюю доставку...

По дороге домой Долгоруков как обычно зашел в продуктовый магазин и ближе к девяти был уже в своей комнате. Включил телевизор, уселся на диван и несколько минут просто сидел, легко массируя потяжелевшие руки и ноги. В голове крутилась лента событий минувшего рабочего дня: утренний разговор с незнакомцем, озадаченные, но вполне счастливые лица посетителей торгового центра и разговоры «за жизнь» с коллегами.

Почувствовав призывное урчание в животе, Иван разогрел ужин и поборол голод так, что некоторое время просто не мог подняться из-за стола. Потом он взялся за приготовление еды на завтра — чтобы было чем подкрепиться утром, взять на обед и оставить на ужин. Когда все было готово, осталось еще одна обязательная процедура — душ. Струйки воды приятно помассировали и расслабили уставшее тело. Вернувшись в комнату, Иван рухнул на любимый диван и снова погрузился в размышления: «Может, посмотреть телевизор или почитать что-нибудь? Нет. Уже поздно. Завтра на работу. Пора спать».

*Максим
КРЮКОВ*

*Я так не хотел
уезжать*

Время проходит быстро,
Куплен уже билет.
Час расставаний близко,
Альтернативы нет...

Там меня ждут не меньше,
Чем будут здесь скучать.
В удавке сомнений шея –
Я так не хочу уезжать...

Поезд, друзья и пиво,
Вроде, – чего желать?
Сотни дорог открыты,
Но я не хочу уезжать...

Вот я уже в вагоне,
Сердце стучит в висках.
Машут рукой с перрона,
Глаза любимой в слезах...

Поз созвездием "Кедра"

Память везу и только –
Больше с собой не взять.
Слишком пробыл здесь долго...
Я так не хотел уезжать...

Будет дождь

Посмотри –
Это растет луна.
Грядет время воды...
Посмотри –
Это грядет весна,
Это не знак беды...

Ты один –
Слушаешь скрипты снов,
Ночь не допьешь до дна...
Ты один
И не находишь слов,
Но это не беда...

Просто будет дождь...
Завтра будет дождь...
Завтра будет...

Ворон и воин

Снова битва за правое дело,
Снова правда с обеих сторон,
Снова падает тело за телом,
Снова стая голодных ворон.
Вот уж битва идет много суток,
Все подходят на помощь войска,
Воин вновь заносил свою руку,
И не знала пощады рука.

Меч отбросил – живых не осталось...
От усталости клонит к земле.
Нет живых... Он один... Как же стало?
Лишь тела на вороньем столе.
Богатырь сел на щит и заплакал,
Он не знал вкуса слез никогда.
Слезы с кровью смешались на латах:
«Почему смерть меня не взяла».

Поле брани пропитано кровью,
Старый ворон и тот не кричит.
Чтобы так разыгралася бойня –
У стервятника сердце болит.
Взгляды встретились – ворон и воин,
И признали друг друга они.
Оба! Оба всю жизнь свою моют:
Один – меч, а другой – клюв в крови.

Мой дом

Я еду домой, я в смятенье,
Я очень тоскую и жду
Счастливого сердцу мгновенья.
Мой дом, жди меня! Я иду!

Откуда-то страх подкрадется,
Но он не мешает мечтать:
Услышу, как утром проснется,
Первой, конечно же, мать.

Следом за ней встанет папа,
Я притворюсь: крепко сплю
Вставать не хочу и не надо...
«Вставай!» – «Покажите меню...»

Поз созвездием "Кедра"

Мы посмеемся и будем
Вместе на кухне сидеть.
В глазах я читаю: «Мы любим!»
И сердце мне шепчет: «Ответь!»

Мама посмотрит так нежно,
Взгляднет с прищуром отец.
А за окошком все снежно...
Здесь наш уюта ларец.

Дома! Я дома, родные!
Как я хочу вас обнять.
Вы навсегда молодые,
Хоть седины не отнять.

Как я люблю это место,
Нет, так сказал просто листец.
Если от чистого сердца:
Дом там, где мать и отец.

Вальс скользящего времени

Над суетливостью дня,
После бессонницы ночи,
Что-то удастся понять
Вдруг, невзначай, между прочим.

Между иллюзий бродить,
Кайся ты или не кайся,
Нам не дано обронить
Призрачного – останься...

Времени, скользящему...
В темпе вальса...

Будет история тлеть,
В собственных недомолвках
И исподлобья глядеть
В будущее с книжной полки.

И на страницах в пыли
Ты отыскать не старайся...
Нам не дано обронить
Призрачного – останься...

Времени, скользящему...
В темпе вальса...

Там на краю тишины,
Стикс огибает преграды.
Там гребень каждой волны
Смерти поет серенады.

И на одном берегу,
Путаясь в собственном танце,
У вечных врат на виду

Время скользит
в темпе вальса...

*Амир
КАРИМУЛЛИН*

С папой в лес

Шел домой, увидел наш местный музей, который был в красочных баннерах с надписью «Картины местных художников». Маленькое здание, снаружи обшарпанное, но внутри уютное. При входе посетителей встречала бабушка Валя. Старенькая, в морщинах. Я поздоровался с ней, перекинулся парой слов и прошел в зал.

Картин было много, ни одна из них не была похожа на другую. Казалось, что вот-вот вылетят птицы и пролетят мимо. Но художник заточил их в картину: «Быть вам здесь навеки». Безжалостный и коварный... кто же ты, местный художник?

Картина второго художника – необъятное море вскипает, поднимаясь вверх, пугает своим беспокойным поведением, и песчаный берег, который противостоит стихии. Солнце скрылось за облаками, только лучики его проскользнули сквозь тучи.

А вот наш сосед нарисовал натюрморт. Он мне часто рассказывал, что скоро станет известным художником. С улыбкой я говорил ему: «Конечно, станешь». И вот теперь его картины висят не в самом большом музее, но все-таки они здесь, и это имеет значение, по крайне мере, для него. Все больше и больше мне казалось, что я

нахожусь то на берегу моря, то в джунглях, то на необитаемом острове.

Проходя мимо картины уже другого живописца, я вздрогнул: снег, у охотника в руках ружье, его палец вот-вот нажмет на курок и выстрелит в зайца. Тот убегает от охотника. Ему главное – выжить. Охотник стоит спиной к посетителям музея. Мне бы посмотреть тебе в глаза: что же ты делаешь?

Воспоминания всплыли сами собой: день, когда отец взял меня впервые на охоту. Мама была против, но мы ее уговорили. Папа собрал походный мешок, который всегда брал с собой в лес, взял свое ружье. Мы сели в старенькую «Ниву» и поехали. Как сейчас помню: зима, мы едем далеко в лес, проплывая мимо деревьев. Ехали долго. Примерно три часа. И вот приехали. Я в первый раз увидел зимний лес. Он мне показался таким своим и родным. Так веяло теплом. Большие деревья, как братья, звали меня к себе: давай поиграем, кидай в нас снежок.

Мимо пробегал заяц. Сначала он пробежал возле сугроба, потом выбежал из-за него. В это время все мое внимание было на отце, который легкой рукой достал ружье, прицелился и... промахнулся. Пуля прошла недалеко от зайца. Мое сердце сжалось от страха. Секунды не прошло, как заяц скрылся. По моим щекам полились слезы. Я врезался всем своим телом папе в ногу. Комок обиды был в груди. И я смог только заорать:

– Папа, папа! Не надо, не надо никого убивать! Поехали домой!

Он увидел меня в первый раз таким испуганным, но смелым. Он взял меня за руку. И мы пошли в машину.

И уже прошло лет тридцать после этого, а у меня все еще наворачиваются слезы от этих воспоминаний. Насколько я помню, он больше не ездил на охоту. Или просто не говорил мне.

Мой любимый автомобиль «Москвич»

Мне было 10 лет, когда я начал смотреть на эту груду железа, которая стояла у нас в огороде. Забираясь внутрь, где были только сиденья и руль, представлял, что я на каких-то гонках и мысленно всегда приходил первым, потом мне вручали медаль, – все, как в фильмах: вот вылетает пробка от шампанского... Или я, утопая в своих фантазиях, просто мчался по трассе, и мне ничего не нужно было, только немножко помечтать.

Когда я чуть повзрослел, стало интересно: почему «Москвич» стоит без колес, без дверей?

Мама рассказала быстро и без каких-либо подробностей: ее родители накопили денег – бабушка хотела купить лошадь, но дедушка всеми правдами и неправдами уговорил, чтобы они взяли машину. Эта машина прослужила им долго.

Но как-то, когда они собирались в гости, выезжая из деревни, дедушка не справился с управлением, машина вылетела в овраг. Все, к счастью, отделались только ушибами.

Еще рассказала мама, как она на этом «болиде» расекала воздух, и асфальт под колесами горел.

– Молодость это самое прекрасное время, что есть у нас, – говорит мама.

На данный момент я живу в городе и недавно только узнал, что мой вымышенный «болид» с огорода сдали в металлолом. И я вспомнил, какой я был в 10 лет гонщик.

А первая моя машина тоже была «Москвич». Может, это совпадение, а может, просто случайность...

Про альбом со стихами

Я до сих пор пишу, как курица лапой. Меня с моим почерком можно отправлять в разведку, враг ни за что не разберет зашифрованные мною каракули.

Мама, когда видит мой почерк, все время рассказывает про моего дедушку. Как он писал, обводя каждую букву, и каждую букву можно было выставлять в музее. Как он был в армии писарем, потом работал в паспортном столе тоже писарем.

Я думаю, чтоб так писать, нужно любить и восторгаться каждой линией каждой прекрасной буквы.

Мама показала блокнот, в котором дед писал стихи её молодой маме – так он признавался в любви к своей жене, моей бабушке.

Когда открываешь этот альбом со стихами, видно, что почерк и каждая буква уже были произведением искусства.

Переворачивая страницу за страницей, я невольно становился вовлеченным в маленькую историю про любовь. И это самое прекрасное чувство.

Этот блокнот сохранился до сей поры, он лежит у мамы на чердаке, я каждый раз, как начинаю писать, все время вспоминаю про этот блокнот.

Пытаюсь писать как дедушка, но безуспешно.

Игорь КОВРИЖНЫХ

Мужчинам больно не бывает,
Они не плачут по ночам,
Они, как свечи, угасают, к своим
Отпущенными годам.

Мужчинам не бывает страшно,
Они не чувствуют печаль,
Покрылся серебром? И ладно!
Их жизнь торопит к праотцам.

И им неведома обида,
Они не терпят громких слов,
Хоть жизнь их прахами покрыта,
Мужчины чувствуют любовь.

Прочесть бы с тобой сотни книг,
Укутавшись в теплый плед,
Нежно и сильно обняв,
Закрыть ото всех проблем.

Прожить бы одну с тобой жизнь,
В которой есть только ты,
В которой нам нужно одно –
Друг другу дарить тепло.

И спорить с тобой по утрам
О разных и праздных вещах,
Но клятв своих не забыть
И данное слово держать.

А если случится вдруг
Разлука на месяц, на год,
Я буду хранить всё тепло,
Что сердцем твоим отдано.

Счастье – это когда ты рядом,
Вдыхать запах твоих волос.
Счастье – это когда не надо
Отвечать на немой вопрос.

Счастье – это когда ты нужен,
Это блеск возлюбленных глаз.
Счастье – это когда замучен
От твоих ненасытных ласк.

Счастье – это когда проснешься,
Не разбудив, уходить в рассвет.
Счастье – знать, что вернешься,
И в окне не погаснет свет.

Счастье – это когда синхронно
Говорим простые слова.
Счастье – знать, что ты улыбнешься,
Обнимая, целуя меня.

Счастье – это когда несложно
Быть собой, говорить, как есть.
Счастье – без тебя невозможно,
И спасибо за то, что есть!

Лидия
БЕЛОВА

Ты забыл

Помните, как раньше, в детстве, вы гуляли с родителями по парку, как мама читала вам сказки на ночь, а папа учил забивать гвоздь? Тогда всё было по-другому, и это заставляет задуматься: а что мешает сейчас нам снова встретиться с семьей, сесть за большой стол, выпить чаю и поговорить о грядущем? И причиной нашей «занятости» являются мы сами. В этой гонке, которая непонятно к чему ведёт, мы просто уже загнались и забыли, что намного важнее всех наших дел – семья. Любимая мама, которая варит самый вкусный борщ на свете, самый сильный пapa, который никогда не даст вас в обиду, самая ласковая бабушка, которая вяжет тёплые носочки, и самый весёлый дедушка, который многому вас научил, – они всегда будут с вами и придут вам на помощь в любое время, и для них вы всегда будете лучшими, независимо от того, сколько вам лет.

Но семья это не только круг близких вам лиц. Родным, любимым человеком, который будет вам помогать и всегда приходить на помощь, может быть и ваш друг. Да, неотъемлемую позицию в нашей жизни занимает дружба. Некоторые не могут найти понимания и поддержки ни в ком. Бывают случаи, когда и родители, не

воспринимают друзей, считая, что дети не нуждаются в посторонней поддержке. Конечно, очень хорошо, если ваши родственники всегда с вами и за вас, но, к сожалению, такое бывает не во всех семьях, и это печально. И именно тогда в нашей жизни появляется друг. Человек, который за весь период вашего общения ни разу не упрекнёт вас, не поспорит и не осудит вашего выбора. Он будет с вами до конца: и в горе, и в радости, и в снежный, и в солнечный день – именно друг, так же как и вы будет радоваться всем вашим, пускай даже незначительным победам.

Бывает, что прежде чем мы найдём свою родную душу, своего друга, мы пройдём через многое, поучимся на многих ошибках и поймём, что не все люди, что мило и приветливо улыбаются нам по утрам, и есть наши друзья.

Кто бы это ни был, если вы чувствуете себя рядом с этим человеком комфортно, вы уверены, что ему можно доверять. Если понимаете, что это ваше родное, то определенно, со стопроцентной уверенностью можно сказать, что этот человек – часть вас, часть вашей жизни, часть вашей души.

Волшебное время

Вот у вас бывало такое, что сидишь, думаешь о чём-то своём и понимаешь, что тебе не хватает чего-то новенького. Каждый раз в конце осени я задумываюсь об этом. Как ни странно, что-то «новенькое» приходит само, каждый год в одно и то же время, и я сейчас говорю о зиме. Не могу описать это чудесное, восхитительное, волшебное и незабываемое время одним словом.

Начнём по порядку. Там, где я живу, зима приходит раньше обычного, а точнее, не приходит, а просто иногда заглядывает в гости. Мелкий снежок в конце октя-

Поз созвездием "Кедра"

бря, свежий зимний ветерок, всё это как напоминалка о том, что скоро зима переедет к нам на целых 3 месяца и будет радовать каждый день. А чем же радовать – спросите вы? Какая радость в уборке снега, многослойной одежде, холода? А я могу смело заявить, что это и есть начало волшебной сказки.

Бот идёшь по улице, смотришь на людей: все одеты в тёплые шубы, куртки, шарфы и шапки, торопятся быстрей прийти домой, согреться, поделиться новостями с домочадцами, а сами того не замечают, что упускают из виду такое чудо.

Снежинки словно под нежную мелодию вальса спускаются вниз, и очень разные они все, как и мы с вами. Посмотришь поближе на одну – она остренькая, стройненькая. А вон и вторая летит, смотрите, какая пушистая, мягонькая. И все они соединяются вместе, в итоге получается снежок, беленький, холодненький.

Когда проходишь по только что выпавшему снегу, складывается впечатление, что он что-то говорит. Свои хрустом. Будто желая доброго утра или приятного, тёплого, уютного вечера.

Я не знаю, может, у меня одной так, но уборка снега совершенно не тяготит меня, даже наоборот. Вот случился у вас какой-нибудь неприятный день, и мысли все спутаны, не знаете, как поступить, а вы выйдите вечерком на улицу, поразгребайте лопатой снег, и мысли, словно по полочкам, сами разбегутся. И все проблемы решились. Не помогло?

Хорошо... Сейчас что-нибудь придумаем. А пробовали ли вы на санках с горы кататься, лепить снежные фигурки! А на коньках хоть раз каталась? В снежки играли? Это лучший антистресс. Мигом перестанете горевать. Что, и сейчас не помогло? Так-так, немедленно включайте ваш любимый фильм, зажгите свечу или гирлянды, налейте ароматный, вкусный ваш любимый

чай, укутайтесь в плед и на некоторое время погрузитесь в тепло и уют.

Ну уж на крайний случай, когда совсем никак и ничто не помогает, начните готовиться к Новому году, да, да, вам не показалось, даже если на дворе только 1 декабря, смело доставайте ёлку, игрушки и украшайте, украшайте! Можно и подарочки подготовить, чтобы за день до их вручения не носится впопыхах и не думать в муках, что подарить. Ну, всё, теперь у вас обязательно будет тепло и уют на душе, проблемы будут казаться не такими уж не решаемыми, и, приходя домой после вечерней прогулки, вы не будете жаловаться на морозец, а наоборот будете рады холоду, благодаря которому ваши щёчки такие румяные, и настроение такое приподнятое!

*Содержание***Борис Карташов**

«Там, где не было следов»

4

Владимир Фомичев

«Арантур»

14

«Тайга – мое место работы...»

15

«Дважды рожденный»

16

«Таёжные поэты»

16

«Цивилизацией сырый...»

17

«Песня первопоселенцев»

18

«Друг, Советский район...»

18

Владимир Волковец

«Директор муравейника»

20

«Кирилка»

21

«Счастливое негодование»

28

«Стрекозы»

29

«Ночные дожди»

29

«Внук»

30

«Лесная лужа»

31

Александр Губанов

«Сын»

32

«Стихи на моё 25-летие»

33

«Реки – из берегов...»

38

Станислав Юрченко

«Вокзал»

39

«Послевоенные мальчики...»

41

«Февраль»

42

«Рискует каждый, кто живёт...»

43

«Отчаянные холода...»

45

«Я снова возвратился в этот город...»

46

«Живёшь, не чувствуя часов...»

47

«Судьба»

48

Владимир Кочкаренко

«Наедине с Пушкиным»

50

«Михайловское – Ссылка...»

51

«Следы воды»

52

«Время неостановимое...»

53

Олег Ермолаев

«Березы»

54

Александр Смирнов

«Горечь»

55

Эдуард Баталин

«Мой герой»

58

«Письмо матери»

58

«Весна»

60

«У кузницы»

61

Леонид Сташкевич		
«Ждите белых журавлей»		62
	<i>Тихая малая Родина</i>	
Людмила Ветрова		
«Птички зимние»		66
«Это – небо, сынок, это – птички...»		67
«Опираясь на тонкую тросточку...»		67
«Я люблю этот маленький дом»		67
«Кошка на дереве»		68
«Дедушка»		68
«Интервью с воробьём»		69
Галина Логачева		
«Записки из церковной лавки»		70
Светлана Пахтышева		
«Несерьезно, несерьезно...»		83
«Упрямый надлом бровей...»		83
«Голова»		84
«Солнце спит»		84
«Кто-то»		85
«Легкие-прелегкие стихи...»		85
«Выбор»		86
«Солнышко»		86
«Апрель»		87
Константин Мурзин		
«Необъятного не объять»		88
«Камень с души»		90
«Странничка из мемуаров Сидорова»		98
«Поезд домой»		103
«Единство и борьба противоречий»		106
Юрий Григорьев		
«Штиль»		112
«Надежда»		112
«Лето»		113
«Деревня»		114
«Вечер»		114
«Предкам»		115
Олеся Любушкина		
«Золотыми монетами осень...»		116
«Вечерами не спешу идти с работы я...»		116
«Хватит быть далеко!...»		117
«Так хочется тебя увековечить...»		118
«Моя родина – Югра»		119
Павел Павленко		
«Пластилин»		120
«Мечтая о море»		122
«Гармошка»		127
Александр Загоровский		
«Я просто Шура. Шура Балаганов»		131
«Разговор с Бушем»		132
«Шаолинь»		133

Поз созвездием "Кедра"

«Ты»	134
«Шанзайский вояж»	134
«Сегодня другой я»	136
«Песенка партнера. Фигурное катание»	137
«Переделкино»	138
<i>Новые имена</i>	
Вера Косинцева	
«Тот колодец забытый...»	140
«Весны приход похож на чудо...»	140
«Окину взглядом – всюду моя Русь...»	141
«Молодость – ненадолго...»	141
«Посмотри-ка, мама, чудо!..»	142
«Бывший учитель»	142
«Уходит осень незаметно...»	143
«Родина – это речка....»	143
Ильгам Ильясов	
«В соседстве с сохатыми, косыми, косолапыми»	144
Анатолий Климин	
«Казанский дабл-покер»	149
Владимир Носов	
«В ночном небе»	164
Сергей Зубков	
«Гаснет в печурке огонь...»	170
«Мои мечты»	171
«Города покидаем...»	171
«Рональду Рейгану»	172
«Бригаде Ю. М. Чеха»	173
«Затих гул вертолета над площадкой...»	173
«Трасса»	174
«Марш Верхнекондинской казачьей станицы»	175
Павел Хелин	
«За витриной супермаркета»	176
Максим Крюков	
«Я так не хотел уезжать»	183
«Будет дождь»	184
«Ворон и воин»	184
«Мой дом»	185
«Вальс скользящего времени»	186
Амир Каримуллин	
«С папой в лес»	188
«Мой любимый автомобиль «Москвич»	190
«Про альбом со стихами»	191
Игорь Коврижных	
«Мужчинам больно не бывает...»	192
«Прочесть бы с тобой сотни книг...»	192
«Счастье – это когда ты рядом...»	193
Лидия Белова	
«Ты забыл»	194
«Волшебное время»	195

